
ПИОНЕР 2
ФЕВРАЛЬ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА ПОСТУ

Мне не спится, мне не
спится,
Потому что я мечтаю,
Что служу я на границе,
Край родимый охраняю.

На посту я под пургою
И смотрю в потемки грозно.
Автомат, готовый к бою,
Я держу в руках надежных.

Пусть ползучею лисицей
Ненавистный враг крадется.
Сквозь советскую границу
Никогда он не прорвется.

На посту я под пургою,
Пусть метут снега косые!
Знаю я, что за спиною
Спит Москва и вся Россия.

Фото А. ГЕРИНАСА.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Ты догадался, почему НАШ КЛЮЧИК начинается стихами **Евгения Ладыженского** о мальчике, который мечтает с оружием в руках охранять свою страну? Потому что на этот месяц приходится праздник — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА. Многие ребята мечтают стать летчиками и танкистами, ракетчиками и моряками.

23 ФЕВРАЛЯ ты поздравишь **своего деда** — он сражался на фронте в дни Великой Отечественной войны. **Папу и учителя** — они служили в Армии. **Старшего брата**-допризывника.

Это праздник не только для тех, кто носит сейчас гордую форму Вооруженных Сил Советского Союза. Это праздник для всех, кто носил ее в прошлом или только готовится надеть.

В этом номере ты встретишься с ребятами, детство которых пришлось на суровую пору Великой Отечественной войны: ты познакомишься с ними в рассказе **В. Крапивина** «Гвозди» и в стихах **Ю. Луцкевича.**

А вот Арина, Витя и Ледик живут в понятное и знакомое тебе время, в наши дни. Но живут в таком месте, которое кому хочешь покажется удивительным: в заповеднике в пустыне Каракум. Они знают, что едят вараны, они умеют ладить с ядовитыми змеями, они... Впрочем, остальное ты узнаешь, прочитав повесть **Зои Журавлевой** «Я, Арина, Байрамчик и верблюжье молоко».

Прислушайся: с тобой говорит **Надежда Константиновна Крупская!** В номере —, отрывки из ее писем.

Ты увидишь последнюю «штатскую» фотографию **Аркадия Гайдара** и прочитаешь новую страницу из его биографии.

Какой характер нужен человеку, который готовится стать хозяином своей страны? На странице 17-й об этом размышляют свердловские пионеры из юнкоровского отряда «Каравелла». Советуем подумать вместе с ними.

Любишь ли ты путешествовать? Со страницы 66 отчаливает «Катерок» **Сергея Козлова.**

Всех желающих (и умеющих) решать задачи зовут на олимпиаду наши старые друзья **Икс, Игрек и Зет.**

Ты, надеемся, ничего не пропустишь.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Издательство «Правда»

Москва, 1972 г.

Владислав **КРАПИВИН**

Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА.**

Гвозди

РАССКАЗ

Ночью Костик сильно кашлял, прямо спать никому не дал. Утром мама сказала:

— Сиди-ка сегодня дома, не ходи в школу, а то совсем сляжешь.

Костик не огорчился. Дома одному, конечно, не очень весело, но в школе тоже хорошего мало: холод, как на улице. Даже варежки снимать не хочется. Да и незачем их снимать, потому что чернила часто застывают и писать нельзя. Нина Матвеевна второклассникам даже и не задает ничего, а только читает книжки вслух. Старается больше про лето читать, но от этого все равно не теплее.

А дома тепло. Мама выхлопотала два кубометра дров. Дрова, конечно, не березовые, а сосна вперемешку с осиной, но, ничего, греют. Каждое утро теперь печка-голландка бодро гудит и потрескивает угольками. И валенки всегда просохшие, теплые.

Только сегодня валенки не нужны.

Когда мама и Зина ушли на работу, Костик выскочил из-под одеяла, быстренько оделся и нырнул под кровать. Там в углу за Зинкиным чемоданчиком прятались пыльные старенькие сандалии. Если от пола не тянет промозглым холодом, хорошо побегать по комнате в сандалиях. Лето вспоминается.

Костик побегал. Какая-то крошка мешала в левой сандалии. Костик вытряхнул ее. Это были слежавшиеся листики и семена полыни. Наверно, с того сентябрьского дня остались...

Костик вспомнил и загрустил, присев у окна. Прыгать больше не хотелось. Потом он вздохнул и поднялся со стула: он знал, что делать. Как всегда в такие минуты, сделалось страшновато. Костик запер на крючок дверь, задернул шторки. И опять полез под кровать — за фанерным чемоданчиком, где хранилось Зинкино личное имущество.

«Имущество» старшей сестрицы было сплошное барахло. Железные штучки, чтобы волосы на них накручивать, две брошки, пустая пудреница, перевязанная шпагатом пачка писем от знакомых ребят с фронта, зеркальце, лоскутки какие-то. Но среди лоскутков лежала треугольная косынка. Красная с белым горошком.

Она была из остатков материи от платья. Платье Зина шила еще до войны и давно износила, а косыночка сохранилась. Летом Зина ее надевала, когда ходила на танцы в Сад судостроителей. Ну, а сейчас, конечно, в таком платочке не побегаешь. Отправляясь на завод, Зина шаль наматывает да еще шарф сверху...

Костик вынул косынку, задвинул обратно чемодан. Подошел к зеркалу. Зеркало было почти от пола и до потолка, старое, еще бабушкино. Очень удобное: человек в нем отражался с головы до ног.

Сейчас в зеркале виден худой, белобрысый, давно не стриженный мальчишка в синей выцветшей рубашке и зеленых штанах из плащ-палатки. Остроносый, остроплечий, с немного оттопыренными ушами. Не очень красивый, но ничего. На лице у мальчишки беспокойство.

Костик перестал себя разглядывать и еще раз оглянулся на окна и запертую дверь. Если кто-нибудь застал бы его за теперешним занятием, Костик просто провалился бы сквозь землю, хотя и сам не знал, почему. Может быть, потому, что не хотел признаваться никому в своих мечтах и боялся насмешек. А может быть, потому, что было в этом деле непростительное самозванство. Но он ничего не мог с собой поделать.

Костик отогнул воротник, набросил косынку на шею и стал старательно завязывать узел.

Если зажмуриться или просто забыть про белые горошины, то косынка абсолютно такая же, как пионерский галстук.

О галстуке Костик мечтал давно. С того сентябрьского дня, когда случилось чудо. Действительно чудо, и никаким другим словом Костик не мог назвать свое спасение.

Был тогда выходной. Стоял совсем летний день, только ветер был плотный и ровный, хотя и не холодный. Костик склеил змей. Хотел забраться на крышу, чтобы запустить, но сосед Иван Сергеевич Протасов и его жена тетя Валя подняли такой крик, что лучше не связываться. А чего им надо? Ведь он не на их дом забирался (они живут в каменном трехэтажном), а на свой, двухэтажный.

Протасова не переспоришь. И Костик решил идти на площадь. Там простора много, можно змей прямо с земли запустить, если разбежаться.

Площадь просто так называлась площадью, а на самом деле это громадный пустырь посреди города. В центре его стояла красная водонапорная башня, похожая на старинную, а кругом раскинулись заросли полыни и бурьяна да лужайки с мелкой травой. На лужайке паслись козы и гоняли тряпичные футбольные мячи мальчишки со всех улиц. В прошлые годы площадь распределяли под огороды, а в этом году запретили: хотели что-то строить.

Раньше Костик никогда не ходил на площадь один, только со старшими ребятами. Дорога была неблизкая. Но сейчас он решился, очень уж ветер хорош.

Со змеем под мышкой добрался он до края пустыря. Ветер шел плотным потоком: пригибал полынь, рвал на башне выгоревший флаг, отбрасывал назад волосы у Костика и даже его ресницам не давал покоя. Костик зажал в кулаке катушку, подбросил змей и кинулся навстречу ветру.

Змей поднимался быстрыми рывками. Катушка разматывалась и дергалась в кулаке, как живой мышонок. Костик оглянулся и увидел, что змей уже высоко.

А потом он увидел врагов.

Враги сбегались с двух сторон. То, что они враги, Костик сразу понял. Потому что узнал среди них большого мальчишку, которого все звали «Глотик». Глотик — жулик и хулиган. Он постоянно ошивался у кинотеатра «Темп», спекулировал билетами и не прочь был запустить лапу в чужой карман. К маленьким Глотик безжалостен.

Мальчишки увидели, что Костик их заметил, и засвистели. Костик поддал ходу.

Если бы он не бежал, ничего бы с ним, наверно, не сделали. Ну, отобрали бы змей, стукнули бы по шее для порядка, вот и все. Но попробуйте устоять на месте, когда к вам, воя и визжа, мчится вражья ватага. Костик припустил так, что ветер не засвистел, а просто застонал в ушах.

А когда человек убегает, его надо обязательно догнать. Это уж закон такой. Если даже непонятно, зачем его догонять, все равно гонятся.

Теперь мальчишки, видимо, и не думали про змей. Он сорвался с высоты, сделал петлю и косо врубился в траву. Несколько метров он тащился на нитке, потом нитка лопнула.

— Эй ты, стой! Хуже будет! — пискляво кричал кто-то сзади.

Костик всхлипнул и постарался бежать еще быстрей. Было трудно продираться сквозь густую полынь, и в боках кололи длинные тонкие иголки. Добежать бы до края пустыря, там улица, а на улице прохожие, они не дадут в обиду. Но разве добежишь? Площадь бесконечная, а дышать уже совсем трудно, ветер пролетает мимо щек и ни капли не попадает в легкие.

«Упаду сейчас»,— подумал Костик, потому что иголки в боках стали как кинжалы. И в самом деле упал. Но не оттого, что совсем обессилел. Он ухнул в заросшую по краям, незаметную яму.

В яме полно битого кирпича. Грудью, локтями и коленями грянулся Костик на острые обломки и несколько секунд лежал не двигаясь. Он старался проглотить боль и стискивал зубы, чтобы не выдать себя громким плачем.

«Может, не найдут,—думал он. — Может, проскочат мимо».

И в самом деле, прошла, наверно, минута, а врагов было не слыхать. Боль слегка отпустила Костика. Он поднялся и сквозь траву глянул на площадь.

И он увидел такое, что потом, когда вспоминал, ему хотелось смеяться и даже плакать от радости.

Мальчишки потеряли его (и устали к тому же) и бежали едва-едва. Крутили головами. До ямы было шагов двадцать. И вдруг между Костиком и его врагами поднялся строй ребят. Они встали из высокой травы ровной линией. Костик видел их головы в бумажных пилотках, их спины в зеленых, как гимнастерки, рубашках и алые треугольники галстуков.

А над плечами у них поднималась щетина сверкающих штыков.

Костик ничего не понял сначала. Не поняли и враги. Они остановились и затоптались перед неожиданно возникшей шеренгой.

— Ну, чё надо? — нерешительно сказал Глотик.

Прозвучала короткая команда, и шеренга, не теряя стройности, двинулась на ватагу.

— Ну, чё надо?! — тонко крикнул Глотик. — Мы к вам не лезли!

Раздалась еще команда, и штыки дружно склонились навстречу противнику. У ребят с винтовками не было барабана, но Костику показалось в тот миг, что он отчетливо слышит торжественную атакующую дробь.

Радостная сила подняла его как на крыльях. Он выскочил из ямы и догнал шеренгу.

— Я с вами! Я против них! Я за вас...

— А мы—за тебя! — весело сказал ему светловолосый парнишка. Он подтолкнул Костика и, не сбивая шага, ввел его в строй. Рядом с собой. И пошли. Левой, левой...

Компания Глотика сперва отступала рысью, а потом перешла на галоп и кинулась врассыпную. У них началась паника.

Шеренга домаршировала до края площади и остановилась, сохранив равнение...

Винтовки у них были, конечно, деревянные, покрытые коричневой краской. И штыки деревянные. Но каждый штык, покрытый жестью от консервных банок, сверкал грозно, как боевой.

Ну и пусть винтовки из дерева. Все равно, когда Костик шел плечом к плечу с этими ребятами, ему казалось, что никакие танки и пушки не остановили бы их. И повторялись в голове у него простые и крепкие слова

И вдруг между Костиком и его врагами поднялся строй ребят.

светловолосого парнишки: «А мы — за тебя! А мы — за тебя!»

Это были ребята из незнакомой школы, с той улицы, где Костик и не бывал никогда. Они готовились на площади к военной игре, учились устраивать засаду и вдруг увидели, как за Костиком гонится толпа. Это же свинство — столько больших на одного маленького! Вот пионеры и решили защитить его!

Костик проводил ребят до школы. Он маршировал вместе с ними посреди мостовой и ни разу не сбил шага, хотя в сандалии попали крошки и ступать было неудобно. И он не чувствовал себя лишним. Правда, не было у него рубашки защитного цвета и винтовки, но зато были штаны из плащ-палатки, почти военные. А главное, никто не смотрел на него как на чужого.

И только в тот момент, когда светловолосый паренек строго отсалютовал ему на прощание, Костик понял, как далеко ему до

этих ребят. Ведь он не мог ответить на салют салютом. И он шепотом сказал:

— Ну, я пошел...

Он так и не узнал их имен. И даже лиц не запомнил. Они были для Костика просто пионеры. Просто дружная шеренга, чеканный строй, который был «за него». И с тех пор Костик затосковал о пионерском галстуке.

Костику казалось, что, если станет он пионером, жизнь его сделается в тысячу раз лучше. Красивее, смелее, интересней. А разве не так? Разве не рассказывала Майка Рудакова, как замечательно было в пионерском лагере? Разве не живет удивительной и немного таинственной жизнью их сосед, пятиклассник Борька?

Но как вступают в пионеры?

Однажды во второй класс «Б», где учился Костик, пришла девчонка-семиклассница и взрослым голосом сказала:

— Кто хочет стать пионером, пусть придет на сбор в четвертый класс «А». Только запомните: одного желания мало. Надо, чтобы вы хорошо учились и чтобы вам исполнилось девять лет. Кто хочет в пионеры, поднимите руки.

Костик хотел. Правда, лет ему было только восемь с половиной, но он как-нибудь выкрутился бы. И учился он не хуже других. Но дурацкая стеснительность связала его будто веревками, и он не поднял руку. Если бы хоть кто-нибудь из мальчиков поднял, Костик, наверно, тоже решился бы. Но мальчишки пересмеивались и недружелюбно поглядывали на семиклассницу. Им не хотелось оставаться ни на какой сбор. После уроков-то! Дураков нет. Захотели только несколько девчонок: одна отличница и две ябеды.

В общем, что-то было не так. И семиклассница совсем не похожа была на того светловолосого паренька-командира. Она старалась изо всех сил походить на учительницу.

А потом Костик узнал, что сбор в четвертом «А» почему-то не состоялся. Девчонки продолжали ходить без галстуков, и все позабылось. А Костик ни у кого не решался узнать: как же стать пионером?..

Он поправил на груди Зинкину косынку, стал по стойке «смирно» и в салюте поднял над головой ладонь. И опять вспомнилось ему ярко-ярко, как идет он в боевой шеренге через солнечную заросшую площадь и невидимый барабан отстукивает: «А мы — за тебя! А мы — за тебя»...

Костик убрал косынку в чемоданчик, раздвинул шторки, отпер дверь. Начинался

день. Надо было думать, какими делами его заполнить.

Первое дело — автомат. Нужно его дострогать. Мамы и Зины нет, никто не будет охать, что Костик отрежет себе кухонным ножом пальцы.

Костик вытащил из-за печки недоделанный автомат и навалился на работу. Стружки — по всей комнате. Он выстругивал свое оружие из старой лыжи. Приклад получился гладкий, коричневый, почти настоящий.

Но автомату обязательно нужен диск. Без дисков автоматы не бывают, это каждый ребенок знает. А самые лучшие диски получаются из консервных банок.

Костик замел стружки к печке, оделся, сунул ноги в валенки и выскочил во двор.

Двор был длинный и узкий. С одной стороны стоял кирпичный трехэтажный дом, с другой—двухэтажный деревянный. Между домами в конце двора тянулись дровяники и сараи. Получалась будто большая буква П. Ножки этой буквы подходили к овражку. Овражек летом зарастал дремучими травами и журчал ручейком, а сейчас был занесен снегом.

На краю овражка жители устроили зимнюю помойку. На помойке можно было отыскать консервную банку. Больше всего банок выбрасывал Иван Сергеевич Протасов.

И Костик нашел банку. Очень хорошую — плоскую, блестящую, с отогнутой наполовину крышкой, которую очень легко поставить на место. Костик глотнул слюну, представив, какие вкусные консервы ел недавно Протасов, и тут же заставил себя не думать про это. А то очень захочется есть.

Костик приставил банку к автомату. Так здорово получилось! Только прибить ее надо, эту банку.

Вот тут-то и была главная трудность. Чтобы прибить, нужны гвозди. А где их возьмешь? Дома Костик еще летом, когда саблю и щит делал, обшарил все углы и из всех стен гвоздики повыдергал — не на что полотенце повесить. А на улице гвозди тоже не валяются — это штука редкая.

Что делать? Два гвоздя нужно, хоть умри. Может быть, покопаться в куче золы, которую выбрасывают из печек? Там иногда попадаются гвоздики, но они обгоревшие, мягкие. В дерево заколотить можно, а жесть не пробьешь. Чтобы пробить ее, все равно нужен крепкий гвоздь, хотя бы один.

Озабоченный такими мыслями, побрел Костик домой. И тут его окликнули:

— Мальчик! Покажи автомат!

У подъезда большого дома стоял незнакомый мальчишка. В больших валенках, куцем пальтишке и мохнатой шапке с очень длинными ушами. До подбородка закутанный шарфом. Был он гораздо старше Костика, наверно, в пятом классе учился, как Борька. Несмотря на всю закутанность его, Костик рассмотрел, что мальчишка очень худ.

«Эвакуированный»,— понял Костик. Это было обычное дело: в сибирский городок приезжало немало семей из разоренных войною мест.

Костик нерешительно остановился. Странный какой-то мальчишка. По всем правилам он должен был окликнуть Костика так: «Эй ты, пацан! А ну, иди сюда! Покажи свою тарахтелку! Да не бойся, не возьму!» И по тем же правилам Костику следовало оглянуться и, если есть возможность, рвануть к своему крыльцу. Потому что насчет «не возьму» — дело темное.

Но парнишка этот как-то слишком вежливо и серьезно сказал: «Мальчик, покажи автомат». Может быть, притворяется? Лучше бы не связываться, конечно.

Однако, пока Костик топтался, незнакомый мальчик сам подошел к нему. Снял варежку и протянул к автомату руку.

— Можно?

Ладонь была узкая, очень бледная, с розовым следом ожога. Костик молча подал свое оружие.

— Хороший,— сказал мальчик. — Ты его сам сделал? Удачно. Только банку надо прикрепить как следует.

— А как? — откликнулся Костик слегка сердито. — Ни одного гвоздика нету.

Мальчик подумал.

— Гвоздики у меня есть. Несколько штук. Только я не могу придумать, как эту банку приколотить. Надо ведь изнутри прибивать, а молоток не влезет.

Костик торопливо сказал:

— У нас пестик от ступки есть. Можно им приколачивать. Он маленький и очень тяжелый.

Неужели этот совсем незнакомый мальчишка поможет? Значит, он такой же, как те, с винтовками? Тогда все понятно.

— Я принесу гвозди,— сказал мальчик,— а ты принеси, пожалуйста, пестик. Мы здесь, на крыльце, и приколотим. Можно было бы у нас, но мама немного нездорова, ей вредно, когда шумят.

— Можно у нас,— поскорее сказал Костик. — У нас никого дома нет.

— Хорошо... Меня Володей зовут. А тебя как?

Костик слегка засмущался и назвал себя. Не привык он так быстро и просто знакомиться.

— Костик...— повторил Володя.— Значит, Константин? Моего папу Константином зовут. Он морской летчик.

— А мой отец — техник-интендант,— сказал Костик и вздохнул.— Ты не думай только, что он в тылу. Он в атаку ходил, когда в окружении были. У него ранение и контузия. И орден Красной Звезды...

С гвоздями они отправились к Костику. В коридоре Костик почуял беду. Пахло гарью. Синий дым выползал из-под двери.

Неужели этот незнакомый мальчишка поможет? Значит, он такой же, как те, с винтовками?

Костик рванул дверь. У печки горели стружки и веник. Костик замер. Он потом никак не мог понять, почему стоял и смотрел на огонь, хотя мог броситься за водой.

— Ух ты...— негромко сказал Володя. Странно это у него прозвучало: не со страхом, не растерянно, а будто даже с одобрением.

Потом он снял пальто. Костику показалось, что двигался Володя неторопливо и аккуратно. Снятое пальто Володя бросил прямо на огонь. Пламя захлебнулось, только дым еще шел. Володя поднял пальто, бросил еще раз и похлопал по нему ладонями. Потом сказал:

— Еще немножко, и пришлось бы пожарников вызывать.

Костик заревел. Он ничего не мог с собой поделать. Слезы текли, как вода из умывальника, и нельзя было сдержать отчаянных всхлипываний.

— Ну что ты плачешь? — сказал Володя.— Боишься, попадет? Да никто и не заметит, мы сейчас все уберем.

Он поднял пальто и стряхнул с него почерневшие стружки.

Костик стал всхлипывать реже. И сердито сказал:

— Я ничего не боюсь. Я сам не знаю, откуда слезы взялись. Просто чушь какая-то.

Конечно, ему было неловко.

Но Володя вел себя так, будто ничего не случилось. Спокойно замел на фанерку и выбросил в печку обгорелые стружки. Открыл форточку. Повесил свое пальто и шапку на крючок у двери. Костик молча следил за ним и моргал мокрыми ресницами.

У Володи симпатичное лицо. Только очень худое. Наверно, поэтому глаза и уши казались слишком большими. Он весь какой-то острый и тонкий. Было похоже, что колючие Володины локти и лопатки вот-вот прорвут старенький хлопчатобумажный свитер.

— Ну, принеси ваш пестик,— сказал Володя.

Костик принес.

И за две минуты Володя ловко приколотил банку к автомату. Накрепко. А потом посоветовал:

— Положи в нее какие-нибудь железки. Будешь трясти автомат, а они будут греметь, и получится как стрельба.

Это была мысль! Костик тут же кинулся искать по углам гайки и колесики от рассыпанного «конструктора». Даже про Володю забыл. А тот вдруг негромко сказал:

— Знаешь, я домой пойду.

— Почему? — растерялся Костик. И подумал: «Обиделся на меня».

— Что-то голова закружилась. Наверно, дыма надышался. Надо полежать.

«Странный какой-то,— думал Костик, начиняя банку гремучим железом.— Дымом надышался! Что такого? Не сгорел ведь».

Он построил из стульев «крепость» и открыл огонь из автомата по печке, которая была вражеским дотом. Дот не хотел сдаваться. Костик усилил стрельбу и хотел вызвать на помощь артиллерию. Но тут под сердитыми ударами загудела стенка, и голос соседа Борьки врезался в шум сражения:

— Эй, ты! Кончай тарахтеть! Я уроки делаю!

С Борькой спорить опасно и невыгодно. Костик опять оделся и выбежал на улицу.

Он пристроился в партизанском укрытии за поленницей Ивана Сергеича. Протасовская поленница была ровная и прочная, будто крепостная стена. Кое-где хозяин даже обил ее фанерой: чтобы не растаскивали дрова.

Костик дал очередь по подъезду большого дома, где скрывались фашистские пехотинцы, и поморщился. Неудобно стрелять: острое

полено давило плечо. Костик ухватил полено и отбросил в сторону.

И тут на него напал враг. Настоящий. Прокравшийся с тыла Иван Сергеич сдернул с Костика шапку и уцепил его за ухо.

— Ясно теперь,— сказал он, шумно дыша.— Ясно, голубчик. Все ясно, кто мне поленницу разоряет. Пойдем-ка, дорогой...

Он был громадный, тяжело сопящий, в белом военном полушубке (он служил начфином в военкомате и носил форму, только без погон). Костику показалось, что над ним нависла снеговая глыба. Глыба тронулась с места и потянула Костика за собой.

Костик почти висел на выкрученном ухе, было очень больно. Костик закусил губу: один раз он уже плакал сегодня, хватит. Ни единой слезинки, ни одного жалобного слова Протасов не дождется. Только скоро ли он отпустит? Мамы дома все равно нет. А что если Протасов потащит его за ухо к маме на работу?

Протасов ногой толкнул дверь, они оказались в коридоре. Костик увидел Борьку. Борька стоял у мусорного ведра и большим кухонным ножом чинил красный карандаш. Он услышал топот и оглянулся.

— Мамаша его дома? — спросил Протасов у Борьки и тряхнул Костика за ухо. — Позови.

Костик увидел, как Борька побледнел.

Раньше Костик только в книжках читал, что люди могут быстро и сильно бледнеть.

Костик почти висел на выкрученном ухе.

Сейчас увидел на самом деле, хотя света в коридоре было немного. Борькино лицо сделалось вдруг почти белым, а крупные веснушки на нем будто почернели.

Сперва Костик решил, что Борька очень испугался Протасова. Но тут же понял, что ничуть.

— Руки...— сказал Борька тихим и странным голосом.

— Что руки? — не понял Протасов.

— Убрать руки! — крикнул Борька с такой силой, что Протасов дернулся и отпустил Костика.

— И держите их при себе! — зло сказал Борька.— Нечего маленьких за уши хватать.

— Хулиган! — задохнулся Протасов.— Да я...

— Кто хулиган? — спросил Борька.

— Оба!

— Я не хулиган,— сказал Борька уже спокойно.— Что я, окна у вас бил или ваши дрова воровал? Или хлебные карточки из карманов таскал? А он? — Борька посмотрел на Костика.— Он что плохого вам сделал? Жить мешает, что ли? Не смейте его трогать. У него отец на фронте, не то что некоторые...

— А-га... — сказал Протасов и задом отошел к двери.— По-нятно. Вот, значит, как...

Он старался говорить зловеще, но было видно, что он и сам не знает, при чем тут «ага» и «понятно».

— Шпана,— произнес Протасов на прощание и скрылся за дверью.

Борька всадил нож в половицу.

— У, шкура,— сказал он.— Чего он к тебе прицепился?

— Не знаю. Я в войну играл рядом с его поленницей. Он к ней никого не подпускает.

— Я сразу понял, что он зря тебя ухватил. Всех ребят за уши хватает. Ну ничего, ты не плачь.

— Разве я плачу...— сказал Костик. И в

глазах у него защипало от благодарности. Он вспомнил, как еще летом Борька помог ему починить деревянный грузовик, а осенью подарил синий карандаш и открытку, на которой красноармеец втыкал штык в зад Гитлеру. А один раз он даже открыл Костику военную тайну. А еще Борька никогда, ну ни одного разика не стукал Костика, хотя часто сердился и требовал не путаться под ногами.

Ну и что же, что сердился? У него в школе дела важные и работа такая, про которую нельзя, чтоб шпионы узнали. Он ведь устает. Даже мама бывает сердитая, когда устает на работе.

Костик взглянул Борьке в лицо и увидел, что он смелый и умный и ни капельки не рыжий. Волосы у него золотистые, а веснушки светлые и блестящие. И глаза очень хорошие, светлые и добрые.

Ну, все ясно. Просто Костик раньше не понимал до конца, что и Борька такой же, как те, с винтовками.

И, не зная, что хорошего сделать для Борьки, Костик спросил:

— Хочешь, я подарю тебе мой автомат?

Борька взял оружие, взвесил на руке.

— Хороший... Да нет, Костик, не надо. Я, если надо, могу на комбинате хоть пулемет выстругать... А ты сам его делал?

— Сам... Только банку не сам приколачивал. Ее Володя прибил. Знаешь его?

— Ленинградец? Знаю,— сказал Борька.— Хороший парень.

Воскресенье было теплым, шел липкий снег. Костик с утра строил у забора блиндаж. Вырыл в сугробе яму, окружил ее стенкой из снежных кирпичей и выбрался наружу, чтобы придумать, как сделать крышу.

Тут он увидел Володю. Володя стоял посреди двора и, видно, не знал, чем заняться.

— Эй, здорово! — крикнул Костик.— Айда играть!

Володя подошел.

— Здравствуй... А как играть? Ты что построил?

— А хоть что! Можно, чтобы это штаб был, а можно, чтобы землянка у партизан.

— Это похоже на убежище,— серьезно сказал Володя.— Давай играть в воздушную тревогу.

— Давай!

Володя ухватил в каждую варежку по снежному комку (это были бомбы), раскинул руки и загудел, как «юнкерс». Двинулся по широкому кругу, чтобы зайти Костику в тыл.

Не на такого напал!

Костик моментально слепил тугой снежок.

— Батарея, огонь! Б-бах!

Снежок попал Володе в подбородок. «Бомбардировщик» прервал полет и уронил бомбы. Володя взялся за лицо, постоял несколько секунд и тихо сказал:

— Ты совсем глупый. Когда бывает воздушный налет, население не кричит «бах», а прячется в щели и убежища.

— А я не население! Я зенитная батарея!

Володя помолчал, вытер варежкой мокрое лицо и вдруг улыбнулся.

— Ну, ладно. Я ведь не знал, что ты зенитная батарея... Подожди, сейчас одну штуку принесу. Бомбы сделаем.

Он, значит, не обиделся. Он сходил домой и принес три капсюля от охотничьих патронов — крошечные медные чашечки с зеркальцами внутри. Если капсюль залепить хлебным мякишем, да нацепить на ручку с пером, да стукнуть о что-нибудь твердое, знаете, как трахает! Костик и Володя так и сделали: они превратились в советские самолеты и сбросили три бомбы на немецкие танки, которые расположились на крыльце.

— Во, грохает! — радостно сказал Костик.— Как настоящая бомба! Ага?

Но Володя ответил тихо и серьезно:

— Что ты. Настоящая как даст — сразу целого дома нет.

— Ты видел? — спросил Костик.

— Еще бы...

«Еще бы»,— сказал он, и Костик отчетливо понял, что для Володи война совсем не игра. Володя видел сам, как рассыпаются от бомб дома. На самом деле, а не в кино. Они ведь по правде рассыпаются. И люди гибнут. И большие и маленькие.

А зачем?

Ну что им, этим гадам-фашистам, надо? Ну чего они полезли?!

И ощущение злой беспомощности так резануло Костика, что он даже зажмурился.

Это уже не в первый раз. Такую же злость и бессилие почувствовал Костик, когда папа приехал в отпуск и показал ему свой лейтенантский погон, распоротый пулей.

А если бы чуть в сторону? Значит, пуля в голову или в сердце? И война словно в упор посмотрела на Костика.

Костик пришел домой и стал придумывать бомбу. Такую громадную и сильную, чтобы немцы в ужасе бежали до самого Берлина после первого же взрыва. Он хотел начинить ее маленькими бомбочками, чтобы они разлетались во все стороны и взрывались в самой гуще фашистов. На старых газетах он сделал несколько чертежей и решил послать их Калинину. Только надо их перечертить на чистый лист. Костик попросил бумаги у Зины. А она сказала:

— Ну, Костик, ну какой ты конструктор? Лучшие ученые в Советском Союзе изобретают самые сильные бомбы и танки. Они уж как-нибудь справятся. А ты бы лучше примеры решал по арифметике.

Костик рассердился и порвал чертежи.

Вот если бы посоветоваться с Борькой!

Но Борьки нет дома. Он на фанерном комбинате. Он туда почти каждый день ходит:

их класс организовал фронтовую бригаду. Все мальчишки и даже девчонки сколачивают деревянные ящики, будто для посылок бойцам. Но Костик знает, что ни для каких не для посылок. Борька однажды под страшным секретом рассказал Костику, что эти ящики — корпуса для мин. В них кладут взрывчатку, а потом эти штуки подсовывают под немецкие танки. Как рванет — от танка только брызги во все стороны.

— Понял? — суровым шепотом спросил Борька.

— Понял,— тоже шепотом ответил Костик и оглянулся.

— Но если хоть кому-нибудь разболтаешь, будешь самый паршивый предатель, хуже всякого шпиона.

— Ни-ко-му,— сказал Костик. И спросил: — А мне можно с вами?

— Пока нельзя. Надо подрасти.

Спорить бесполезно. Где ему, Костику, до Борьки! Тот вон какой: большой, сильный, в настоящей командирской гимнастерке, только немного перешитой. Заместитель командира бригады. И два пальца перевязаны бинтом — ударил на работе молотком. Это почти настоящая боевая рана.

Пришел Новый год, 1944-й. Мама принесла елочку. Маленькую елочку, Костику до плеча, но пушистую, аккуратненькую. Из корочек старых Зининых тетрадей Костик склеил флажки и цепи. Тетрадки были еще довоенные, с разноцветными обложками — желтыми, розовыми, голубыми, зеленоватыми и коричневатыми.

Получилось красиво. И, кроме того, сохранились настоящие елочные игрушки: несколько стеклянных шариков, два серебристых картонных дирижабля, ватный заяц с лыжами и одним ухом и звезда из тонкой золотистой бахромы.

Звезду Костик посадил на верхушку. Получилось здорово.

Ни свечек, ни цветных лампочек, конечно, не было. Но Костик отыскал в своем имуществе лампочку от автомобильной фары и двумя тонкими проводками подключил к розетке репродуктора. Как это сделать, ему Борька рассказал. Когда радио работало, волосок лампочки наливался светом. Если громкая музыка — разгорался ярко; если разговор какой-нибудь — тлел, как уголек в догорающей печке. Костик повесил эту лампочку в самой гуще еловых веток, и она светила, будто сказочный огонек в лесу.

Вечером к Зине пришли гости: две ее бывшие одноклассницы, какой-то парень с завода и курсант из пехотного училища Сережа Казанчук.

Все смотрели на лампочку-уголек и хвалили Костика. А Зинка подхватила его, посадила на колени и весело сказала:

— Он у нас изобретатель. Недавно хотел бомбу придумать. Немножко не получилось, а то бы всем фашистам сразу капут. Верно, Костик?

— Да ладно, хватит языком чесать,— проворчал Костик и слез с колен.

Все засмеялись, только Казанчук не засмеялся. Он сказал очень серьезно:

— Ничего смешного. Человек для фронта старался.

И все тоже сделались серьезными. Может быть, стало неловко перед Костиком, а может быть, вспомнили, что скоро Сережа Казанчук уезжает на фронт...

На следующий день в клубе железнодорожников состоялся новогодний утренник. Его устраивал для детей фронтовиков женский совет военкомата (сокращенно — «женсовет»). Костик на утренник не пошел: прохудились валенки. А мама пошла. Она состояла в женсовете и должна была встречать ребят в клубе.

Вернулась мама под вечер. Принесла Костику подарок: бумажный кулек со слипшимися карамельками, тремя пряниками и горсточкой печенья. Точнее говоря, она принесла два кулька, и Костик ревниво спросил:

— А этот кому? Зинке?

— Что ты,— сказала мама.— Она же большая. Это для Володи. Ну, ты знаешь, тот мальчик-ленинградец. Он болеет, и меня попросили передать подарок. Отнесешь ему?

— Угу,— сказал Костик.

Володя жил в соседнем большом доме на третьем этаже. Костик знал, что в шестой квартире, но никогда там не бывал. Интересно, есть ли у Володи елка; правда ли, что у него на столе стоит самодельный крейсер — маленький, но как настоящий; и действительно ли висит на стене портрет Володиного отца, морского летчика? Про крейсер и портрет рассказывал Борька, он к Володе несколько раз приходил.

Костик запахнул пальтишко, промчался через двор, затопал вверх по лестнице и, наконец, постучал в обитую клеенкой дверь.

Долго не открывали. Тускло горела у потолка лампочка, пахло керосином, и холодно было, как на улице. Костик потоптался и постучал снова. Тут дверь открылась.

Ее отворила высокая женщина со строгим лицом, с шерстяным платком на плечах.

— Ты к кому, мальчик?

— Володя дома? — спросил Костик, слегка оробев: женщина походила на учительницу.

— Ты пришел поиграть? К Володе сейчас нельзя, он болеет.

— Я не играть. Я вот...— Костик протянул кулек.

— Что это?

— Подарок. От военкомата.

— А-а...— Женщина чуть улыбнулась.— Спасибо.

— Пожалуйста,— сказал Костик и почему-то слегка обиделся.— До свиданья.

— Подожди. Тебя, кажется, зовут Костя?

Приходи к нам как-нибудь потом. Может быть, Володе станет лучше. Хорошо?

— Приду,— сказал Костик и сразу перестал обижаться.— Он поправится, и я приду.

Но Володя не поправился. В марте он умер.

Двор притих. Ребята с тревогой и смутным страхом поглядывали на крайнее окно третьего этажа. Там в маленькой комнате случилось непоправимое и непонятное. Такой солнечный день, с крыш побежало, и лужи сверкали изо всех сил, а он умер.

Вообще-то смерть была не в новинку, но люди умирали где-то далеко, от осколков и пуль, а сюда только приходили по почте серые бумажки с напечатанными буквами. И каждый раз сквозь горе пробивалась крохотная надежда: вдруг это ошибка?

А сейчас — никакой надежды...

Володя был такой же, как все мальчишки. Ему бы сейчас кораблики мастерить и радоваться близким каникулам. Он же не какой-нибудь старик. И не солдат. При чем же здесь смерть?

— Почему он умер? — спросил Костик у Борьки. Борька не ответил. Они стояли на крыльце, и Борька хмуро смотрел, как две женщины в ватниках вносят в подъезд большого дома красный гроб. Этот гроб привезли на телеге, и маленькая брюхатая лошадь терпеливо ждала у ворот, когда люди управятся со своим непонятным делом.

Костик не хотел смотреть на гроб. Он стал смотреть на свои разбитые, дырявые ботинки. И настойчиво повторил:

— Почему он умер?

— Не смог поправиться, вот и умер,— неохотно сказал Борька.

— А какая у него болезнь?

— Я ведь не врач, откуда я знаю. Что-то отбило, наверно, у него внутри, когда с крыши сбросило...

— С крыши?

— Ты, что ли, ничего не знаешь? — с досадливым удивлением спросил Борька.— Его в Ленинграде сбросило с крыши взрывной волной, когда он зажигалки тушил.

Костику почему-то представилось, как фашисты в касках со свастиками скрытно ползают по ленинградским чердакам и рассовывают по углам зажигалки с горящими фитилями. Зажигалки такие же, как у курсанта Казанчука, который смастерил ее из трофейного немецкого патрона... А Володя пробирается следом за врагами и задувает огоньки.

Но, конечно, все это не так... И Костик спросил:

— Какие это зажигалки?

— Ну, лопух,— беззлобно сказал Борька.— Неужели не знаешь? Которые немцы сбрасывают с самолетов, чтобы дома поджигать.

— Так бы и говорил, что зажигательные бомбы,— ловко вывернулся Костик.

Но Борька не ответил.

Костик думал о Володе.

«Значит, он не просто так умер. Он погиб из-за бомбы, когда тушил зажигалки. Его фашисты убили. Он — как солдат...»

— Говорят, он целых сто зажигалок потушил. А может, больше,— вдруг сказал Борька. И прозвучала в его голосе гордость. Будто и сам Борька гасил зажигалки. Будто он такой же, как Володя. Ну, а разве нет? Зажигательных бомб он не тушил, но зато делал корпуса для мин, и, может быть, уже не один гитлеровский танк вздрогнул и осел в дыму, напоровшись на Борькин ящик со взрывчаткой.

Володя и Борька состояли в одном отряде. Володя, оказывается, записан был в тот же класс, где учился Борька. Только в школу он ходил редко, болел все время...

— Борька,— сказал Костик тихо, но очень твердо.— Как мне записаться в пионеры?

И так же серьезно Борька ответил:

— Я подумаю. Это можно. Я давно на тебя смотрю, ты уже не маленький. Только надо тебе какое-то пионерское задание выполнить.

— Я хоть какое выполню. Можно, я буду с тобой ящики для мин сколачивать?

— Вообще-то я спрошу в цехе. Только мы пока не работаем. Гвоздей не хватает. Просто беда.

— Гвоздей всегда не хватает,— вздохнул Костик.

Володю хоронили через день. Гроб поставили на грузовик с опущенными и обтянутыми красным ситцем бортами. Машина выехала со двора и остановилась на дороге. Пришел оркестр — старшеклассники в одинаковых зеленых телогрейках, с трубами и большим барабаном. И солнце сияло на помятых, но блестящих трубах так, будто никто не умирал, а, наоборот, был праздник. И желтые облака отражались в лужах, и весело шумели воробьи.

Кто-то плакал в толпе. Володино лицо совсем как живое, только очень-очень спокойное.

Пришли ребята, Борькины одноклассники, с венком и пионерским знаменем, с которого свисала черная лента. И еще много незнакомых ребят. Какой-то мальчишка в шапке с полуоторванным ухом дернул Костика за рукав и шепотом спросил:

— Правда, что у этого пацана орден Красного Знамени?

— Правда,— сердито сказал Костик.

Оркестр играл почти без перерыва, и музыка была такая печальная, будто на свете не осталось совсем ничего хорошего.

Потом оркестр на минуту замолчал, и стало совсем тихо. Только со двора доносился стук. Это Иван Сергеич Протасов обивал

опять фанерой свои дрова. Чтоб не растащили.

Знамя качнулось над людьми, двинулось в голову колонны, машина заурчала и тихонько поехала вдоль тротуара. Володина голова качнулась на белой подушке. Опять заиграли трубы — медленно и сурово. И Костик вдруг увидел, что люди на дороге — это уже не беспорядочная длинная толпа. Ребята и взрослые шли ровным, почти солдатским строем.

Опасаясь, что ему не найдется в этом строю места, Костик прыгнул с тротуара и хотел уже встать между незнакомой девчонкой и пятиклассником Владиком Солдатовым. Но откуда-то со стороны появился Борька. Он строго сказал:

— Ты с нами не ходи.

— Еще чего! Тебе можно, а мне нельзя? Это просто нахальство какое-то! Нашел место, где распоряжаться! Раскомандовался!

Он стоял, а мимо проходили люди, и нескончаемую печальную мелодию повторял оркестр.

— Тебе нельзя,— твердо сказал Борька.

— Я тебя, что ли, обязан спрашивать?

— Дурень,— совершенно по-взрослому сказал Борька.— Смотри, у тебя ботинки раскисли и ноги насквозь мокрые. А идти-то нам туда и обратно целых десять километров. По лужам.

— Тебе-то что...

— А то, что потом еще и тебя хоронить придется. Думаешь, я не слышу, как ты по ночам от кашля крутишься?

Много обидных слов мог сказать в ответ Костик. Можно, например, ответить, что Борьку ночью даже корабельными пушками не разбудишь, не то что кашлем. Можно по-

советовать, чтобы заботился не о чужих ногах, а о своей голове. Но все эти ответы перепутались у Костика, и он только сказал:

— Ты для меня не командир.

— Нет, командир,— сказал Борька.

— Ты?! —сердитым шепотом спросил Костик.— Думаешь, если заступался за меня, значит, командовать можешь? Все равно пойду, не указывай.

— Не пойдешь,— шепотом ответил Борька.— Если хочешь знать, я имею право командовать. Ты сам говорил, что собираешься в пионеры вступать.

— Ну и что?

— А я в совете дружины, вот что. Значит, ты должен подчиняться.

Можно было сказать, что он, Костик, еще не пионер и ничего еще не должен. Но Костик не сказал. Четкое воспоминание о шеренге мальчишек с винтовками заставило его промолчать. И когда Борька совсем уже не по-командирски попросил: «Останься, будь человеком»,— Костик тихо сказал:

— Есть.

И вышел из шеренги на тротуар.

Он стоял, а мимо проходили люди, и нескончаемую печальную мелодию повторял оркестр. И Костику представилось, что это уходит армия, а он оставлен для ее прикрытия.

Армия уходила, унося с собой убитого фашистами Володю, чтобы держаться до конца. И отомстить.

Но ведь Володя убит не «понарошку», а всерьез. Это не игра. А если всерьез, то что мог сделать Костик?

Ну, как он мог отомстить не игрушечным, не из снега слепленным или нарисованным, а настоящим врагам?

Бомбу придумать не удалось, а больше он ничего не умел. И знакомое ощущение острой беспомощности опять кольнуло его.

Володя, пока мог, тушил зажигалки. Борька ящики для мин сколачивал, пока гвозди были...

Пока были... Гвозди!

Их сейчас нет, и мина, которая должна взорвать немецкий танк, не взорвет его. А Протасов свежими, новенькими гвоздями прибивает к своим дровам фанеру!

Сколько надо гвоздей, чтобы сколотить корпус для мины? Хотя бы один? Может быть, именно эта мина попадет по гусенице «тигра» или «фердинанда», и стальное чудовище заполыхает оранжевым огнем, бессильно уронит длинный орудийный ствол...

Протасов поймал Костика, когда он вытаскивал плоскогубцами двадцать седьмой гвоздь. Костик почувствовал, как тяжелая рука ухватила его воротник, и сжал в правой руке плоскогубцы, а в левой добычу.

— Змееныш...— с придыханием сказал Протасов. Лицо у него было даже не красное, а сиреневое.— Я все знаю, я давно вижу... Я в милицию...

Он потянул воротник, но Костик рванулся с такой яростной силой, что пальтишко затрещало, а Протасов качнулся и не выдержал, отпустил.

Костик упал, но тут же вскочил, оттолкнувшись от мокрой земли сжатыми кулаками. Затем отступил на два шага, потому что Протасов опять потянулся к нему. Глядя в его лиловую физиономию, Костик сказал:

— Тыловая крыса.

— У-у-у! — тонко закричал Протасов и почему-то замахал руками. Костик побежал. Протасов кинулся следом, но сразу отстал. Костик обернулся, бросил в него плоскогубцами и выскочил со двора на улицу.

Он бежал по теплой и тихой вечерней улице, и прохожие удивленно оглядывались на него. Он бежал, сдержав закипающие слезы. Бежал, как бегут в атаку, когда все уже неважно и самое главное — бить врага наповал.

Он бежал и видел перед собой вражеский танк, охваченный ревущим пламенем. И никакие силы не заставили бы его разжать ладонь и отдать гвозди.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Рис. Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Солдат

Опоясан строчкой каждый дом,
Строчкой жизни: «Мин
не обнаружено»...
Во дворе и вечером и днем
С деревянным бегаем оружием,
А устанем, надоест война,
Армии обсядут мирно бревна
И толкуют об отцовских орденах,
Будто их своей добыли кровью.
Я молчу: не помнил я отца.
Памятью — любительское фото.
Он споткнулся о кусок свинца.
Без отца ушла в атаку рота.

Возвращение отца

Мы ждали. Я и мама — ждали.
На каждый стук
распахивали дверь...
Друзья отца нам вещи
передали.

Но ведь бывает —
Ошибется смерть!

Худой, колючий, в кителе
линялом,
Сгребет в охапку маму и меня...
И дни, и ночи, и года менялись,
Но не дождался я такого дня.

Но все же мы вдвоем
Нередко были!
Отец входил вечерней тишиной,
И на стене часы тревожно били:
— Как день прошел?
Как прожит он тобой?

Провожаем ребят в армию

Провожаем ребят в армию
Под ногами дышит пол,
Гармонист окончил
«барыню»,
Рукавом стирает пот.

Вот чечетка четче,
четче,
Разлетались сапоги,
Разрумянились девчонки,
Точно в печке пироги.

— Эх, попытка
ведь не пытка!
Дядя Ваня входит в круг.
Скрип протеза, что калитки,
И глухой тяжелый стук.
— Жаль, ребята, что мне
с вами
На параде не шагать,
Но равнение на знамя
Нам, солдатам,
век держать!

Операция «Живое серебро» продолжается

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ОПЕРАЦИИ «ЖИВОЕ СЕРЕБРО»!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА РАССМОТРЕЛ УСТАВ ГОЛУБЫХ ПАТРУЛЕЙ.

ВОТ ОН, ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧИ ЕГО, ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ.

Устав голубого патруля

Голубой патруль — это объединение пионеров и школьников, любителей и защитников природы, которые помогают охранять и умножать рыбные богатства страны.

Членом голубого патруля может стать каждый пионер, комсомолец, школьник.

Голубой патруль следит за чистотой водоемов, ведет работы по озеленению и укреплению их берегов, спасает мальков, разъясняет ребятам и взрослым правила рыбной ловли, следит за тем, чтобы они не нарушались.

Под руководством ученых и специалистов голубой патруль изучает флору и фауну водоемов, наблюдает за ростом и развитием различных видов рыб, выполняет задания рыбоводных хозяйств, ученых, учителей-биологов.

Голубой патруль работает под руководством государственных и общественных инспекторов рыбоохраны, комитета комсомола и совета пионерской дружины школы.

Во главе отряда голубых патрулей стоит командир. Отряд может делиться на дозоры. Во главе дозора — командир дозора. Если в школе действует несколько отрядов, создается штаб голубых патрулей школы.

ЕЩЕ РАЗ — СПАСИБО!

С участниками операции говорит Иван Васильевич НИКАНОРОВ, начальник «Главрыбвода».

Некоторые ребята не любят, когда в разговоре с ними называют цифры. Цифры им кажутся скучными. Но когда речь идет о деле, без цифр не обойтись. В 1969 году в операции «Живое серебро» участвовало **ДВЕ ТЫСЯЧИ ОТРЯДОВ** голубых патрулей, а сейчас, в 1972 году их... около **ТРЕХ ТЫСЯЧ,** и отрядов становится все больше. **Операция «Живое серебро» продолжается.**

Хорошо, что эти отряды большей частью появляются самостоятельно. Пионеры не сидят и не ждут, когда к ним придет инспектор рыбоохраны и скажет: «Давайте спасать мальков, следить за чистотой водоемов...» Сами организуют отряды голубых патрулей, устанавливают посты на реках и озерах. Многие ребята нам пишут: им нужен транспорт, снаряжение. Обращайтесь за помощью не только в организации рыбоохраны, но и на рыбзаводы и в колхозы, занимающиеся промыслом рыбы.

Есть такой термин «промысловый возврат». Это рыба, выросшая из мальков и годная для промысла. Так вот, промысловый возврат рыбы, спасенной ребятами в прошлом году, **СОРОК ДВЕ ТЫСЯЧИ ЦЕНТНЕРОВ.** Эту рыбу спасали и большие отряды, у которых есть свой штаб, и маленькие отряды из трех-четырех человек. Все эти отряды, вне зависимости от численности, делают одно настоящее и очень важное для страны дело.

Я надеюсь, что в голубых патрулях вырастут будущие биологи и ихтиологи. Конечно, многие из вас, ребята, выберут другую профессию, но я уверен, вы будете любить природу и заботиться о ней.

Сейчас, когда уже давно распределены призовые места и отзвучали поздравления, мне хочется **поблагодарить всех участников операции «Живое серебро» и поздравить их с тем, что ОПЕРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

...—ВНИМАНИЕ!

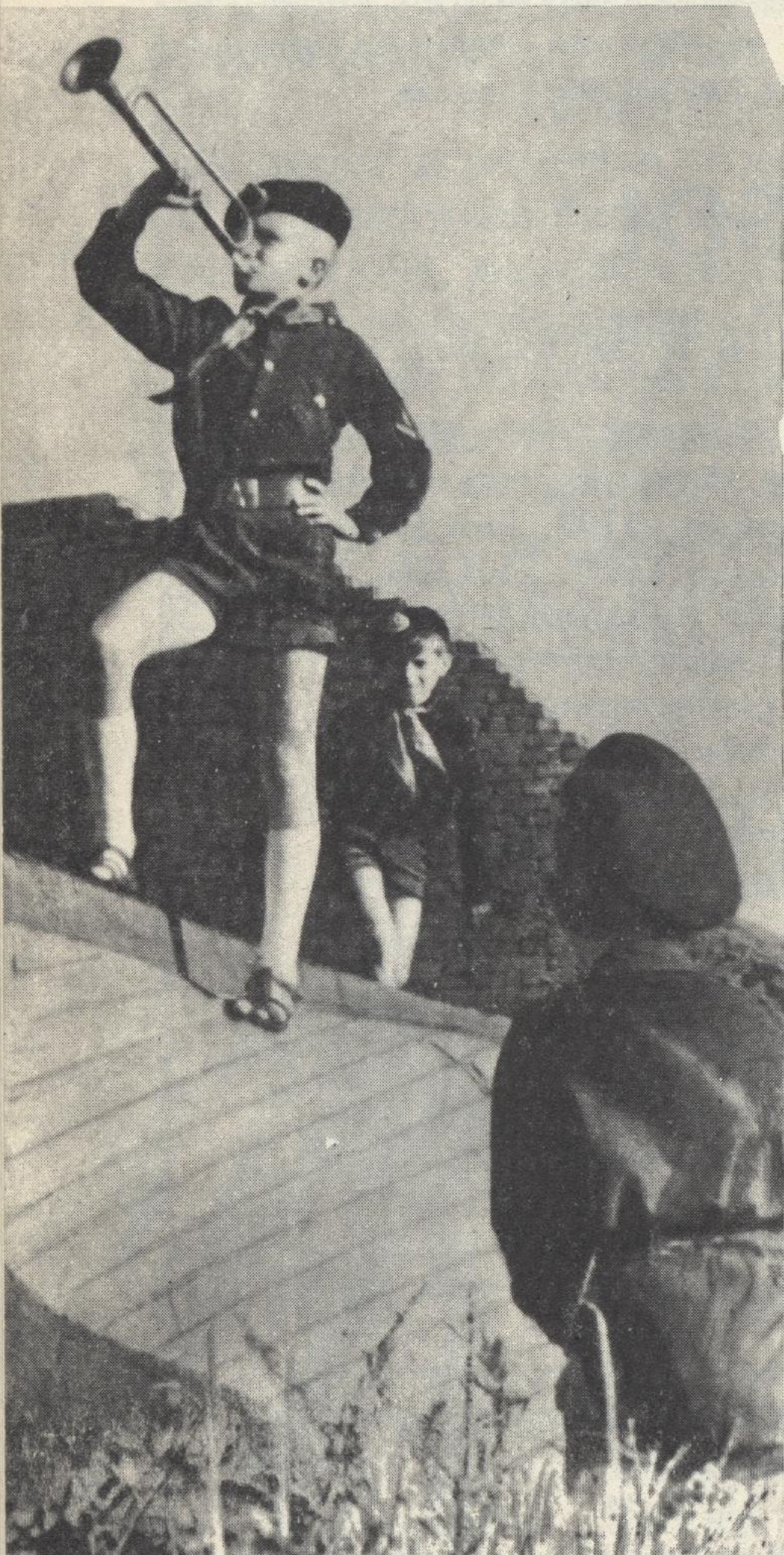
...— Внимание! Подаю по форме номер один позывной сигнал общий.

— Сумасшедшая!— подскочил Тимур.— Да сейчас сюда примчится сто человек! Что ты делаешь?

Но уже закрутилось, заскрипело тяжелое колесо, вздрогнули, задергались провода... Сто не сто, а не меньше пятидесяти ребят быстро мчались на зов знакомого сигнала...

Так созывал свою команду гайдаровский Тимур. А у нас сигнал не такой. У нас взбирается на опрокинутую перед окнами командира шлюпку кто-нибудь из мальчишек и вскидывает начищенный горн. Выскакивают из домов ребята и мчатся к тем, кто живет далеко и услышать сигнал никак не может. А те бросают все дела и бегут дальше, к следующим. И когда собираются все, запыхавшиеся, растрепанные, покрасневшие от быстрого бега и тревоги, командир говорит:

— Случилось вот что...

«ПИОНЕР» созывает БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ

«Пионер» предлагает открыть на страницах журнала

ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Что скажем мы, ребята из свердловского юнкоровского и морского отряда «Каравелла»?

МЫ — ЗА. **Мы поддерживаем это предложение. Мы хотим говорить с ребятами о том,**

КАКОЙ ХАРАКТЕР НУЖЕН ЧЕЛОВЕКУ, если он хочет стать хозяином своей страны

— Да кто ты такой? — спросили Сережу Сомова.— Почему тебе вечно надо больше всех? Никто не лезет заступаться за этого Алешку, и только ты один...

Когда Сережка пришел с этим вопросом в отряд, раздался «по форме номер один позывной сигнал общий». А вахтенный записал в журнал: «Собрались все ребята, уселись за нашим большим столом и стали разговаривать о всяких важных вещах».

СЕРЕЖА СОМОВ. Я же точно знал, что Алешка не виноват, не пихал он эту десятиклассницу и не грубил ей. Он хотел только в раздевалку войти и нечаянно ее задел. Она и раскричалась, к завучу его потащила. Почему я должен молчать, если от меня зависит правда? Может, еще правила составить: когда надо молчать, а когда быть справедливым и честным?

СЛАВА СОЛОМИН. По-моему, если уж быть справедливым, то всегда. И в школе, и дома, и когда на улице играешь. Даже тогда, когда это вовсе и не легко.

ВАЛЕРИК НОВОСЕЛОВ. Иногда за справедливость и драться приходится. Помните, как мы лесные патрули устраивали? Каждый год обязательно кто-нибудь из дачников ругаться начинает: «Кто вы такие? Какое вам дело, больше всех вам, что ли, надо?» Это когда мы их заставляли костры в засуху тушить.

ВОВА СВАЛОВ. Сколько раз приходилось подмогу звать из штаба! То грозят уши оборвать, то в школу пожаловаться. А мы не о себе, мы о лесе заботимся. Они посидят и уйдут, а другим людям мусор и выгоревшие поляны остаются. Разве это правильно?

ВОВА КРУГЛОВ. Конечно, если никогда ни во что не вмешиваться, в сто раз легче будет жить. Но только неинтересно. Сразу тебе все чужими станут, и ты всем чужой. Лес горит — пускай, мостик через канаву сломался — нам какое дело... Нет, уж лучше всегда во все вмешиваться. Мы про это говорим: «влезать»!

Ребята говорят, что всегда, везде и во всем они хотят справедливости. Это совсем не означает, что вокруг нас — сплошное зло и плохие люди. Но если на улице плачет ма-

ленький мальчишка, это несправедливо. Если в детском саду ребятишки катаются со сломанной горки, это несправедливо. Если в пустой квартире горюет длинными вечерами одинокий дядя Миша, у которого два сына погибли на войне, — это несправедливо. Не надо таскать ему воду: на кухне кран. И не надо, возможно, бегать за хлебом: он рад, что хоть такая-то забота у него есть. Но вечерами ему одиноко и холодно...

Вот и подошел разговор к самому главному: о том, как в свои 12—13 лет относиться к жизни... Чувствовать ли себя маленьким, ничего не знающим, посторонним во многих делах? Или с размаху, как в недавней игре, кидаться туда, где что-то не ладится, что-то не так, где нужны твоя уверенная помощь, надежное плечо, крепкие руки?

СЛАВА СОЛОМИН. Знаете, мне один раз даже за пчелу заступаться пришлось. Какие-то типы в лагере поймали ее и стали крылышки отрывать, лапки...

АЛЕША УСОВ. А ты что?!

СЛАВА СОЛОМИН. Я им врезал! Правда, потом и они мне... Но не будешь же спокойно смотреть на такое? Уж лучше с шишкой на лбу ходить.

БОРИС ЦЫМБАЛЕНКО. Ну и правильно. Я считаю, что надо уметь за все себя ответственным чувствовать, хозяином, что ли... Человеком, которому очень неспокойно живется, если где-то нужна его помощь.

САША ШИЛЬНИКОВ. И все тайно надо делать, чтобы интересно было.

СЕРЕЖА АЛЕКСАНДРОВ. Ничего ты, Сашка, не понимаешь. Разве интересно бывает обязательно только, когда тайно? И разве всегда получится тайно? Если мальчишка на улице ревет, так ты что, Дедом Морозом наряжаться будешь, чтобы он тебя не узнал? Интерес всегда от самого дела зависит, а не от того, есть тайна или нет.

АЛЕША УСОВ. Но иногда тайна все-таки нужна. Хотя бы для того, чтобы лишний раз со своей заботой на глаза людям не попадаться, не напоминать им, что они слабые и без нас ничего не могут. Вот мы однажды увидели, как тетя Тася во дворе с дровами мается, быстренько ей все сложили, а она нам — полтинник в руку... «На кино», — говорит. Сами виноваты, воображали перед ней: ах, какие мы работящие, что бы вы без нас делали! Вот она и растерялась...

ВОВА ЗАЙЦЕВ. А чем всякие отчеты о шефстве лучше полтинника? Хуже нет, когда работают только для того, чтобы потом на сборе отчитаться. По-моему, надо прежде всего о людях думать. И о тех, которым ты прямо помогаешь, если придется, и о тех, которых ты даже не знаешь, если, например, лужу шлаком засыпаешь или деревце сломанное подвязываешь. Только тогда твоя помощь будет значение иметь. А иначе — сплошной обман.

СЕРЕЖА АЛЕКСАНДРОВ. Молодец ты, Вовка! Я как раз к этому и вел. Мы тут говорим: вмешиваться, хозяином в жизни быть, ответственным за все... Только зачем все это, если мы о самом главном, о людях, забывать будем? То же деревце несчастное поправим, а человека, которому плохо, не заметим? Я вам одну историю расскажу...

У Сашки Коновалова семь младших сестренок. А отец больной. Мы смотрим: на улице октябрь, а Сашка все в школу в сандалетах ходит. Они у него разваливаться стали, но куда денешься, если ботинок нет? На перемене из-за парты выйти боится, думает, смеяться будем. Мы взяли и собрали деньги на ботинки. Потихоньку, конечно. Пошли к завучу Александре Никитичне посоветоваться, какие лучше купить. А она и говорит: «Благотво-

Мы о лесе заботимся. Они посидят и уйдут, а другим людям мусор и выгоревшие поляны остаются.

Рисунки **А. Борисова.**

рительность ваша ни к чему, в школе фонд специальный есть. Что сказали про Сашу, спасибо, нам за всеми трудно уследить. Вы лучше подумайте, как ему ботинки отдать, чтобы не обидеть. Мы решили: отдадим матери и попросим не говорить, что это от школы. Пусть думает, что родители купили. Так и сделали. Сашка враз на переменах больше всех бегать стал. И вот однажды школьная врачиха рассердилась на него за беготню, привела в класс и стала стыдить: «Товарищи о тебе позаботились, а ты дисциплину нарушаешь!» Сашка повернулся и ушел из класса. А на следующий день опять в сандалетах пришел. Мы потом себе долго простить не могли: не смогли сделать так, чтобы не узнал Сашка о нашей заботе.

АЛЕША УСОВ. Да-а-а! Уж лучше совсем никому не помогать, чем помогать и обижать.

Делает человек хорошие дела и не считает это ничем особенным — так должно быть, правда? Если награждать за помощь, за заботу, за внимание — глядишь, и не останется на свете бескорыстия, стремления бросаться на помощь, если никто этого не видит и не похвалит...

С этим согласились все сразу, без споров. Не надо ни полтинников в руку, ни громких слов перед строем. Пусть просто живется людям хорошо. И больше ничего не надо.

Иногда отряду приходится слышать: «Как-то все у вас непонятно и сложно. Ребята у вас какие-то въедливые, до всего им дело есть». Не очень часто, но говорят все-таки такое.

СЕРЕЖА НОВОСЕЛОВ. Вот у нас в классе была такая история... Повезли нас в совхоз на уборку морковки. Быстренько все на поле сделали, поели, в футбол поиграли. А рядом с нами работали люди из какого-то учреждения. И вдруг мы смотрим: они в автобусы садятся, и у многих или сетка в руке громадная или мешок. Это они с поля морковку везут, капусту, редьку. Мы сначала даже растерялись. Потом противно стало. И молча на это смотреть тоже противно. Подошли к автобусу и говорим: «Выкладывайте-ка запасы». Они сначала и внимания на нас не обратили, а потом как все закричат: «Вам какое дело, не с вашего огорода берем!» Мы им ответили: «Если бы с нашего, слова бы не сказали, а с совхозного не позволим». Честно говоря, мы в тот момент даже и доказательств никаких не могли настоящих привести. Наверное, в самом деле смешно на таких огромных полях морковку пересчитывать. Потом, уже в школе, рассказали обо всем директору. Он говорит: «Хоть я вас всю жизнь и учил со старшими не спорить, но правы вы. Молодцы!» Алик правильно говорит. Надо так себя вести всегда, чтобы вас уважали. Иногда надо просто объяснить, что вы — народ серьезный.

АЛИК СИДОРОПУЛО. А помните, наши ребята узнали про одного шестиклассника, которого однажды, в третьем классе, забыли принять в пионеры, а потом просто не захотели, чтобы не возиться с ним одним. Так он и жил. И чувствовал себя очень обиженным и одиноким... Мы тогда добились своего. Я его как-то видел: веселый, улыбается.

СЕРЕЖА НОВОСЕЛОВ. А тоже говорили: «Это не ваше дело!..»

СЕРЕЖА АЛЕКСАНДРОВ. Да на свете вообще «не наших дел» и нет, наверное. Увидишь что-то плохое — вмешайся. С хорошими людьми познакомился — пусть друзьями будут. Малыша ревущего по дороге встретил — возьми его за руку, пусть рядом шагает. Мне,

Перевязали мы собаке раны, шину я ей сделал из щепки, взял на руки и потащил к нам во двор.

например, здорово понравилось, что никто из наших не вспоминал, сколько и где нам работать приходилось.

СЕРЕЖА СОМОВ. Так не об этом же разговор!

АЛИК СИДОРОПУЛО. Ну правильно, правильно, ты только руками не размахивай. Расскажи лучше про «шефскую работу».

СЕРЕЖА СОМОВ. А чего про нее рассказывать. В общем, так было: устроили мы классный час на тему: «Срочно поднять шефскую работу». Решили в детский сад по очереди ходить. Моя очередь подошла, я и пошел. Воспитательница говорит: «Сходи в подвал, возьми веник, может, двор сумеешь подмести?» Я из подвала выхожу, а сторожиха не разобралась — и с метлой на меня. Хорошо еще, что малышня меня знает, спасли!

АЛЕША УСОВ. Они его давно знают, он им собаку вылечил!

СЕРЕЖА СОМОВ. Ну чего ты болтаешь? Тебя спрашивают, да? Никого я не лечил, она сама выздоровела.

Но было уже поздно: всем немедленно захотелось узнать, как Сережка выступал в роли доктора Айболита... Пришлось ему рассказывать:

— Иду я однажды по улице, смотрю, целая детсадовская группа стоит толпой и ревет. Я — к ним, в самую середину, спрашиваю грозно так: «В чем дело?» И увидел: на земле собака лежит, большая, лохматая и с перебитыми лапами. Какой-то гад постарался. Собака скулит, а малышня в голос ревет. Жалко им пса, конечно. «Ладно, — говорю, — не ревите, сейчас мы операцию сделаем». Тряпки тут сразу нашлись. Перевязали мы ей раны, шину я ей сделал из щепки, взял на руки и потащил к нам во двор. А малышня за мной бежит. Так и познакомились. Собака и сейчас у нас во дворе живет, ласковый такой пес. Вот и все, я же говорил, что ничего интересного.

АЛЕША УСОВ. Ничего интересного? Собака пусть умирает, а ребятишки на это смотрят и думают, что так и надо, и запоминают на всю жизнь? Чтобы потом когда-нибудь так же какого-нибудь пса пришибить?! Нет уж, нельзя мимо такого спокойно пройти.

Если никогда ни во что не вмешиваться, во сто раз легче будет жить. Но только неинтересно.

Главное — не молчать, когда нужен принципиальный спор и ваше твердое мнение. И не с этой ли смелости, со стремления всегда вмешиваться в то, что происходит вокруг вас, с умения отстоять свои убеждения начинается

НАСТОЯЩАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ.

Если в вашем отряде нет пока дружбы, не все ладится, попробуйте оглянитесь вокруг — и вы увидите, как это здорово: быть настоящими, заботливыми, боевыми хозяевами своей большой страны!

«...Тимур поднял голову. Ах, и тут, и тут не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка!

Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал:

— Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!»

КАКОЙ БУДЕТ ЭМБЛЕМА?

Я сейчас уже комсомолец, вожатый отряда, но по-прежнему читаю журнал «Пионер» так же, как и все ребята. И так же, как и все, я заспорил, когда стали обсуждать эмблему ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ. Много предложили разных значков и эскизов, а я в это время вспомнил свою красную картонную звездочку — звезду Тимура. Мне ее вручили в Артеке четыре года назад, в тот день, когда наш восьмой отряд собирался разъезжаться по домам.

Отряд наш был тимуровский: за полтора месяца, пока мы жили вместе, мы успели сделать немало хороших дел. И здорово подружились. Я до сих пор помню товарищей по отряду и берегу красную звезду. И я сказал ребятам, что сколько ни думай, а все равно не придумаешь эмблемы лучше крас-

ной тимуровской звезды, если речь идет о настоящих боевых делах. Все еще поспорили и согласились.

Сергей НОВОСЕЛОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Это письмо Сережи Новоселова мы получили вместе с материалом юнкоровского и морского отряда «Каравелла», который ты читаешь на этих страницах.

Мы ждем эскизы эмблемы и предложения от всех ребят. А пока письма идут и БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ не принял окончательного решения, печатаем эмблему, предложенную Сережей Новоселовым и отрядом «Каравелла».

На заводе экскурсия? Нет. Идет пионерская плавка. Плавится металл, собранный пионерами 411-й Московской школы. «Неужели все это мы собрали?»

Фото В. ПОСТНИКОВА.

«Как идет плавка? Все ли в порядке?» — у мартеновской печи не любопытные, а заинтересованные в деле люди: директор завода «Серп и молот» и ученик 411-й московской школы.

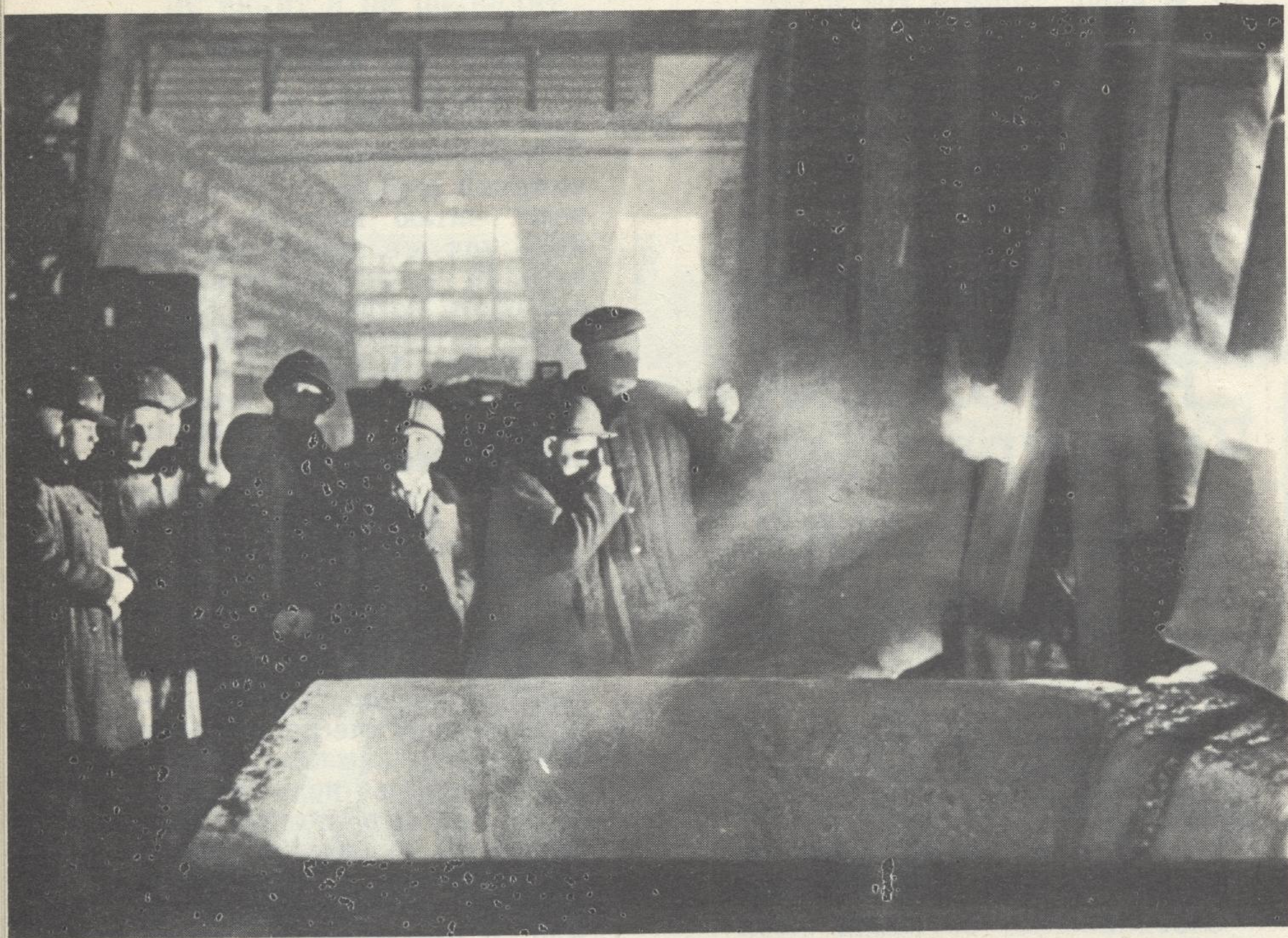
ГЛАВНОЕ: участвовать в общем деле

Вот что сказал на БОЛЬШОМ ОБЩЕМ СОВЕТЕ Владимир Алексеевич Ермолаев, директор московского металлургического завода «Серп и молот»:

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ — дело хорошее. Очень это важно, чтобы вы выросли людьми, которые считают себя за все вокруг в ответе.

Возьмем, к примеру, металлолом. Вы все его собираете. Этот металлолом идет на высококачественную сталь.

У нас огромный завод, каждый день к нам привозят сотни тонн железного лома. Вам может показаться: двадцать — тридцать килограммов, которые собрал ваш пионерский отряд, капля в море! Но разве дело в количестве? Главное: вы участвуете в общем деле, вы нам помогаете. И если бы не вы, наш завод выплавил бы меньше слитков стали. Пусть ненамного, но меньше.

О твоей пионерской организации говорит Н. К. Крупская

Ваши вожатые, верно, рассказывали вам о том, что быть пионером — это значит не только носить красный галстук. **Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать.**

Вот вы видите, например, что в доме, где вы живете, есть детский сад, а у ребят нет игрушек, малышам скучно, — сорганизуйтесь несколько человек в кружок, сделайте ребятам-малышам несколько игрушек, по очереди ходите поиграть с ними.

...Вы видите, что кругом грязь ужасная, начните поход за чистоту в читальне, в столовой, в яслях, в детском саду.

(Из письма «Будьте общественниками»)

Надо также, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — бумага грязная набросана, надо убрать; видят — огонь зря горит, надо потушить; видят — малыша кто-нибудь обижает, надо заступиться... Надо помогать старшим, надо учиться, надо вглядываться и вдумываться в жизнь...

(Из «Письма колхозным ребятам»)

Пришли ко мне как-то милиционеры, рассказывали, сколько ребят становятся калеками, гибнут из-за того, что цепляются за трамваи, автомобили. Думают храбрость показать. А какая это храбрость? Глупость просто. Отчаянные головы бывали и среди буржуев, и среди кулачья, да одно дело отчаянной головой быть, а другое дело мужество, готовность отдать все силы, а если надо, то и жизнь за дело трудящихся. Для мужества сила воли нужна, выдержка, умение свою слабость побороть, а выкинуть штуку какую-нибудь — для этого ума немного надо. Высмеивать драчунов да «висунов» надо, а не подзадоривать их, не подражать им.

(Из письма «О сознательной дисциплине»)

У нас все школы — школы совместного воспитания. Но в некоторых школах еще нет настоящих товарищеских отношений между мальчиками и девочками. Девочки и мальчики держатся отдельно. Девочки в перемены ходят особо, толкуют о том, какой из мальчиков «интереснее», боятся мальчиков, а в то же время стараются одеться, принарядиться, губки покрасить, чтобы мальчикам понравиться. Одним словом, держат себя, как настоящие «барышни». А мальчики от них не отстают: дразнят девчат, пишут им глупые записки, стараются девочек обругать позабористее, а в то же время начинают за ними ухаживать; одним словом, ведут себя, как заправские маленькие барчата.

(Из письма «Будьте настоящими товарищами»)

Ленин заботился... чтобы все народности СССР были полноправны, чтобы они могли расти и крепнуть, чтобы ребятам всех национальностей — и мальчикам и девочкам — хорошо жилось.

Я крепко надеюсь, ребята, что вы, какой бы национальности ни были, будете дружить друг с другом, помогать друг другу в учебе, в выработке характера, в умении работать и станете и на этом фронте настоящими ленинцами.

(Из письма «О дружбе ребят всех национальностей»)

Аркадий Гайдар в 1919 году. На обороте снимка Гайдар написал: «Адъютант командующего охраны и обороны всех железных дорог. Гайдар. 15 лет».

«Родился в Льгове Курской губернии. Сын сельского учителя. После 1905 года переменил место жительства в Сормово Нижегородской губернии. С десяти лет, с начала мировой войны, остался учиться один в Реальном училище в г. Арзамасе. Революционное движение захватило на школьной скамье. Четырнадцати лет уже состоял членом партии. Добровольно ушел в армию, в наиболее трудный для Республики момент, в октябре 1918 года, где и нахожусь до сего времени. Был два раза ранен в ногу и контужен в правое ухо, которое разорвало.

Все время вел борьбу и чисто боевую оперативную работу. Был на петлюровском, польском и кавказском фронтах, а после ликвидации таковых — по борьбе с повстанческим движением (бандитизмом) в Тамбовской губернии.

Занимал командные должности последовательно от комроты до начдива включительно.

5 октября 1921 г. Екатеринбург. Голиков».

НАЧДИВ

Вы, ребята, наверно, знаете, что Аркадий Гайдар четырнадцати лет добровольцем ушел в Красную Армию и служил в ней до окончания гражданской войны. Недавно в Центральном архиве Советской Армии я обнаружил автобиографию, которую Аркадий Гайдар написал в 1922 году в Екатеринбурге (ныне Свердловске). Вот этот документ:

В архиве удалось найти документы и о том, что на Тамбовщине Гайдар командовал

боевым участком, куда входили 58-й стрелковый полк, отдельные батальоны, бронепоезд, военно-инженерный дивизион, лесозаготовительная дружина, ревтрибунал, штрафная рота, отдел снабжения, лазарет и т. д.

Перед Гайдаром этим участком командовал начальник дивизии. И Голиков имел основания написать, что он занимал эту высокую должность.

Аркадий Гайдар много повидал в свои молодые годы, славно дрался с врагами, бесстрашно воевал с ними и пронес через всю свою жизнь горячую любовь к нашей великой Родине.

В своих книгах он много рассказывал о войне, о военных людях и о том, как нелегко было бороться с врагами республики.

Когда началась Великая Отечественная война, Гайдар обратился к пионерам со следующими словами:

«...Комсомолец, школьник, пионер, юный патриот, война еще только начинается, и знай, что ты еще нужен будешь в бою. Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Приходи к нам таким, чтобы ты сразу, вот тут же рядом, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груде земли лопатой, обмял ладонью ямку для патронов, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел. Поняв, что ты начал не с того, чтобы сразу просить помощи, что тебе не нужно ни военных нянек, ни мамок, тебя полюбят и слева и справа»...

А. ГОЛЬДИН.

Это последняя «штатская» фотография Аркадия Петровича Гайдара. Фотокорреспондент Сергей Васин сфотографировал его в редакции «Комсомольской правды» летом 1941 года. Вскоре Гайдар уехал на фронт.

Рисунок И. УРМАНЧЕ.

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО

Земля в колосьях

Продолжение

Фото А. ГЕРИНАСА

V

Представьте себе обыкновенную деревянную бочку, стоящую под водосточной трубой. Одна из досок бочки сломана. В дождь струя воды устремится в этот пролом. Сколько ни наращивай исправные доски, уровень воды в бочке установится по низшей отметке, по слому. Единственный путь набрать больше дождевой воды — заделать пролом.

В этом примере каждая доска обозначает какое-то условие урожая (допустим, запас влаги, солнечный свет, азот в почве и т. д.). Если растению мало воды, то незачем кормить его удобрением, а если сорт малоурожайный, то тут не поправишь дело поливом. Чего меньше всего, что в минимуме, то и отмерит успех.

Но в случае с бочкой «минимум» сразу бросается в глаза — вытекающая струя выдает его. В поле же найти, где «тонко», зна-

чительно труднее. Тут-то и важно мастерство агронома.

Удача в чем-то одном наверняка не сыграет своей роли, если все остальное будет на низком уровне.

В самом общем виде мы, конечно, знаем, где у нас чего недостает. В черноземных краях, богатых пищей для растений, мало влаги. В зоне нечерноземной, богатой влагой, недостает питательных веществ. Если бы Сальским и Кулундинским степям такие осадки, как под Новгородом, а Новгороду такое солнце и почвы, как в степях, то... вышла бы Кубань, была бы американская Айова. Наш Краснодарский край, как и «зеленый пояс» Соединенных Штатов, потому и выделяется на всей планете, что природные условия там сказочно хороши.

Но условимся о двух вещах. Нельзя представлять себе дело упрощенно: мол, северу нужны только удобрения, югу — только вода. Разные бывают культуры, разные выпадают годы — нужно защититься от неудачи. Второе — вспомним слова большого русского ученого Василия Васильевича Докучаева: природные условия, засуха или избыток влаги, сильный жар или нехватка тепла — сами по себе не зло. Они вредят нам лишь до поры, пока мы не изучили их и не нашли способа использовать себе во благо. Собственно, вся история земледелия есть превращение врагов в друзей.

Когда пахари времен Рюрика вместо погибающей от лютых зим пшеницы стали возделывать рожь, они обезвредили морозы и заставили служить себе обильное дождями русское лето. Когда мы провели на Перекоп, в солончаковое, выжженное, «дикое» поле днепровскую воду, то жар и солончак из врагов стали приятелями: в Северном Крыму теперь собирают рекордные урожаи риса.

И все же общая задача остается прежней: напоить поля тучные и накормить поля скудные!

Только вот напоить не обязательно значит провести канал. Орошение вообще — очень дорогое дело, не всегда есть выгода строить плотины и каналы. А вот разумно, экономно, бережливо использовать те осадки, что дают небеса над черноземами,— этого в большинстве районов вполне достаточно, чтобы напоить поле. Покатые, изрезанные оврагами поля близ Курска, Воронежа, Белгорода страдают от того, что много воды сбегает с полей бесполезно. Остановить сток талых и ливневых вод, увести его в почву — это и значит покончить в этом краю с засухой.

Терентий Семенович Мальцев, народный академик, колхозный полевод, работающий в засушливой Курганской области, стал поить пшеницу... сроками посева. Долголетние наблюдения убедили его, что весна и начало лета в восточных степях, как правило, засушливые. На переломе же лета, в первых числах июля, почти обязательно идут дожди. Колхозы прежде старались сеять как можно раньше: «Сей в грязь — будешь князь». Но на молодые растения обрушивалась майская сушь. Пшеница старела, нижние листочки сгорали, колос закладывался маленький, и, когда приходили спасительные июльские грозы, «отпоить» истощенные хлеба было уже нельзя.

Мальцев же взял за правило сеять во второй половине мая. У соседей уже всходы, а Терентий Семенович все готовит поля, прикрывает запасенную влагу, подрезает ростки сорняков. Всходы у него покажутся гораздо позже, чем у других, зато тепло первой части лета пшенице на пользу, влаги ей пока хватает, а к обязательным дождям она подходит еще молодой, способной поймать «золото с неба». Опять урожай у Мальцева, хоть и сухим был год!

Как накормили подзолы Прибалтики? Эстония, например, начала не с минеральных удобрений, а со сброса́ лишней воды. На полях под почвой прокладывают сеть из гончарных труб, по ней и стекает в реки мешающая севу или уборке влага. Это титаническая работа, недаром мелиораторы обычно оставляют на краю нового поля большой гранитный валун, где высечено, кем и когда эта нива подарена народу.

Когда поля обрели нормальный водный режим, их щедро заправили... нет, еще не селитрой, а просто торфом, смешанным с перегноем. Теперь почве есть в чем удержать дорогое искусственное удобрение, теперь можно вносить азот, фосфор, калий. Отдача гарантирована.

Но почему Мальцев мог позволить себе оттяжку сроков, а эстонские мелиораторы смогли увести излишнюю воду с полей? Колхоз Мальцева располагает техникой, чтоб посеять все в одну неделю, а в Прибалтике на заводах делают гончарную трубку сотнями миллионов штук.

Маневр доступен только хорошо оснащенному хозяйству.

Больше тракторов — работа делается в тот самый срок, когда нужно, ни днем позже. Больше комбайнов — хлеб собирается с полей вовремя, прежде чем осенние ветра вымолотят колос на землю. Больше удобрений — каждый рабочий час земле́дельца принесет удвоенный, утроенный эффект. Химические препараты гербициды бесшумно погубят сорняк и защитят культурные растения. Рост урожаев теперь как никогда сильно подпирается плечами заводов машиностроительных, химических, заводов железобетонных конструкций. В новой пятилетке страна вложит в сельское хозяйство в два раза больше средств, чем за две предыдущие вместе — гигантскую сумму в 140 миллиардов рублей.

Но... снова оговорка. Грубейшей ошибкой было бы считать, что роль самого земледель-

ца и ученого, ловящего лучи, отступает на второй план. Терентий Семенович Мальцев, чьи поля чисты и обильны пищей, первый стал страдать от «перерода». Старые сорта яровых пшениц выведены для скудных условий, они нацелены на сопротивление невзгодам! А новых, щедрых условий использовать с толком не могут: здесь нужны неполегающие сорта, нужны, повторим, пшеницы-«объедалы»!

Агрономы обогнали селекционеров. В хороший, дождливый год яровые хлеба полегают на многих миллионах гектаров, и чем лучше поле, тем плотнее этот ковер.

Вот один из примеров того, где сегодня «не получается». Знать о сегодняшних сложностях тебе, человеку, который через пять — семь лет сменит отца и брата за штурвалом комбайна, в кабине трактора, не только полезно — необходимо. К твоему приходу многое, надо думать, будет поправлено, но знать о том, как поправлялось, тоже школа.

VI

На афишных тумбах, на стенах, на последних страницах газет — объявления со словом «требуются».

Требуются слесари и шоферы, лесорубы и рыбаки, требуются шахтеры и монтажники, требуются...

Древнейшему и благороднейшему — зерновому — цеху государства надолго и в значительном числе требуются:

Генетики, то есть специалисты по управлению наследственностью. Уже удалось получить фотографию того таинственного гена, который содержит в себе «команды» для развития будущего организма. Уже можно сказать, какие сочетания генов передают ту или другую «команду», заведуют определенным свойством растения. Ученые научились искусственным путем пополнять запас нужных генов. От генетики требуется вводить внутрь семян такие «команды», чтобы получить нужные сорта злаков.

Хлебопашцы. Нужен работник, свободно владеющий не одной, а разными машинами, знающий основы агрономии и агрохимии. Нужен мастер на все руки, каким был — на несравненно низшем уровне — деревенский мужик. Но мужик добывал продовольствие на себя и в лучшем случае еще на двух-трех. Работник современного сельского хозяйства способен кормить сорок человек! Причем труд его все ближе подходит к труду рабочего; комбайнер, работающий в белой рубахе, уже не фантазия. Герметические кабины новых уборочных машин позволяют комбайнеру и дышать чистым воздухом и одеваться чисто. Но хлеб — это прежде всего напряжение, разумная спешка и пот, легкий хлеб — пустая мечта лодыря. Трудолюбие и высокая культура — вот главное для этой профессии.

Селекционеры. Только селекционер, конструктор новых сортов, может собрать в новом хлебе все завоевания науки. Как ни хороши сорта, созданные советскими учеными, а и теперь еще гибнет пшеница от вымерзания, засухи, суховеев. Наши сорта самые зимостойкие в мире, и все же тот человек, кто подарит народу сорт, не вымерзающий на Дону и под Курском, у Орла и Тулы, завоюет всенародное признание.

Специалисты по защите растений. Только одна болезнь — ржавчина — убавляет ежегодный урожай пшеницы процентов на пять, а это миллионы тонн зерна. Злостный вредитель клоп-черепашка портит самое дорогое в зерне — клейковину. Колос, на котором побывал вредный клоп, уже не даст высокого и пышного хлеба.

Война с вредителями требует поиска, открытий. Химический путь подчас оказывается накладным: яды вместе с клопом губят птиц и полезных насекомых, после этого приходит безмолвная весна. Надежней всего биологическое оружие: надо размножать врагов клопа и в то же время не давать ему самому размножаться.

Защитник растений спасает труд, сохраняет плоды земли, сберегает уже уловленное солнце — прекрасная и умная работа!

Агрохимики. Только они могут сказать, как и чем кормить растение, чтобы в зерне отлагалось больше белка. Никто, кроме агрохимика, на это не ответит.

Специалисты по электронным машинам. Уже сейчас на Кубани одной из крупных оросительных систем командует электронное устройство: оно управляет уровнем воды на рисовых полях, температурой воды, включает-выключает насосы... Горизонты применения «мыслящих» машин в сельском хозяйстве сейчас трудно даже очертить.

Нужны способные командиры производства. Как тормозит дело недостаток чувства хозяина в земледельце! Если оплата труда построена так, что человека вознаграждают за площадь вспаханного, а не за урожай, то и опыт, и старательность, и сметка хлебороба просто отключаются. Представим, что охотнику платили бы не за добытые шкурки, а за число выстрелов. В тайге гремела бы канонада, а пушнины на аукционах поубавилось бы. Во многих колхозах уже есть звенья, где мерой зарплаты служит урожай. Но нужно еще много делать, чтобы интересы человека и хозяйства всюду совпадали, чтобы «пули» точно ложились в цель.

Нужны **агрономы и мелиораторы,** требуются **лесоводы** и **конструкторы новой техники.**

А кроме того — и превыше всего,— требуются люди страстные, с высоким чувством долга, для которых хлеб стал бы делом жизни. Советское земледелие за свою историю выдвинуло подлинных гигантов мысли и духа.

Крестьянин в прошлом добывал продовольствие на себя да еще на двух-трех человек. Завоевания современной науки и техники позволяют одному работнику прокормить сорок человек.

VII

И нивы нашей страны и поля всех континентов Земли помнят Николая Ивановича Вавилова. Великий ученый задался целью собрать в границах первой социалистической державы все растительное многообразие планеты. В поисках редких злаков Вавилов шел поднебесными тропами Памира, переправлялся через реки Абиссинии, летал над Сахарой, исследовал развалины Помпеи. Отовсюду шли в Ленинград посылки с семенами и колосьями. Почти двадцать тысяч сортов одной только пшеницы собралось в вавиловском Всесоюзном институте растениеводства. Это богатство, какому нет цены. Десятки новых сортов уже выведены на базе этой коллекции, ценность ее все возрастает: ведь некоторых растений из тех, что собрал Вавилов и его соратники, уже нет в природе.

Николай Иванович Вавилов трагически погиб.

Но служение хлебу дало новые всходы героизма.

В осажденном фашистами Ленинграде голод косил людей тысячами. Терял людей и ВИР. Но коробки с семенами пшеницы — десятки тысяч жестяных коробок — истощенные голодом люди хранили, как драгоценность! Дежуривший у коллекции работник знал, что эта ночь может быть для него последней. Но ни единое зерно, добытое Вавиловым, не исчезло за три года блокады!

Мир знает Павла Пантелеймоновича Лукьяненко как замечательного селекционера, давшего советским и европейским полям «безостую-1», «аврору», «кавказ» — сорта, пополнившие закрома страны многими миллионами тонн зерна.

При создании этих шедевров ученый широко использовал сорта дальних континентов, собранные в коллекции ВИРа — Всесоюзного института растениеводства. И теперь нужен глобус, чтобы наглядно представить себе родословную «безостой».

А вот недавний номер «Правды». В степи под Херсоном погиб хлебороб. «Спасая хлеб...» — так и названа заметка. Председатель колхоза Леонид Анатольевич Основиков спешил на ток. Вдруг видит: дым, пламя. Горит пшеница! Не своя — соседнего колхоза. Хлебороб послал шофера за подмогой, а сам бросился гасить. Порыв ветра взметнул языки пламени и поглотил отважного человека. Подоспевшие соседи нашли Основикова уже без сознания. На могилу земледельца положили сноп...

Не надо умирать! Хлеб — это жизнь, радость, солнце. Но если надо...

Хлебному цеху ТРЕБУЮТСЯ волевые и чистые, страстные и смелые люди. Хлебопашество — самое «приземленное» из занятий, но оно способно дать человеку крылья.

Письма, которые приходят во-время

— В Баку балконы так заросли виноградом, что под ними можно сидеть в проливной дождь и ни капельки не промокнешь...

— У Фариды глаза, как два финика или два темных озера...

— В Кобыстане, в горах, это недалеко от Баку, на скалах нарисованы олени с запрокинутыми головами, растет много диких маков и желтые ящерицы совсем людей не боятся...

— Когда мы с папой жили в Москве, в гостинице «Россия», я все время засыпал в кресле, потому что каждый вечер смотрел из окна на реку и город...

Так мы знакомились. Сидели в пустой учительской и разговаривали.

Девочка с длинными светлыми косами — Наиба Рашидова, Фарида Хейруллаева, у которой глаза, как финики, а мальчик — Ильгар Керимов. Все трое — ученики шестого «А» класса школы № 44 города Баку.

— А еще... — сказал Ильгар, — мы уже три года переписываемся с ребятами из Владимира-Волынского, из школы-интерната тоже № 44.

— Мы очень часто получаем от них письма, — подтвердили Наиба и Фарида. — И они всегда приходят вовремя.

Вслед за этим я услышала несколько удивительных историй, в которых не было ничего удивительного. Попробую их пересказать.

Тайна шестого «А»

История первая,. рассказанная Ильгаром

Конан Дойля Ильгар читал с третьего класса. К шестому он твердо решил развивать в себе наблюдательность Шерлока Холмса. И вот он заметил: лица у одноклассниц стали задумчивыми. На перемене они шепчутся возле окна. После уроков сидят в пустом классе, грустно качают головами. На головах разноцветные платочки, щеки розовой краской намазаны...

— Так, — сказал себе Ильгар. — Появилась тайна.

Но скоро тайна перестала быть тайной: на отрядном сборе ансамбль «Матрешки» заявил о своем существовании. Узундару танцевать многие умеют, тараkяму умеют, а вот русские танцы еще никто не танцевал. Скоро выступление, а матрешки не знают, как сарафаны шить. Ни в соседнем подъезде, ни в соседней школе никто не знает, как шить старинные русские сарафаны.

И тогда вмешался Ильгар: он предложил отправить письмо во Владимир-Волынский. Там уже точно знают, как сарафаны шить.

Когда в Баку привозят письма? Ночью? Рано утром, пока на улицах только дворники и пустые троллейбусы, или в середине дня, в то время, как школьники на уроках? Про все письма не знаю. Знаю только, когда привезли одно письмо в большом плотном конверте. Его привезли... вовремя. Пришло оно из Владимира-Волынского, и лежали в конверте выкройки.

По улицам Баку уже давно не стучат копытами ослики, но мальчишки остались такими же веселыми и темноглазыми, какими их изображали на старинных гравюрах. Старинные гравюры помогли художнику сделать этот рисунок.

Через несколько дней Ильгар задержался после уроков и заглянул в актовый зал. Стулья пусты, но на сцене... танцуют самые настоящие матрешки. Разноцветные. Одна меньше другой. Казалось, они кончат танцевать, и можно будет вложить их одна в другую. Матрешки эти — Наиба, Фарида и другие девочки в сарафанах, сшитых по выкройкам из Владимира-Волынского.

«Серый ветер»

История вторая, рассказанная Наибой

В Баку часто дуют ветры, город стоит на Апшеронском полуострове. Но ветер, о котором этот рассказ, особенный — «серый» ветер.

Он поднимает пыль с дороги, срывает с проводов троллейбусные усы, роняет с прилавков красные тяжелые гранаты. Иногда он залетает в чей-то дом, и там начинают ссориться, иногда заскакивает в первый попавшийся двор и расстраивает игры. А иногда, очень редко, он заглядывает в школу № 44, в шестой класс «А», и выбирает время, когда в классе нет учителя.

Парты тогда начинают двигаться и скрипеть, ученики вертятся, вскакивают, носятся по классу.

В тот день Наиба Рашидова, староста шестого «А», шла из учительской и тяжело вздыхала. Ей предстояло самой впустить в класс «серый» ветер. Стоило только сказать:

— Учительница азербайджанского языка заболела...

Но что это? Наиба подошла к дверям класса. Прислушалась. Ни единого звука. Не унес ли «серый» ветер всех учеников на улицу? Наиба открыла дверь.

Три ряда парт — на месте. За каждой партой по два ученика (ни больше ни меньше). Все молчат. И в классе нет учителя.

— Гюльтакин! — испуганно позвала Наиба. Гюльтакин взмахнула черными ресницами, посмотрела на Наибу и... ничего не сказала.

— Наиля! — Наиба не на шутку встревожилась. Наиля улыбнулась, взмахнула ресницами еще чернее, чем у Гюльтакин, и... ничего не сказала.

— Ильгар! — Ильгар пожал плечами и... НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ.

— Ну, ладно... — Наиба отвернулась так резко, что светлые косы, лежавшие вдоль спины, взлетели вверх. Написала на доске номера упражнений, которые нужно сейчас, на уроке, сделать, и... вспомнила: несколько дней назад они получили письмо из Владимира-Волынского. «Когда наш учитель математики заболел, мы решили, чтобы не мешать соседним классам, играть на уроке в «молчанку». Решать задачи это нисколько не мешало».

Обдумав обнародованные строки, все три звена тут же постановили: «Если на уроке нет учителя, играть в «молчанку». Всем — желающим и нежелающим».

«Интересно, — подумала Наиба, садясь на свое место, — я уже проиграла или нет?»

Кто сегодня дежурит?

История третья, рассказанная Фаридой

Фаридин нос всегда суется не в свои дела. Фариде по списку еще только через неделю дежурить, а она придет утром, увидит, что парты немного сдвинуты в сторону, а на доске меловые разводы, и начинается...

— Почему доска плохо вытерта? Кто дежурит?

А дежурный один заболел, другой опоздал или оба перед уроками историю повторяют.

Анна Тимофеевна всегда угадывает, когда дежурит Фарида Хейруллаева. Парты тогда стоят, как по линеечке, земля в цветочных горшках мокрая и всюду очень чисто. В тот день в классе был именно такой порядок.

— Сегодня Фарида дежурит? — Анна Тимофеевна посмотрела на парту, где сидит Фарида.

Восемь парт стукнули крышками. Восемь дежурных поднялись со своих мест. Брови у Анны Тимофеевны от удивления полезли вверх.

«Вжих, вжих», — свистят полозья. Снег на деревьях, дома, словно сложенные из пряников, — таким кажется Владимир-Волынский в жарком Баку.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

— Так кто же все-таки сегодня дежурит?

— Сегодня дежурит второе звено.

— Это нам ребята из Владимира-Волынского посоветовали по звеньям дежурить.

— Звеном дежурить интереснее.

— Если ты занят, обязательно кто-нибудь заменит...

Анна Тимофеевна улыбнулась: хорошо, когда в классе много Фарид.

Необыкновенные парты

История четвертая, рассказанная Наибой

— Вы думаете, это обыкновенная парта? — спросила меня Наиба, останавливаясь возле последней парты в своем классе.

— А эта? — Наиба показала на самую первую.

— Обыкновенная.

— Вот и нет! — Наиба довольно улыбается. — За этой партой у нас могут сидеть только лучшие ученики.

— Наиба, а кто сидит за последней партой?..

Ясно, там должна сидеть Гюльтакин, которая все время путает склонения и спряжения и получает двойки по русскому языку. Гюльтакин недавно приехала в Баку и сильно отстает от ребят.

— Гюльтакин мы пока туда не сажаем. — Наиба точно угадала мои мысли. — Мы с ней занимаемся и вообще дали отсрочку.

— Наиба, а вдруг ты когда-нибудь сядешь за эту парту?

— Я! Что вы? — Глаза у нее становятся круглыми, испуганными.

А я думаю о Гюльтакин, о темноглазой Гюльтакин, которую так легко обидеть. Вдруг она не успеет исправить двойки по русскому языку и ее посадят за эту парту? И ребята из других классов станут приходить и смотреть на нее. Разумеется, Гюльтакин исправит свои отметки. Но не останется ли у нее обида на ребят? И можно ли сохранить дружбу в классе, где есть обиженные?

— Наиба, а вы писали об этих партах во Владимир-Волынский?

— Пока нет. Но обязательно напишем. Наверное, они у себя такие же заведут.

— Ты так думаешь?

— Ну, как же... мы дружим.

Мне кажется, я знаю, что напишут ребята из Владимира-Волынского бакинцам в следующем письме. Напишут, что парты у них в классе обыкновенные и что, когда все сидят на одинаковых партах, легче дружить и уважать друг друга.

Чип, чип, чучелэрим

История последняя, хотя рассказывать можно еще долго

— Мы пришли в парк и остановились, — говорит Наиба. — Весна только наступила, и в парке было холодно. Краска на скамейках облезла, под деревьями — мусор. Потом кто-то сказал: «Если будем так стоять, отстанем от владимироволынцев».

Мы с ними в письме договорились: как стает снег, пойдем убирать парк, а они будут работать в школьном саду. Чтобы не скучно было, будем петь «чип, чип, чучелэрим» — это по-азербайджански «цып, цып, мои цыплята». Мы послали во Владимир-Волынский слова и ноты этой песенки: у нас в Азербайджане все ребята ее поют.

Легкое покрывало, расшитая шапочка, широкая юбка—в таких костюмах азербайджанские девочки танцуют народные старинные танцы.

Много сделали мы в этот день, — продолжает Фарида, — убрали мусор, подмели дорожки. Я не знаю, перегнали мы ребят из Владимира-Волынского или нет, но, наверное, не отстали. Да и не это главное.

Вот и все

Мы выходим из школы.

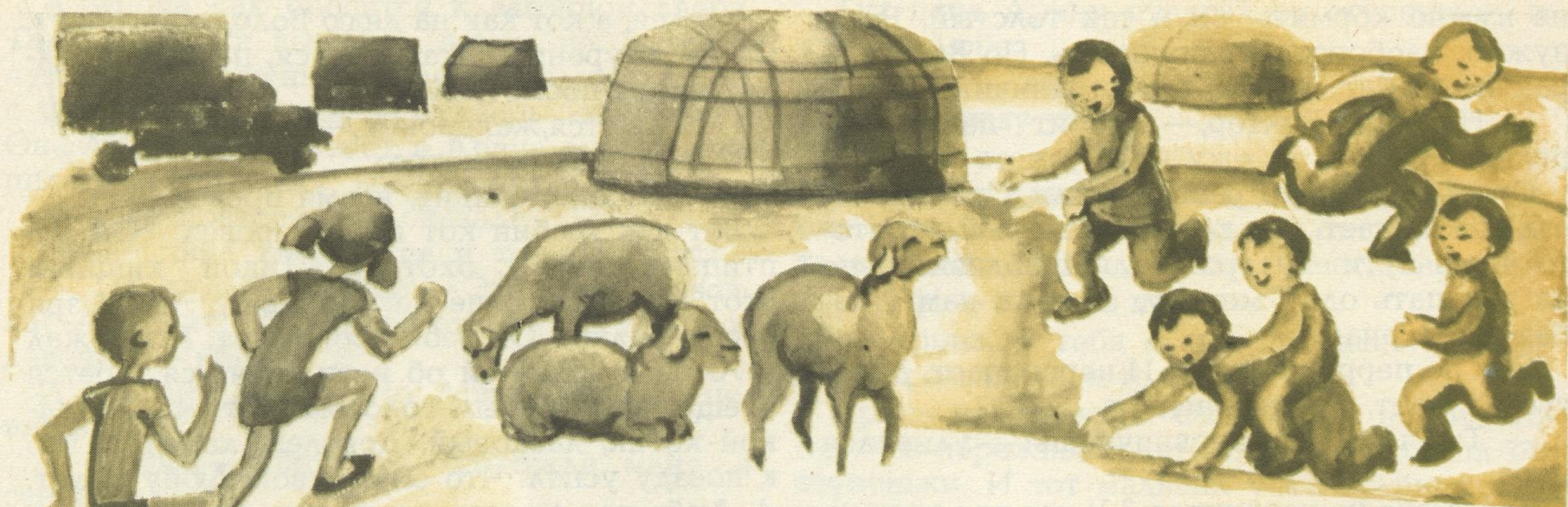
— Я никогда не был во Владимире-Волынском. Но мне кажется, что там люди ничего не теряют, а всегда только находят, — говорит Ильгар, который вечно что-нибудь теряет.

— А мне кажется, там все друг другу улыбаются, — говорит Фарида, которая часто грустит.

А Наиба послушала их и сказала:

— Я уверена, что во Владимире-Волынском живут наши самые настоящие друзья.

Ребята уходили по неширокой, мощенной булыжником бакинской улице. На углу они замедлили шаг и остановились... возле синего почтового ящика.

Я, Арина, Байрамчик и верблюжье молоко

Зоя ЖУРАВЛЕВА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки М. ЯШКОВОЙ.

Папа посмотрел на часы и говорит:

— Пора! А то опоздаем!

И мы сразу пошли. Арина, мой папа, дядя Володя, Марина Ивановна в новом платье, толстый Витя, его мама тетя Наташа Сапарова, его папа дядя Мурад Сапаров, Вета с метеостанции, шофер Боря и я.

Мы все идем встречать московский поезд.

Раньше московский поезд у нас не останавливался. Зачем ему у нас останавливаться, он скорый. Он мимо нас вообще ночью шел. А теперь стоит целых две минуты. Это папа добился, чтобы скорый останавливался у нас. Мы в пустыне живем. К нам ученые со всех концов едут изучать пустыню. У нас заповедник.

Раньше нужно было вылезать на соседней станции ночью и еще добираться тридцать километров, чтобы к нам попасть. А ведь мы не можем всех обеспечить машиной! Машина, например, ушла на наблюдения. Или вообще сломалась, мало ли что. Тогда к нам добирались на верблюдах. Когда верблюд садится, он поджимает ноги. Мгновенно. Будто ему стукнули под коленки. А лететь с верблюда очень высоко, особенно с вещами. С приборами. Приборы, если с верблюда летят, сразу теряют точность. Это же научные приборы, капризные все-таки.

Вот папа и добился, чтобы скорый останавливался у нас.

Мы до перрона быстро дошли. У нас все рядом.

Только Витя немножко отстал, он всегда отстает. У нашего Вити обмен веществ, он не виноват, что толстый. Если бы у меня был обмен, неизвестно, какой бы я был, папа говорит. Или у Арины, например, был бы обмен веществ. Но у нас с Ариной ничего нет, мы худые, нас кормить и кормить надо. А Витю

не нужно кормить, он и так толстый. Витю нужно, наоборот, ограничивать. Но Витя как раз не любит, чтобы его ограничивали.

— Не беги, Виктор,— говорит папа.— Успели.

Оказывается, мы рано пришли. Скорый поезд опаздывает. Он, конечно, скорый, но что-то его в пути задержало. Приблизительно на двадцать одну минуту, сказала нам Люба — дежурная.

Она по перрону ходит. И нервничает. Даже губы кусает, так нервничает.

— Ты чего это нервничаешь? — удивился папа.

Как Любе не нервничать? У нее кот пропал. Она кота ночью выпустила на минутку. И вот он пропал. До сих пор нет. Люба надеялась, что он хоть к московскому поезду придет. Они вместе всегда его встречают. А кота нет.

— Часы, наверное, дома забыл,— говорит дядя Володя.

Но Люба не может шутить. Этот кот у нее прямо, как человек. Такой преданный кот! Люба к нам с Украины приехала. И он за ней приехал, с Украины.

Он вот как приехал. Люба на Украине в селе жила. И кота отняла у мальчишек. Мальчишки его мучили, загоняли в пруд. Он еще был котенок, а у Любы вырос. Потом Люба техникум окончила и решила ехать сюда, в пустыню. Поработать немножко, на Украине пустыни нет, там не поработаешь. Люба уже чемодан собрала, попрощалась со всеми: на станцию надо ехать. Уже поехали. Вдруг Люба видит, кто-то сзади бежит по дороге. Это Любин кот. Бежит и кричит, как человек. У Любы прямо сердце перевернулось. Машину, конечно, остановили, и Люба кота забрала с собой.

А теперь он пропал. Люба боится, что его ежи съели.

— Твоего кота только леопард может съесть,— говорит папа.— А леопарды теперь редкость. Зря ты боишься.

Любин кот сам кого хочешь съест. У нас в заповеднике его даже собаки боятся. Кот мимо идет, а собаки морды прячут. Если не спрячешь, кот кинуться может. Кому хочется с исцарапанной мордой ходить! Собаки даже под крыльцо от этого кота прячутся. Вот какой Любин кот!

Но Люба все равно боится, говорит:

— Вы его не знаете. Он бы обязательно к скорому вышел, если бы был жив. Его, наверное, в живых уже нет.

Она просто чувствует сердцем.

Вдруг дядя Володя говорит:

— А ведь верно! Вышел!

Мы видим: кусты у перрона зашевелились. И кот из них прыгнул. Он бежит по перрону, боками дышит. Уши прижал. Хвост отставил, пушистый, как у лисы! Так бежит! Чувствует, что опоздал. Он прямо к своей Любе бежит. У него что-то торчит изо рта.

Дядя Володя у кота на дороге стоит. Он нагнулся, а кот как на дядю Володю фыркнет. Фурр! И уронил. Оказывается, перышко. Дядя Володя посмотрел.

— Кажется,жаворонок,— говорит.

Потом папа посмотрел.

— Неплохо, бандит, время провел.

Вот как Любин кот время провел. Он за птицами, значит, охотился. Такой хищник! Этот кот в пустыне не пропадет, Люба зря беспокоилась. Он себя прокормит. Подбежал к Любе и давай ей об ноги тереться. Трется и еще поет грубым голосом. Вот, мол, я какой котик, ласковый. Доволен, конечно, что к поезду успел. Что опять свою Любу видит. А Люба так просто счастлива, сама сказала. У нее сразу от сердца отлегло. Теперь Люба на нас взглянула.

— Чего вы такие нарядные?— говорит.

Люба видит, что у Арины гольфы. Белые. А у меня еще лучше — голубые. Резинка немножко трет с непривычки. Зато — гольфы! Еще Люба увидела на Марине Ивановне новое платье. Такое платье! Шикарное. Люба никогда такого платья не видела.

Это платье Марине Ивановне дочка из Красноводска прислала. А куда в нем идти? Клуба у нас нет. Вот Марина Ивановна решила надеть это платье к поезду. Мы гостью встречаем, пусть гостья сразу увидит, что мы красиво живем. И все пассажиры увидят.

— Сейчас мы их ослепим,— смеется дядя Володя и поправляет панаму. Он ее набекрень хочет надеть, пусть пассажиры увидят.

— Эх, кольцо не надела! — жалеет тетя Наташа.— У меня кольцо с изумрудом есть. Надо было надеть!

— Лучше всего галоши,— говорит папа.— Надо было галоши. Они далеко блестят. Галоши в пустыне, это бы пассажиры запомнили.

Вдруг Арина кричит:

— Поезд!

Мы про поезд совсем забыли. Так неожиданно! Только Любин кот не забыл. Он спину выгнул, и шерсть на нем встала, так он поезда ждет. Специально с охоты вернулся. А поезд уже идет. Прямо бежит на нас. Он скорый, и ему неудобно опаздывать.

Лязгнул и тормозит. Толстый Витя испугался, так поезд лязгнул. Витя у нас еще маленький, ему только четыре года. А нам с Ариной скоро шесть будет.

Против нас самый первый вагон остановился.

Вдруг из него мальчик высунулся, в матроске. И кричит:

— Эй, колбаса, какая остановка?

Я думаю, кому он кричит. Разве у него тут знакомые есть?

А мальчик еще сильней из окошка высунулся и прямо орет:

— Эй, колбаса в беретке, это какая остановка?

Тут я понял, что мальчик нашему Вите кричит. Витя в беретке. Хулиган он, что ли?

А Арина как бросится к вагонной двери. Там ступеньки высокие, Арине не вспрыгнуть. И на ступеньках еще проводница стоит с флажком, толстая, всю дверь закрывает. Она Арину отталкивает, а Арина руками вцепилась в ступеньку, лезет вверх и кричит:

— А ну повтори, что сказал!

Проводница толкает ее и тоже кричит:

— Ты куда? — кричит.— Это чья девочка? — кричит.— Заберите от меня эту дикую девочку! — кричит.

И толкает Арину. Но Арину разве отцепишь!

— Арина,— кричу я,— подожди меня, я сейчас!

Арина как бросится к вагонной двери.

И бегу к двери. Вдвоем мы проводницу, конечно, подвинем.

— Наша девочка, господи! — кричит Марина Ивановна. И бежит к двери, ей новое платье мешает быстро бежать.

— Аринка, постой! — кричит мой папа. И тоже бежит.

— И повторю! — вопит мальчик в матроске. Его белая тетя от окна тянет, мама, наверное, его дядя военный от окна тянет, уже много народу его от окна тянут. А он все равно вопит:

— Жиртрест! Колбаса!

Наш Витя плачет. Он ногами топает и кричит:

— Я не колбаса! Ты сам колбаса!

Дядя Мурад Витю на руки схватил, а Витя вырывается. Дядя Мурад с ним от вагона бежит.

Тут папа Арину отодрал от ступеньки и кричит Любе:

— Отправляй поезд к черту!

Поезд сразу ушел.

Мы все стоим. Витя уже не плачет: тетя Наташа ему конфету дала, «Белочку». Арине она тоже хотела дать, Арина головой замотала. Я тоже не взял. Какие сейчас конфеты?!

— Уф! — говорит папа.

— Арина, я тебя сзади толкал,— говорю я.— Ты слышала, я толкал?!

Арина не отвечает. Она топает ногой, это она все переживает, что папа ее оторвал от ступеньки. И тот мальчик уехал. Арина любит каждое дело довести до конца, а тут она не довела.

— Вот вас и одевай! — говорит Марина Ивановна. Ей особенно Аринину юбку жалко, плиссе. Там столько складок, разве теперь отмоешь. И гольфы. Гольфы белые были, все помнят. А теперь они черные.

— Послушайте, а зачем мы сюда пришли? — вдруг говорит дядя Володя.— По-моему, мы кого-то хотели встречать.

Тут мы вспомнили. Мы Аринину тетю хотели встречать. Она из Москвы едет, чтобы с Ариной побыть. Аринины мама и папа уехали в Болгарию по путевке. Они три года не отдыхали, а теперь вот уехали. Прямо в Болгарию. Аринина тетя, наоборот, сюда едет в отпуск.

— Действительно,— говорит папа,— мы кого-то встречаем.

— Может, меня? — говорит кто-то.

К нам незнакомая тетенька подходит. Нестарая вообще-то. Молодая. Она совсем молодая. И у нее такие большие волосы, я таких больших никогда не видал. С желтым чемоданом. И главное, она в пальто. Ей так жарко! Она пальто расстегнула. А под пальто у нее еще свитер, смешно так. И она смеется.

— Здравствуйте, очень-очень приятно,— говорит Аринина тетя.

— Вот так встретили,— смеется папа. И берет желтый чемодан.

Потом Аринина тетя всем по очереди еще говорит:

— Надежда Георгиевна. Здравствуйте, очень приятно.

И руки всем жмет. Моему папе, дяде Володе, Марине Ивановне в новом платье, тете Наташе, дяде Мураду, Вете с метеостанции, шоферу Боре и Любе. А Витя ей руку не дал, спрятался за дядю Мурада. Он у нас еще маленький, боится чужих. Надежда Георгиевна обиделась. Я рядом с Витей стою. Я поскорей протянул ей руку.

— Леня,— говорю.— Здравствуйте, очень приятно.

Все засмеялись. Но Аринина тетя, конечно, не засмеялась. Она мою руку пожала. Тут смеяться нечему.

Кто же это там, у плиты?

Раз гостья приехала, у нас сегодня будет праздничный ужин. Мы сома будем есть.

— Неужели сом в пустыне живет? — удивляется Надежда Георгиевна.— Это же рыба.

Конечно, рыба, кто же еще. Сом! С усами. Он девять килограммов весит. Папа его в лаборатории взвешивал, и сом прыгал на весах. Я хотел за хвост подержать, так сом меня ударил хвостом. Такой сильный! Он в канале живет. Охотится там на уток. Как утку увидит, выскочит из воды, схватит, нам Боря рассказывал. Боря ехал через канал и поймал этого сома. Хорошо, что в кузове бочка была. Боря сома сразу в бочку пустил. А то бы он его живым не довез. Мы с Ариной никогда раньше сома не видели, но теперь увидели.

— Я тоже хочу посмотреть,— говорит Надежда Георгиевна.

Но сом уже жарится, такая жалость. Она сома уже никогда не увидит.

— Зато будете есть,— говорит папа.— Это даже лучше.

Марина Ивановна сначала Боре сказала, что он сома зря привез. Она рыбу не ест и готовить ее не умеет. Лучше бы Боря зайца привез. А дядя Володя как раз мимо шел, говорит: «Выбросить его, и дело с концом». Тогда Марина Ивановна говорит: «Проброcаешься! Еще чего — выбросить!»

И сделала праздничный ужин.

— Где накрывать? — говорит Марина Ивановна.— На улице?

У нас стол стоит перед домом. У него ножки прямо в песок врыты, крепко стоит. И скамейки тоже ножками врыты. Мы за этим столом все вместе обедаем. Он большой. Марина Ивановна его с мылом моет, и стол прямо блестит. Потом она его еще скребет ножом. И стол совсем уж блестит. Мы за него все сразу садимся. Арина, мой папа, дядя Володя, толстый Витя, тетя Наташа, дядя Мурад, Вета с метеостанции, шофер Боря и я. Если кто-нибудь к нам приехал, он тоже садится.

В комнате мы редко обедаем. Если только дождь. Или, например, песчаная буря. Песчаные бури, конечно, у нас часто. Но не каждый день.

Дядя Володя уже сковороду несет. Он ее еле тащит, такая огромная. Сом на сковороде трещит и маслом брызгает.

— Чур, я рядом с тетей Надей,— говорит Арина. Конечно, это же ее тетя. Но мне тоже хочется рядом. Я говорю:

— Чур, я рядом с Надеждой Георгиевной!

— Только не подеритесь,— говорит папа.

— Сом стынет,— говорит Марина Ивановна.

Вдруг Арина тарелку от себя отодвинула и говорит своей тете:

— Почему Ледик тебя «Надежда Георгиевна» зовет?

Папа говорит:

— Как почему? Потому что она Надежда Георгиевна. Я ее тоже так зову. И все так зовут.

— Нет,— говорит Арина.— Она тетя Надя.

— Это она тебе — тетя,— говорит мой папа.— А не Ледику.

— Нет, и Ледику,— говорит Арина.

— Конечно, конечно,— говорит Надежда Георгиевна.— И Ледику тоже. Алексей Никитич, оставьте, мне даже приятно.

— Он уже не маленький,— говорит папа.— Может нормально взрослого человека называть. По имени-отчеству. Пусть привыкает. А то все кругом дяди-тети.

— Я тогда тоже буду «Надежда Георгиевна» называть,— говорит Арина.— Я тоже не маленькая! Я Ледика на три дня старше!

— Но она же тебе родная тетя, Ариночка,— говорит Марина Ивановна.

— И Ледику родная,— говорит Арина.— Мне Ледик родной!

Вот как Арина им все объяснила. Она же мне родная. Какая же она мне. Мы в прошлом году ездили в Ашхабад, так все в поезде говорили: «Посмотрите, какие братишка с сестренкой дружные». Потом один дядя говорит: «Вы, наверное, близнецы?» Арина говорит: «Конечно, мы близнецы. Я на три дня Ледика старше». Все в поезде как засмеются! Но Арина правду сказала — она на три дня старше, не на десять же. Папа пришел, ему говорят: «Какие у вас ребята забавные». А он говорит: «Они у меня такие».

— Логично, Арина,— говорит дядя Володя.

— Гм,— говорит и папа.— Вообще-то, конечно. Тут возражать трудно. Ледик, несомненно, тебе не чужой.

— Ага,— говорит Арина. И тарелку сразу к себе подвинула.

— Хоть бы вот так-то на всю жизнь осталось,— говорит Марина Ивановна. И смотрит на нас с Ариной. И глаза себе трет, у нее глаза на мокром месте, она сама сказала.

— Ладно,— разрешил папа.— Зови, как хочешь.

И мы сразу сома стали есть.

Зря Марина Ивановна Борю ругала. Сом вкусный. В нем костей совсем нет, одно мясо. Марина Ивановна никогда рыбу не ест, но этого сома она бы каждый день ела, только давай. Особенно печень она бы ела. У сома печень по вкусу прямо, как дичь, лучше зайца. Зайцы нам уже надоели, мы их всю жизнь едим. А сом нам не надоел, особенно печень.

— Сомятина,— говорит папа,— это вещь!

— Тиной малость припахивает,— говорит дядя Володя.— Предлагал выбросить, пра-

Гостья приехала, и у нас сегодня будет праздничный ужин.

вильно я предлагал. Кто у сковородки? Подкиньте-ка мне еще кусочек. Побольше.

— И я бы еще попросила,— говорит дядя Мурад Сапаров.

Он так про себя говорит: «Я пошла». «Я бы попросила». Потому что дядя Мурад туркмен, он русский язык уже взрослым выучил. Иногда, конечно, он ошибается. Если бы мы по-туркменски заговорили, туркмены бы прямо живот надорвали, так папа считает. У туркмен язык очень трудный. Папа, правда, с дядей Мурадом разговаривает по-туркменски. И дядя Мурад не смеется. Он потому не смеется, что дядя Мурад очень деликатный, так папа думает. Мы, конечно, тоже не смеемся, когда дядя Мурад говорит: «Я бы попросила». Чего тут смешного? Он же понятно говорит.

— Теперь кофейку,— говорит тетя Надя. Марина Ивановна даже расстроилась.

— У меня только чай,— говорит.— Я не знала.

Мы в Туркмении кофе совсем не пьем. Мы пьем чай. Мы зеленый чай пьем, он вкуснее, с черным его никак не сравнишь. От него сила. Без зеленого чая в нашей жаре пропадешь.

— Никогда не пила,— говорит тетя Надя.

— Если человек привык к кофе,— говорит Марина Ивановна,— значит, надо кофе сварить.

— Я с удовольствием попробую чай,— говорит тетя Надя.

Так ведь кофе одна минута сварить. У нас теперь газ. Нам газ в баллонах привозят. Такое удобство! Только Марина Ивановна бо-

ится, что она как-нибудь не так кофе сварит. Она это баловство не умеет варить. Может, кто-нибудь лучше умеет?

— Если позволите, я сама сварю,— говорит тетя Надя.

У нас кухня в сторонке, отдельный домик такой. Марина Ивановна хотела тете Наде все показать, где какие кастрюльки. Но тетя Надя сама разберется. Что она, кухни не знает? Знает она кухню.

— Ну, хозяйствуй,— говорит Марина Ивановна.

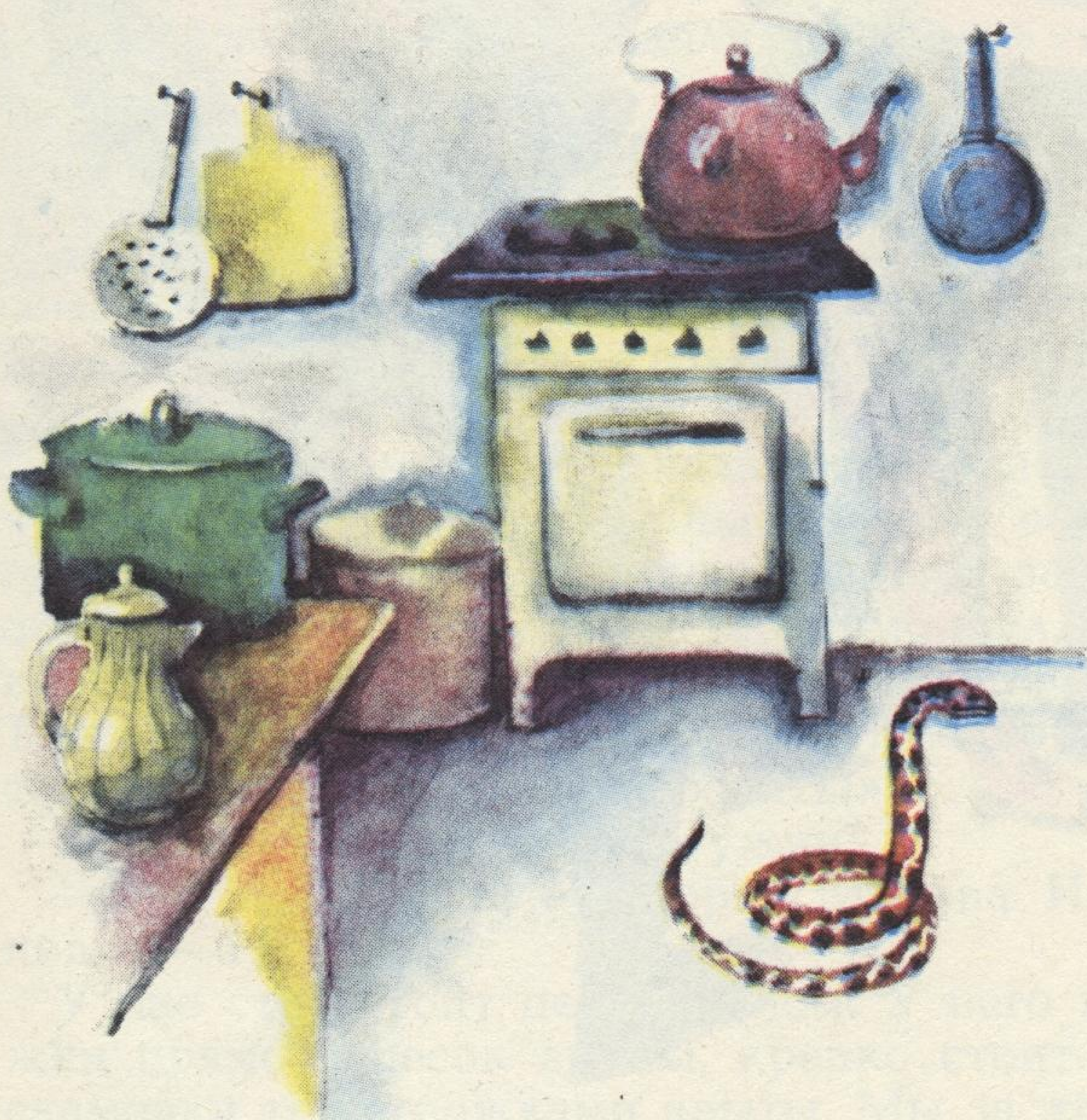
И тетя Надя пошла в кухню.

Вдруг обратно идет. Быстро так.

— Отличная кухня,— говорит.— Только кто-то там в ней, у плиты.

— У плиты? — удивилась Марина Ивановна.

— Лежит у плиты,— говорит тетя Надя.

Я ее сразу узнал. Это змея эфа.

— Как ты думаешь, Володя,— говорит папа,— кто бы это там мог лежать, у плиты?

— Ума не приложу,— говорит дядя Володя. И быстро идет... И папа идет за дядей Володей, быстро так. Он прямо бегом идет.

Мы все сразу вскочили.

У нас кухня просторная, там гараж раньше был. Плита далеко стоит, в углу. Дядя Володя к плите нагнулся, нам только спину видно. И говорит кому-то:

— Пригрелась, моя хорошая...

Потом вдруг как отскочит назад.

И папа отскочил. Кричит нам:

— Не подходите! Спугнете!

Тут я слышу: будто кто-то мячик надувает. Уфффф! И еще. Уфффф!

— Ой,— говорит тетя Надя,— это змея...

Конечно, змея. Теперь все увидели. Она у стенки лежит, голову высоко подняла и не знает, куда бежать. Мы дверь загородили, а в стенках щелей нет, это гараж, пол бетонный.

Я ее сразу узнал. Это змея эфа. Я ее сколько раз видел, пестрая такая. Например, видел так. Мы с папой на почту пошли, он говорит: «Погоди-ка, кажется, удавчик ползет. Он нам нужен». Нагнулся и роет в песке руками. Вдруг отпрыгнул и кричит мне: «Стой! Не дыши!» Я слышу, где-то надувают мячик. Близко где-то. Рядом. Я не дышу. Потом у моей ноги что-то чирк. И уже нет. Она у моей ноги проскочила, я не дышал. Больше уже не могу не дышать. Как дохну! Папа говорит: «Видал? Эфа. А я за удавчика принял, вот смех-то».

Эфа вдоль стенки бежит. И на нас смотрит.

— Скорей,— говорит папа.— Мешок нужен!

— Обойдемся,— говорит дядя Володя.

И вдруг разувается. Босиком, что ли, удобнее эфу ловить? Он кеды снял. Потом снял носок, а кеды обратно надел. Кричит:

— Давай пока в носок!

— В носке она еще не сидела! — кричит папа.

Тут они эфу сразу поймали.

Только она никак не хотела в носок, хоть она никогда не сидела. Ей, наверное, непривычно. Папа ее с большим трудом в носок запихал. И затянул шнурком от кеда.

— Совсем разула меня красавица,— сказал дядя Володя.

Замахал носком, побежал в лабораторию.

— А вы чего стоите? — сказал папа.— Чай, небось, остыл.— И тоже в лабораторию.

— Мы только глянем и придем.

Правда, быстро пришли. Чай еще не остыл. Тетя Надя чай с нами стала пить. Ей почему-то расхотелось кофе варить, так она сказала.

— Не зря она к плите жалась,— смеется дядя Володя.— Я такой тощей змеи на воле еще не встречал.

— Вы ее не убили? — говорит тетя Надя.

— Зачем? — удивился дядя Володя.— Пускай посидит, отдохнет. Потом выпустим.

— В заповеднике никого не убивают,— говорит папа.— Сами никого не убиваем и другим не даем.

— Я почему-то думала,— говорит тетя Надя,— что на ядовитых змей это не распространяется.

Странно, почему она так думала. Ядовитые змеи как раз очень полезные. Из яда лекарство делают, разве она не знала?

— А эта... эфа... она очень опасная? — говорит тетя Надя.

— Как вам сказать,— говорит папа.— Считается смертельной.

— А на самом деле? — говорит тетя Надя.

— Если качественный укус, тогда, конечно, помрешь,— говорит папа.

— Как это качественный? — говорю я.

— Ну, значит, доброкачественный,— смеется папа.— А так ничего, у нас шприц в хо-

лодильнике есть. Вон Володю кусала. Ничего, жив. В больнице, правда, отвалялся три недели.

— Ты же знаешь,— говорит дядя Володя. — Я там, в больнице, воспаление легких схватил, поэтому три недели.

— Дядя Мурад вчера кобренка на перроне убил,— говорит Арина.— Тетя Надя, ты кобренка видела?

— Не видела, Аришка,— говорит тетя Надя.— Все-таки убил.

— Он на меня прыгнул,— оправдывается дядя Мурад.— Я растерялась, убила по глупости.

Нехорошо, конечно, что дядя Мурад кобренка убил.

— Совсем мы Надежду Георгиевну напугали,— смеется папа.

Нет, мы ее не напугали. Мы живем, значит, жить можно. Она понимает. Ей только немножко странно, что змеи прямо в кухне. Или там, прямо на перроне. Тетя Надя както с этим раньше не сталкивалась, и ей немножко странно.

Но папа сказал, что ничего странного нет. Это довольно обычное дело для весны. Змеи недавно проснулись и всюду лезут, даже в дома. Они еще не поняли, что человек им не друг.

— А когда поймут? — сказала тетя Надя.— Тогда что?

— Ничего,— сказал папа.— Будут человека за версту обходить.

— Глупости все,— сказала Марина Ивановна.— Заладили: змеи да змеи. Ну, эфа в кухню зашла, подумаешь. Как зашла, так бы и ушла, страсти какие, господи. Зато комарья у нас нет, сколько хочешь на улице сиди. Вон сейчас вечер, а как спокойно, никто не жужжит. Пили бы лучше чай. Да ребятишек пора укладывать, Виктор щеки уже трет.

Тетя Наташа сразу Витю спать повела, он еще маленький.

— И вы, крокодилы, давайте-ка,— сказал папа нам с Ариной.

Я не думал, что он так скажет. Все-таки нам с Ариной скоро шесть лет. Мы вполне бы могли еще посидеть.

Какой умный этот ВАК

Арина у нас всегда лепит. Она из всего лепит. Из пластилина. Из глины. Из мыла. Из замазки. Сейчас она лепит из хлеба. Свой кусок уже вылепила, взяла мой. Какао не допила, а лепит.

— Перестань хлеб мучить,— говорит Марина Ивановна.

Арина не слышит, она лепит.

У папы в кабинете собачка сидит, ему Арина на день рождения подарила. К нам кто приезжает, скорей эту собачку щупает. «Поразительно,— говорят.— В четыре года! Просто поразительно!» Особенно их поражают уши, как они наставлены. И живот — какой это впалый живот.

Сразу говорят: «А еще у нее что-нибудь есть?» «Целый зоопарк»,— говорит папа. «Но ее же надо срочно учить!» — кричат все, кто приезжает. А никто не может Арину учить, потому что лепить никто не умеет. Вот к нам тетя Надя приехала. Привезла пластилин и краски, а лепить тоже не умеет. Поэтому Арину никто не учит, она сама лепит.

— Только из хлеба не надо, Ариночка,— говорит Марина Ивановна.— Хлеб надо уважать.

— Я его уважаю,— говорит Арина.— Я черный хлеб больше уважаю, из него крепче.

Когда мы корью болели, Арине не давали лепить. При кори глаза болят, как можно лепить. Нельзя! Мы с Ариной лежали в темной комнате с занавешенным окном. А она плачет: «Дайте мне пластилин! Я на него не буду смотреть!» Ей, конечно, не дали. Тогда она простыню стала вертеть. Угол у простыни накрутила, накрутила, и врач пришел. «Это,— говорит,— у тебя что такое?» Арина говорит: «Это бегемот». «Пожалуй,— говорит врач.— Вроде похоже». И сразу разрешил дать пластилин Арине.

Арина лепит и спрашивает меня:

— Ледик, кто вышел?

Зачем Арина спрашивает? Когда я леплю, тогда интересно спрашивать. Каждый поДругому скажет, ни за что не угадают. А у

Арина у нас всегда лепит. Она из всего лепит. Из пластилина. Из глины. Из мыла.

Арины сразу видно. Она ишака сейчас лепит. У него ноги длинные и коленки торчат. Этот ишак на своих длинных ногах не может стоять. Хлебные ноги его не держат, они гнутся. Совсем подогнулись, и ишак лег на стол.

— Я ему сейчас крылья сделаю,— говорит Арина.

— Разве у ишака бывают крылья? — говорит Марина Ивановна.— Где ты видала ишака с крыльями! Надо по правде лепить.

— Я по правде,— говорит Арина. И лепит своему ишаку крылья.

— Это, наверное, волшебный ишак, да, Аринка? — говорит тетя Надя.

— Нет,— говорит Арина. — Просто крылатый.

— Крылатых ишаков не бывает,— говорит Марина Ивановна.

— А если он родился? — говорит Арина.

И все равно лепит.

Что они все Арине мешают? Такой у нее ишак. Он с крыльями родился, подумаешь. Хочет — бежит на длинных ногах, хочет — летит на крыльях. Сам серый, а крылья у него белые. Они из булки, очень красиво.

— Скульптором будешь, Аринка,— говорит тетя Надя.

— Нет,— говорит Арина.— Художником!

— Художники рисуют, а ты лепишь.

— Я, когда вырасту, тоже рисовать буду,— говорит Арина.— Сейчас мне некогда рисовать.

— Надо бы тебя в настоящий музей свести,— говорит тетя Надя.

— Мы с Ледиком были в настоящем,— говорит Арина.

Мы в Ашхабаде были с Ариной. Папа в институт побежал, а нас в музее оставил, там рядом. «Побродите пока»,— говорит. Мы с Ариной стали бродить. Там картины висят. Страшные. Браконьеры палками гонят слона — такая картина. Они его до смерти могут загнать! Еще такая висит: браконьеры у костра пляшут, в шкурах. Слона, наверно, убили и в его шкуре пляшут.

С самолета в волка стреляют — тоже картина. Волк по снегу бежит и на самолет огрызается. Браконьеры, значит, и на самолете бывают! Но этого волка они еще не убили. Он быстро бежит, браконьерам никак не попасть. «Он убежит?» — говорит Арина. Я думаю, убежит. Но лучше мы что-нибудь другое посмотрим.

«Вон медведь»,— говорю я. «Настоящий?» — обрадовалась Арина. Мы скорей подошли. Он не настоящий. В музее ничего настоящего нет. Чучело просто. На этом медведе нитки видно. Арина заплакала. «Ему больно»,— говорит. Я знаю, что больно. Я говорю: «Ничего ему не больно, он чучело».

Арина к тетеньке подошла, она в углу на стуле сидела, говорит: «Как у вас в музее противно!» Тетенька удивилась. «А всем нравится»,— говорит. Арина тоже удивилась: «Чему же тут нравиться? Звери на самом деле веселые, а у вас они страшные. Скалятся за стеклом». Тетенька говорит: «Так не смотрите». А куда мы пойдем, нас папа в музее оставил.

— В музее ничего хорошего нет,— говорит Арина.

— Это не тот музей,— говорит тетя Надя.— Вот приедете как-нибудь в Москву, я вам покажу.

— Мы с Ледиком приедем к тебе,— говорит Арина.

Тут Вета с метеостанции вдруг бежит. Бежит и кричит:

— Алексей Никитич, радиограмма!

И какой-то бумагой на бегу машет вверх, вниз.

— Что ты кричишь? — говорит Вете Марина Ивановна.— Оглушила, честное слово. Какая такая радиограмма?

Вета рот даже себе зажала рукой. Покраснела и говорит:

— Извините, Марина Ивановна. Хорошая радиограмма, из института. Алексея Никитича ВАК утвердил.

Марина Ивановна вдруг села и говорит:

— Слава богу...

Боря из гаража прибежал. Он там под машиной лежал, у него ведущая полуось отказала. Боря прямо жизни не рад из-за этой полуоси. Но теперь он, конечно, рад: ведь папу ВАК утвердил!

Дядя Мурад Сапаров из лаборатории прибежал. Он собирался сегодня на влажность бурить. Но теперь он не будет бурить. Разве можно в такой день бурить? Ведь папу ВАК утвердил!

Тетя Наташа Сапарова все дела бросила. Она гербарий хотела пересмотреть, ей одну травку нужно найти. Никак она эту травку не определит, что за травка. Может, это вообще новый вид? Но тетя Наташа гербарий бросила, говорит:

— Как быстро Лешу ВАК утвердил!

ВАК папу за месяц утвердил, это неслыханно. Дядю Мурада он, например, мурыжил семь месяцев, все переволновались. А папу за месяц утвердил! Аринину маму ВАК целый год держал. Ее даже в Москву вызывали. Но все-таки обошлось, утвердил. А папу ВАК утвердил за месяц, подумать только.

— У Леши работа такая,— сказал дядя Мурад.— Я, когда его диссертацию читал, завидовал хорошей завистью.

Конечно, у папы работа не какая-нибудь. Такая работа! На ученом совете в один голос сказали, что давно не было такой работы. У папы, можно сказать, ДОКТОРСКАЯ диссертация, это в наши дни буквально редкость.

Но это все равно ничего не значит, так Марина Ивановна считает. ВАК вполне мог в этом не разобраться. У ВАКа столько работ! Просто счастье, что ВАК все-таки разобрался.

Тут папа из дому вышел.

— Что за шум, а драки нету?

— Тебя ВАК утвердил, вот!

— Сорока на хвосте принесла? — смеется папа.

— Не на хвосте, а радиограмма,— говорю я.

— Поздравляю, Никитич,— говорит дядя Володя.

— Отлично,— говорит папа.— Три кандидата на заповедник, это уже сила. Пусть попробуют вычислительную машину не дать!

Папа мечтает создать у нас в заповеднике научный центр. Для этого ему нужна вычислительная машина. А то они наблюдают, наблюдают, столько нанаблюдали, ужас. Как кто в пустыне живет, кто кого ест. А обрабатывать эти наблюдения просто не успевают физически. Только вычислительная машина может успеть, она такая. Без машины в наше время нельзя, получаются прямо кустарные выводы, как будто прошлый век. Это, конечно, обидно.

— Теперь Володе пора защищаться,— говорит тетя Наташа.

— Пока вроде не нападает никто,— смеется дядя Володя.

— Всем сразу нельзя,— смеется дядя Мурад.— Давка будет.

— А мне и так хорошо,— смеется дядя Володя.— Как-нибудь потом, в свободное от работы время.

— Потом будет поздно,— говорит тетя Наташа.— Защищаться молодым нужно, пока детей нет.

— Мы, наверное, Надежду Георгиевну совсем уморили своими специальными разговорами,— говорит папа.

— Что вы?! — говорит тетя Надя. — Наоборот!

Мы ее нисколько не уморили. Она всегда мечтала встретить цельных людей. На Севере она их, правда, встречала. И вот сейчас опять встретила, на Юге. Ей, наоборот, приятно.

— А мне как в голову вступило,— говорит Марина Ивановна.— Я все переживаю, какой умный этот ВАК.

— О-о-о! — говорит папа.— Он такой, он прямо умнющий...

— Пап,— говорю я.— А почему я его не помню? Меня, что ли, не было?

— Когда? — говорит папа.

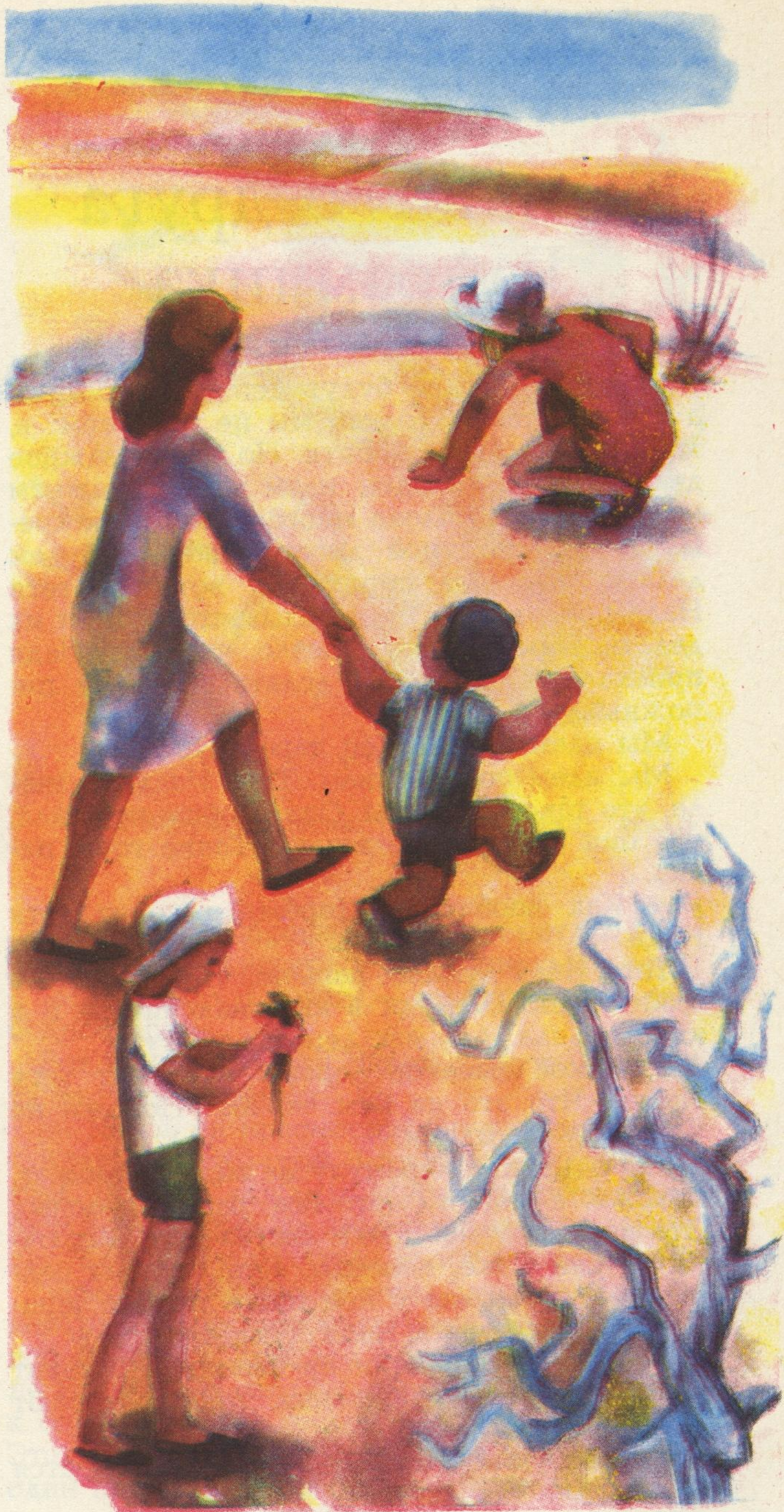
— Когда он к нам приезжал,— говорю я.— Он ведь к нам приезжал?

— Кто? — говорит папа.

— ВАК,— говорю я.

Дядя Володя даже подпрыгнул и ноги выше скамейки задрал. Один дядя Мурад не смеется. Он улыбнулся тихонько, и все, потому что он деликатный. Чего тут смешного? Я просто спросил.

Папа на руки меня подхватил и щекочет щекой.

Мы идем на колодец через пустыню, по барханам.

— И ты его забыл? — говорит папа.

— Ага,— говорю я.

— Он обидится,— говорит папа. — Если он узнает, он ужасно обидится.

Потом папа меня на скамейку поставил и говорит:

— ВАК, крокодил,— это он мне говорит,— вовсе не человек. Это такая комиссия, Высшая аттестационная называется. В ней много человек, один другого ученей. Они все сидят в Москве, очки на носу...

— У всех? — смеюсь я.

— У всех до одного,— смеется папа.— Они сидят и читают наши диссертации. Если им диссертация не понравится — все, другую пиши.

— А твоя им понравилась? — говорю я.

— Выходит,— смеется папа.
— Какой умный этот ВАК,— говорю я.

У нашего друга Байрамчика

Говорили, что не будут сегодня работать, а все работают. Только мы не работаем: я, Арина, тетя Надя и Витя. Но у нас важное дело. Мы на колодец идем за верблюжьим молоком. Нам молока много нужно, для крема. В честь папиной диссертации мы будем делать заварные пирожные, вот как тетя Надя придумала. Она, оказывается, умеет их делать. Нам просто повезло, что тетя Надя приехала и она умеет делать заварные пирожные!

Мы идем на колодец через пустыню.

Мы идем по барханам. Тетя Надя не знала, что такое барханы. Она вообще не знала, что они есть. Такие холмы. Такие горы песка.

— Как верблюжьи горбы,— говорит тетя Надя.

Тетя Надя думала раньше, что в пустыне один песок. Она так в книжках читала и в кино видела. А у нас деревья растут.

— Какое высокое дерево! — говорит тетя Надя.— Что это на нем черное? Похоже на черемуху с ягодами.

Мы с Ариной черемуху не видали. Может, похоже, а может, нет. Все равно красиво. Это акация, у нее даже листья есть. Колючки на ней тоже, конечно, есть. Акация сейчас цветет. Цветы у нее такие темные, прямо черные. А тетя Надя думает — ягоды.

— Ягоды на акации не бывают,— говорит толстый Витя.— На акации только бывают плоды.

— Мне у вас учиться и учиться,— смеется тетя Надя.

Ничего, пусть учится. Мы ей все покажем. Вот дерево — саксаул.

— Кривое какое,— говорит тетя Надя.— Даже тени нет.

Вот как тетя Надя придумала. Это такой кривой саксаул, что он даже обманул свою тень. Тень всегда прямо падает, а саксаул растет криво, туда-сюда. И тень прямо не знает, куда ей падать от такого кривого саксаула. Поэтому она вообще не падает. И саксаул один стоит. Хитрый, без тени. Ему тень не нужна, он солнце любит.

— А почему так сиренью пахнет? — говорит тетя Надя.

Мы не знаем, почему. Мы сирень вообще-то не нюхали. У нас сирени нет. Но если пахнет, мы стали нюхать. Витя в куст астрагала залез, так он нюхает. Арина на четвереньки встала. Я нос кверху поднял и нюхаю.

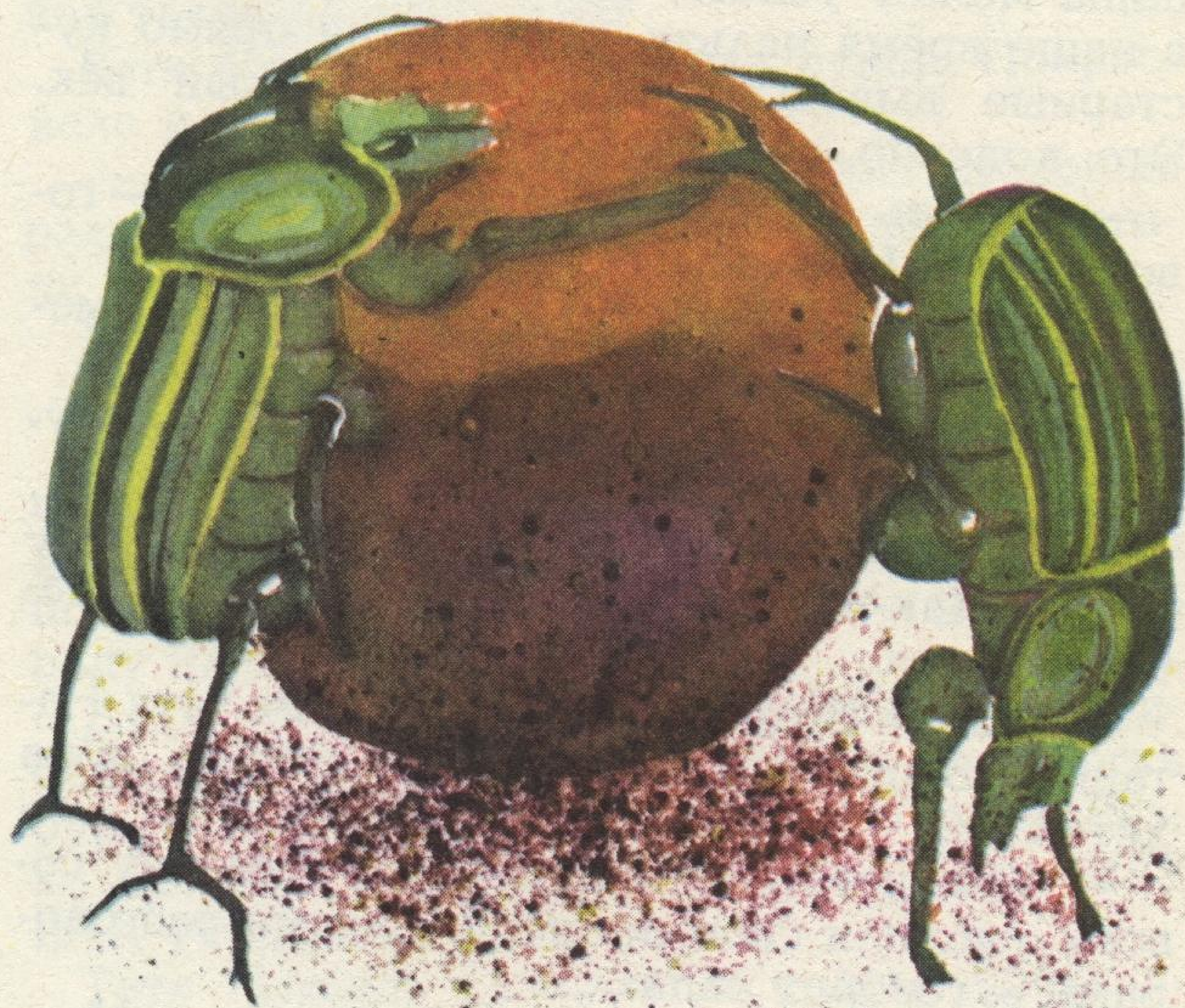
Тетя Надя тоже нюхает. Цветок сорвет. И понюхает. Листок сорвет. И понюхает. Все не то. Потом вдруг села, закрыла глаза и говорит:

— Где-то вот здесь...

Мы скорее смотрим, около чего тетя Надя села. Может, мы эту траву даже не знаем, может быть, новый вид. Надо у тети Наташи спросить, она посмотрит в гербарии. Но тетя Надя не на новый вид села. Она сидит под кустом.

— Это кандым,— говорю я.

Это же кустарник кандым, он белыми цветами цветет. Уже отцвел. На нем сейчас пушистые шарики висят, как ежата. Мягкие такие! Красные, розовые, всякие. Мы с Ариной эти шарики жуем иногда. От них во рту

Жук скарабей тащит овечий катышек.

так сразу немножко кисло, уже пить не хочется.

— Будто в букете сидишь,— говорит тетя Надя.

Ну, кандым у нас пахнет! Она ничего подобного не встречала. Кандым, конечно, пахнет. Мы только не знали, что он так замечательно пахнет. Теперь будем знать.

Витя разжевал шарик, говорит:

— Ого! Как сиренью пахнет!

— Не может быть,— смеется тетя Надя.— Что ты говоришь? Кто бы мог подумать?!

А ведь сама первая сказала. Взрослые часто так — скажут, забудут, а потом удивляются. Не люблю я эту привычку.

— Самой настоящей сиренью,— говорит Арина.

— Чем же ему пахнуть? — говорю я.— Это кандым!

Мы дальше по барханам идем. Как по горбам.

Тетя Надя еще много чего не думала. Она не думала, что у нас столько ящериц. И жуков. И разных следов. Она почему-то считала, что увидит безжизненные пески. А кругом жизнь кипит.

Мы с Ариной смотрим кругом. Ничего особенного, конечно, нет. Муравьи куда-то бегут. Жук скарабей тащит овечий катышек, сейчас прятать будет. Оса песок роет, и песок у нее летит между ног. Фонтаном. Она так работает. Черепаха лезет задом из норки. Рогатая жужелица дерется с черным жуком. Они так скрипят, будто на них куртки из скриплой кожи. Это они своей скорлупой скрипят. Мы их разняли. Нечего драться.

Ящерица на ветке стоит. Лапки расставила широко и на нас глядит. Думает, что мы мимо пройдем.

Я подкрался и рукой ее накрыл. Ага, попалась! Только что была светлая, а у меня в руках сразу сделала себе голубой живот. Меня пугает. Я не испугаюсь, у меня папа зоолог. Ящерицы у нас в кухне живут. Я все про них знаю. Эта ящерица — агама. Она цвет может менять. Как ей что не понравится, сразу синеет.

Я показал тете Наде.

Она пальцем агаму потрогала. Осторожно.

— Не укусит? — спрашивает.

Агама как дернется. И выскочила. Побежала, песком нас забрызгала. Витя хотел догнать, а она — в норку. И нет.

Тетя Надя расстроилась, что мы упустили такую великолепную агаму. Другой такой великолепной нам никогда не поймать!

— Поймаем,— говорю я.

И сразу поймал. Она как раз за тетей Надей сидела.

Эта ящерица — агама. Она цвет может менять.

Черепаха вылезла из норки.

— Ты прямо профессор,— говорит тетя Надя.— Ты еще диссертацию не писал?

— Как-нибудь потом,— говорю я.— В свободное время.

Вот мы как с тетей Надей пошутили. А Витя не понял, говорит:

— Какой он профессор? Он петуха боится.

Как будто толстый Витя сам петуха не боится. Я видел, как дядя Мурад Витю тащил на руках. Витя орал на весь заповедник, а петух прыгал сзади и раздувал хвост.

Этого петуха все боятся. Дядя Володя никого не боится, никаких змей. А петуха он побаивается, петух его один раз в лицо чуть не клюнул. Из него бы давно суп сварили, но, к сожалению, он имеет научную ценность. Этот петух предсказывает песчаные бури. Ни один прибор еще не предсказывает, а петух, например, нахохлился или залез под крыльцо. Значит, будет песчаная буря. Надо закрывать окна. Ехать уже никуда нельзя. Боря однажды петуху не поверил и поехал. Чуть совсем не пропал.

С тех пор петуху абсолютно все верят. Ведь флюгер все-таки может ошибиться. Ветер на чего не так дунет, и флюгер, пожалуйста, ошибся. А петух никогда не ошибется, он не флюгер. Он живет на метеостанции и предсказывает.

— Я хочу на вашего петуха посмотреть,— сказала тетя Надя.

Это она сейчас хочет. А когда увидит, совсем не захочет.

Мы уже на колодец пришли.

Вокруг колодца юрты стоят. Тихо. Маленькие ребята в песке играют. Они палец в рот сунули и на нас смотрят. Халат на песке сохнет. Старик в широких штанах грузит бочон-

Петух никогда не ошибается, он не флюгер. Он живет на метеостанции и предсказывает.

ки с водой на своего ишака и что-то ему говорит. Ишак не хочет грузиться. Он даже слушать об этом не хочет, отвернул уши. На солнце спит толстая собака, белая, без хвоста. А на собаке спит толстая муха, черная. Такой колодец.

— А где верблюды? — говорит тетя Надя.

Мы рано пришли. Верблюдов еще нет. Они пока ходят в пустыне и едят верблюжью колючку, такую траву с шипами. Больше ее никто есть не хочет. Она бы совсем завяла, если бы не верблюды. А верблюдам она нравится. Они эту колючку сто раз во рту перекатывают, направо, налево. Как конфету-тянучку. Так она им нравится!

Когда стемнеет, верблюды придут ночевать на колодец.

— А сейчас что же нам придумать? — говорит тетя Надя.

— Пойдемте в гости к Байрамчику,— придумала Арина.

Байрамчик в самой крайней юрте живет. Он наш друг. У него кто-то в юрте плачет. Мы скорей вошли.

Сначала мы в юрте ничего не увидели. Потом видим. На ковре лежит младший брат Байрамчика. Он ржет по-конски. На младшем брате сидит верхом еще один младший брат Байрамчика и пятками бьет. Он так скачет. Рядом лежит на ковре самый младший брат Байрамчика и сосет свою ногу. Ему своя нога нравится. Он иногда вдруг бросит сосать и смеется. А самый-самый младший брат Байрамчика на одеяле лежит. И кричит. Вот кто в юрте кричит.

Байрамчик стоит на коленках и трясет над самым-самым младшим братом какой-то коробкой. Но самый-самый младший брат ни на что не хочет смотреть. Он глаза закрыл и кричит.

— А что в коробке? — любопытничает наш Витя.

— Я погремушку сделал,— объяснил Байрамчик.

Витя уже коробку схватил. Хочет открыть. Вдруг говорит:

— Ой, что там шуршит?

— Там не шуршит,— объясняет Байрамчик.— Там фаланга щелкает.

Он самому-самому младшему брату сделал такую погремушку. Он паука фалангу поймал и посадил в коробку. Пусть фаланга там щелкает. Своим красным клювом. Она здорово щелкает, мы все послушали. Только самый-самый младший брат никак слушать не хочет. Кричит.

Тетя Надя взяла его на руки. Сразу замолчал. Глаза зажмурил и улыбается. Ох, хитрый!

— Заснул...— говорит тетя Надя.

— Очень много спит,— вздыхает Байрамчик.— Прямо не знаю, что делать. Все спит. Хочешь с ним поиграть, а он уже спит.

— Пусть спит,— смеется тетя Надя.— Что тебе? Поиграть больше не с кем? Вон у тебя сколько.

— Эти большие уже,— говорит Байрамчик.— Я маленьких люблю.

Тут самый младший брат ногу изо рта вынул и как закричит. Обиделся, что Байрамчик с ним не хочет играть.

Байрамчик самого младшего брата на спину посадил и стал с ним по юрте бегать. Юрта круглая. Столов никаких нет, одни ковры. Очень удобно бегать. Я за Байрамчиком побежал. А он быстрее бежит. Самый младший брат уже смеется. Арина тоже за мной побежала. И толстый Витя бежит, ему нас ни за что не догнать. Младший брат Байрамчика, который пятками бил, тоже вскочил. И за нами бежит. Еще один младший брат уже тоже бежит. Мы все бежим и кричим. Так веселее.

— Чуть-чуть бы потише,— говорит тетя Надя.

Она боится, что мы самого-самого младшего брата разбудим. Но он спит, разве его разбудишь? Он так все на свете может проспать. А мы потише не можем бежать. Мы кони. Мы бежим, топаем. Так хорошо! Пускай спит, если хочет. Мы ему не мешаем.

Тут мама Байрамчика пришла.

Она к соседке ходила и велела Байрамчику, чтобы дома был порядок. Теперь она очень довольна, что дома порядок. Самый-самый младший брат спит. Другой самый младший брат смеется. Мы бегаем, не плачет никто. Значит, дома порядок.

— Садитесь, пожалуйста,— говорит мама Байрамчика.

— Мы бегаем,— говорю я.

— Бегайте, пожалуйста,— говорит мама Байрамчика.

Какая у Байрамчика мама! Она не говорит: «Прекратите бегать, в доме не бегают». Даже не говорит: «Осторожней, вы нос себе расшибете». Она говорит: «Бегайте, пожалуйста». Вот как она сказала.

Мы бежим. Мы сколько хотим будем бегать. Толстый Витя больше не может бегать, у него же обмен веществ. Но у меня нет обмена. Я могу. И Арина может. И Байрамчик.

— Ваши дети здоровы? — говорит мама Байрамчика тете Наде.

Тетя Надя не поняла, какие дети.

— У меня детей нет,— говорит тетя Надя.

Мама Байрамчика ей не верит. Она смеется. Тетя Надя, наверно, шутит. Как это — у нее нет детей?! У всех есть дети. Без детей в доме пусто. У мамы Байрамчика, например, в доме не пусто. У нее дети. Сколько тете Наде лет? Она на целых два года старше мамы Байрамчика. Почему же у нее нет детей? Это ничего. У тети Нади еще будут дети. Пусть тетя Надя не расстраивается. У нее будут хорошие дети. Мальчики.

— Можно и девочки,— говорит тетя Надя.

— Девочки — тоже можно,— говорит мама Байрамчика. Но вот у нее все мальчики, она очень довольна.

— У вас прекрасные мальчики,— говорит тетя Надя.

Ей особенно самый-самый младший брат Байрамчика нравится. Он такой спокойный. Вокруг гвалт, а он спит. Тетя Надя бы его с удовольствием к себе в Москву забрала. Зачем маме Байрамчика столько мальчиков? Мама Байрамчика так смеется! Он ей самой нравится. Он хорошо кушает. Может, тетя Надя кого-нибудь другого возьмет? Тогда мама Байрамчика еще подумает.

Тетя Надя еще Байрамчика возьмет с удовольствием. Он ей тоже нравится. Он так за своими братьями смотрит.

— Надо его спросить,— смеется мама Байрамчика.

— Байрамчик, поедем со мной в Москву,— говорит тетя Надя.

Байрамчик даже бежать перестал. Задумался. Потом говорит:

— А пустыня в Москве есть?

— Пустыни в Москве нет, это же город.

— А юрты в Москве есть? — говорит Байрамчик.

Нет, юрт в Москве тоже нет. В доме придется жить. На двенадцатом этаже. Тетя Надя живет на двенадцатом этаже и весь город видит с балкона.

Мы уже на колодец пришли. Вокруг колодца юрты стоят.

— А колодец в Москве есть? — говорит Байрамчик.

Колодца в Москве нет, там водопровод.

Раз в Москве ничего нет, Байрамчик туда не поедет. Он никак не хочет ехать. Тетя Надя его уговаривает, а мама Байрамчика смеется.

— Возьмите лучше меня,— говорит кто-то.

Это папа Байрамчика говорит. Он пришел, а мы не заметили. Он пригнал ночевать своих барашков. Папа Байрамчика в Москву с удовольствием поедет, это его мечта. Если тетя Надя барашков пока попасет, он поедет. Барашков скоро стричь надо. Пусть тетя Надя стрижет. А папа Байрамчика будет сидеть на двенадцатом этаже, пить зеленый чай и смотреть с балкона. Он согласен.

— Не справлюсь,— смеется тетя Надя.

Она в библиотеке работает и барашков знает только по картинкам.

— А мы сейчас покажем,— говорит папа Байрамчика.

Они все у юрты лежат, можно смотреть.

— А верблюды лежат? — говорит Арина.

Тут мы вспомнили, зачем мы пришли.

— Молоко сейчас будет,— говорит мама Байрамчика.

Верблюды тоже пришли, их пора доить. Мама Байрамчика надела длинный фартук, ведро себе на шею повесила и идет доить.

— Мы хотели бы посмотреть,— говорит тетя Надя.

— Смотрите, пожалуйста,— разрешила мама Байрамчика.

Вон сколько барашков у юрты лежит! Я даже не думал, что столько. Как их только папа Байрамчика пригнал? Они всюду лежат. Тесно так! Дышат горячо и на нас смотрят. Чего мы им спать мешаем? Но нам просто нужно пройти. Как через барашков пройдешь? Некуда ногу поставить. Тетя Надя висит на одной ноге. А вторую — куда? Ну всюду эти барашки. И еще на нас блеют!

Наш Витя совсем не может идти. Он боится. Плачет уже. Барашки прямо на Витю смотрят, чего он плачет. Тычутся в Витю. Витя еще сильнее боится. Он так громко плачет.

Байрамчик самого младшего брата с себя ссадил и взял нашего Витю. Кряхтит, Витя тяжелый.

— Давай я понесу,— говорю я.

Я Витю еще никогда не носил. Как-то не приходилось. Но я его поднял. Только мы с ним сразу упали. Барашки так испугались, что Витя на них упал. Он же тяжелый! Барашки сразу вскочили — и от нас бегом. А мы с Витей лежим на песке и смеемся.

— А у меня вон что! — кричит Арина.

И показывает нам. Она маленького барашка прямо в руки взяла. Барашек весь черный, а на голове белая тюбетейка. Он тюбетейкой в Арину тыкает. Хочет, наверное, бодаться, а рогов нет.

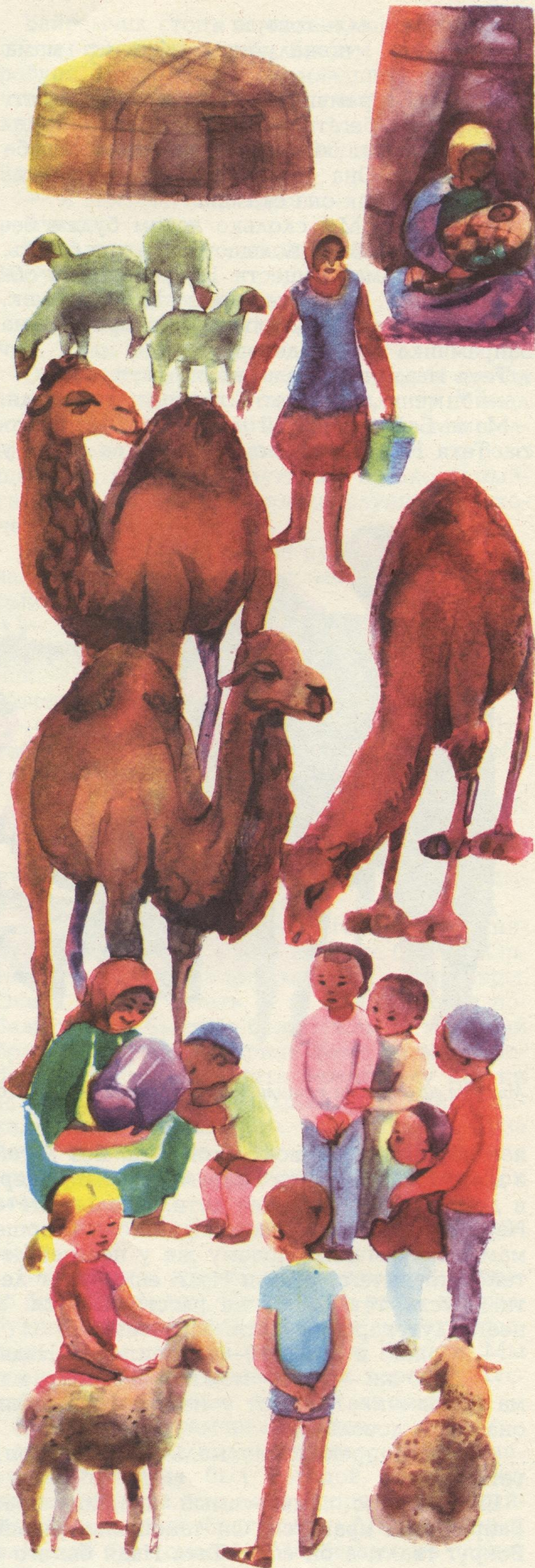
Наконец-то мы из этих барашков выбрались.

Вот и верблюды.

Они стоят и жуют. Некоторые лежат. И жуют. Свою колючку, наверное. Как они ее любят! Под верблюдами бегают желтые верблюжата. У них ноги такие тонкие! Носом в своих мам тычут. Верблюжата устали по пустыне ходить, ложатся уже. Головы своим мамам на шею кладут. Вот для чего маме-верблюду такая шея. Верблюжатам вместо подушки, очень удобно.

— Идите сюда! — кричит тетя Надя.

Мама Байрамчика стоит около своего верблюда, ведро у нее на шее висит, и верблюд прямо в ведро доится. Умный какой! Слышно, как молоко стукает. А верблюжонок подбежал сбоку и толкает ведро. Не хочет, что-

Он верблюжье молоко пил и стал сразу сильный, как верблюд.

бы его мама доилась. Байрамчик отогнал верблюжонка. Пусть не мешает.

Вдруг наш Витя заплакал. Он устал, вот почему он заплакал.

— Мы тебя в другой раз не возьмем,— рассердилась Арина.

— Возьмете,— сказал Витя.

— Не капризничай, тогда возьмем,— говорит тетя Надя.

— Буду капризничать,— говорит Витя.— Все равно возьмете.

Что нам делать, если Витя капризничает?

— Пусть попьет молока,— говорит мама Байрамчика.

Кто верблюжье молоко пьет, тот никогда не капризничает. Это такое молоко. У нее вон мальчики никогда не капризничают, потому что они каждый день пьют верблюжье молоко. Пусть Витя попробует.

Как Витя попробует? У нас чашки нет.

— Прямо из ведра,— говорит мама Байрамчика.

Она ведро наклонила, и Витя пьет. Засунул голову в ведро и чмокает. Это он так пробует! Все, наверное, выпьет.

Я никогда не пил из ведра. Из чашки всю жизнь пил, конечно. Из стакана пил. Кисель из кастрюли пил. Это все ерунда! Вот из ведра — это другое дело. И Арина из ведра не пила. Мы не капризничали, кто нам даст?

— Больше не лезет,— говорит Витя.

— Поплачь,— смеется мама Байрамчика.— Потом еще попьешь.

Нет, Витя плакать не будет. Чего ему плакать? Он верблюжье молоко пил и стал сразу сильный, как верблюд.

— Я говорила! — смеется мама Байрамчика.— Может, еще кто-нибудь хочет?

— На всякий пожарный случай,— смеется тетя Надя.

Мы все хотим. На всякий пожарный случай. Я, Арина, младший брат Байрамчика, еще один младший брат. Самый младший брат, который сидит на песке и сосет свою ногу. Сам Байрамчик и даже незнакомая девочка с четырьмя косичками.

— Пейте, пожалуйста,— говорит мама Байрамчика.

Мы все пьем. Из ведра. По очереди. И даже тетя Надя пьет.

Ах, какое мы пьем молоко! Густое. Немножко кислое. Чуть-чуть соленое, с пеной.

— Я еще могу,— говорит толстый Витя.

— Все,— смеется мама Байрамчика. Она перевернула ведро вверх дном.

— А пирожные? — вспомнила Арина.

Какие пирожные? А-а, пирожные. Ну, подумаешь, пирожные. Мы их завтра сделаем. Не сегодня, во всяком случае. Зато мы побывали в гостях у Байрамчика, он наш друг.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Безбилетные пассажиры

Однажды довелось мне лететь на стареньком грузовом тихоходе Ли-2. Познакомился с экипажем. Оказалось, что командир корабля вот уже четверть века работает на этой машине.

— Ну, а в опасные положения попадали? Бывали в полетах случаи исключительные?

— А как же! — ответил командир.— Совсем недавно спасли жизнь сразу пяти тысячам пассажиров. Дело было так. Мы подходили к Казани. Спрашиваем у земли разрешение на пролет в Кустанай. «Приказываем садиться! — отвечает земля.— В Кустанае метель». Тогда задаю вопрос: «Какая погода у вас в Казани?» А мне говорят: «Мороз. Тридцать градусов».

«Сесть не можем,— докладываю я,— пассажиры замерзнут». «Что у вас там за неженки?» — сердятся на земле. Отвечаю: «Пять тысяч утят... Маленьких, пушистых. Каждому двадцать четыре часа от роду...»

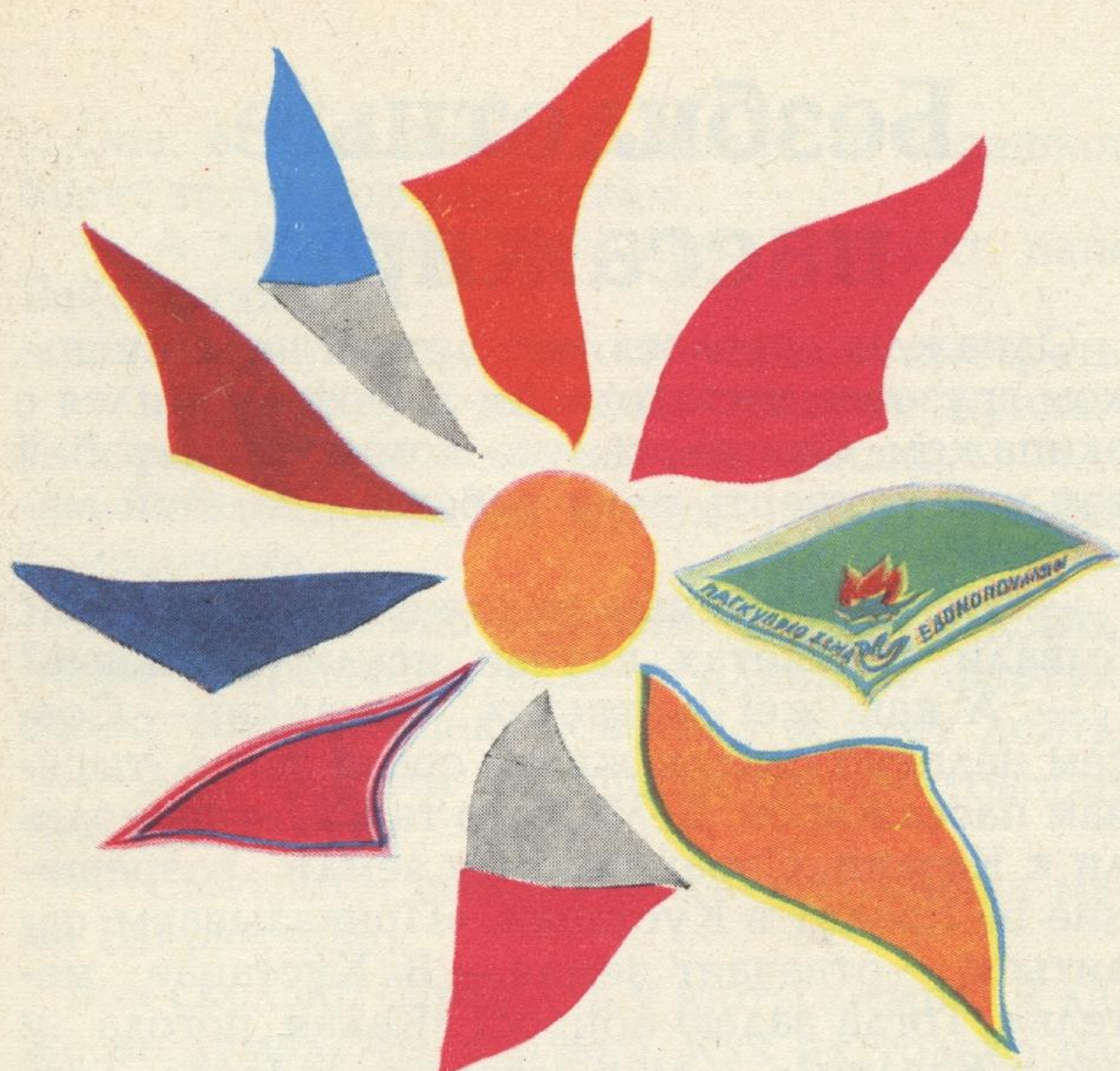
Целый час кружили мы над аэродромом, ждали, пока на земле приготовят для утят утепленные автомашины... Вытащили из самолета ящик — и сразу в кузов.

*

Веками люди завидовали птицам и поднялись в небо так высоко, что не достать их ни соколам, ни орлам. Однако очень скоро и пернатые забрались на десятикилометровые эшелоны. Первыми были утята, цыплята и даже племенные яйца, которые в количестве сорока тысяч штук были доставлены на самолете Ил-18 из Риги во Владивосток для новой инкубаторной станции. В Майкопе я наблюдал, как в самолеты грузили нарядные клетки с фазанами и перепелками, выращенными в заповедниках Азии. Их путь лежал в Москву, на ВДНХ. С комфортом прибыли из Алма-Аты на «Мосфильм» знаменитые степные соколы — участники съемок художественного фильма. Из Кишинева в рижский зоопарк самолеты привезли белых аистов, из Ленинграда в Мурманск — сто красивых волнистых попугаев для продажи в зоомагазине. Однажды в салон воздушного лайнера погрузили несколько сотен окольцованных журавлей и высадили их в Африке, в местах обычной зимовки. Ученые решили проверить, многие ли из них вернутся в «аэропорт отправки»...

Разумеется, пернатым путешественникам не выдают билетов. Однако в истории воздушных перевозок известен случай, когда общество любителей птиц во Франкфурте-на-Майне купило билет для... ласточки. Обессилев, птица отстала от стаи и была подобрана на испанском побережье. Благодаря авиации она смогла попасть на остров Майорку и присоединиться к сородичам.

Борис ОРЛОВ

К борьбе
за солидарность, мир
и дружбу
будьте готовы!

Всегда
готовы!

Zawsze
gotowy!

Immer
bereit!

Винаги
готови!

Altid
beredt!

Aina
valmiit!

Хэзээд
бэлхэн!

Международный пионерский клуб «Товарищ»

ОПЕРАЦИЯ 1001 ФРОМБОРК
OPERACJA 1001 FROMBORK

В сосновый лес недалеко от Фромборка я приехал ранним летним утром. Вставало солнце. Пели птицы — точь-в-точь, как у нас в Подмосковье. Вокруг стояли походные палатки — маленький брезентовый городок. На каждой — условные знаки из сосновых шишек, древесной коры, сухих веток. Над входом в палатки букеты полевых цветов.

Раздался сигнал горна «подъем», и в мгновение палаточный городок ожил, заговорил сотнями голосов. Из палаток, как из гороховых стручков, высыпали лесные жители.

Через полчаса колонны ребят с бело-красными галстуками на груди зашагали к небольшому городку с древними башнями. Я пошел вслед за ними...

На улицах города началась работа: у кого в руках мастерок, кто кирпичи укладывает, а кто ловко орудует лопатой. Не хотелось отвлекать ребят от дела, и я решил поговорить... с городом.

— Мое имя — Фромборк, — ответил город. — Я знаменит. Взгляните вот на эту башню. Почти пятьсот лет назад по каменным ее ступенькам поднимался Николай Коперник. Великий Коперник. Он наблюдал звездное небо в самодельный телескоп и сделал открытие, совершившее переворот в науке о Вселенной.

В моей истории были и тревожные времена. Эта старая башня слышала лязг гусениц гитлеровских танков. Танки и пушки разрушили мои дома.

Никогда не забуду, как Польша отмечала свое тысячелетие. Тысячу школ накануне юбилея построили в стране для ребят, а после праздника харцеры начали операцию «Фромборк-1001».

Шесть лет подряд приезжают ко мне ребята из Кракова и Познани, из Лодзи и Варшавы; они сажают деревья и цветы на моих улицах, строят дома, водопровод, пекарню, а те, кто не может приехать, зарабатывают «ко-

перники» — монеты в десять злотых с изображением великого ученого и перечисляют их на мой специальный счет. Да, чуть не забыл: в мои школы и детские сады харцеры посылают куклы, игры и книжки.

— Простите, уважаемый Фромборк, сколько же харцеров побывало у вас в гостях?

— В гостях — ни одного. А с мастерками и лопатами больше двадцати пяти тысяч.

— И много еще дел впереди?

— Много. В 1973 году весь мир будет отмечать пятисотлетие со дня рождения Коперника. И к этому времени вы не узнаете старого Фромборка. Впрочем, я ошибся: я буду выглядеть так же, как при Копернике, но мои дома станут красивее и наряднее. Это сделают мои друзья-харцеры.

Я древний город, но я горжусь, что одна из моих площадей названа площадью Харцерской славы.

На улицах города началась работа у кого в руках мастерок, кто кирпичи укладывает, а кто ловко орудует лопатой. У каждого харцерского отряда свой флаг.

…Приближался вечер. Замолкли ребячьи голоса на улице Коперника, на площади Харцерской славы. Отряды ушли в свой палаточный городок, чтобы завтра продолжать операцию «Фромборк-1001».

С. СЛАВИН

* * *

Каждый польский харцер («харцер» значит герой) носит на груди небольшой крест серого цвета. Харцерский крест имеет форму старого и самого высшего боевого ордена Польши — креста Виртути Милитари, только он немного поменьше. На горизонтальной перекладине креста — слово «Чувай!» — «Будь готов!» — боевой клич польских харцеров. В центре значка лилия — знак, помещаемый по морской традиции на Розе Ветров в корабельных компасах, помогающих определять правильное направление. Крест переплетен венком из лавровых и дубовых листьев — венком боевой и трудовой славы. Как видите, многие символы харцерского значка берут свое начало в древней истории Польши.

Харцерский крест — символ верности польских харцеров революционным традициям своего народа.

Борис ЗАХОДЕР рассказывает сказку
Льюиса КЭРРОЛЛА
АЛИСА
В СТРАНЕ ЧУДЕС
Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ГЛАВА VII,
в которой пьют чай как ненормальные

Возле дома под деревом был накрыт к чаю стол: Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась на стуле Садовая Соня — хорошенький маленький зверек вроде белочки. Она крепко спала. Шляпа и Заяц облокачивались на нее, как на подушку, и разговаривали через ее голову.

«Бедная Соня,— первым делом подумала Алиса, —ей, наверное, очень неудобно! Хотя, раз она так крепко спит, значит, не сердится».

Еще она заметила, что, хотя стол был очень большой и весь уставлен посудой, вся троица теснилась в уголке, на самом краю.

— Мест нет! Мест нет! — дружно закричали Заяц и Шляпа, как только заметили Алису.

— Места сколько хочешь! — возмутилась Алиса. И она уселась в свободное кресло на другом конце стола.

— Не выпьешь ли винца? — любезно предложил Заяц.

Алиса оглядела весь стол, но там ничего не было, кроме чайников и чайной посуды.

— Какого винца? Я его не вижу,— сказала она.

— Его тут и нет, —сообщил Заяц.

— Зачем предлагать? Это не очень-то вежливо! — сердито сказала Алиса.

— А зачем садиться за стол без приглашения? Это не очень-то вежливо! — откликнулся, как эхо, Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол,— объяснила Алиса.— Я думала, он накрыт для всех, а не для вас троих!

— Не мешало бы тебе постричься,— неожиданно сказал Шляпа.

Это были первые его слова, хотя все это время он рассматривал Алису с большим любопытством.

— Делать замечания незнакомым людям — это очень грубо! — наставительно сказала Алиса.— Так меня учили!

Шляпа сделал большие глаза — видимо, это замечание его сильно удивило. (Хорошенько подумав, его можно понять!) Однако в ответ он сказал вот что:

— Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

«Вот это совсем другой разговор! — подумала Алиса. — Загадки-то я люблю! Поиграем!»

— Кажется, сейчас отгадаю,— прибавила она вслух.

— Ты думаешь, что могла бы отыскать отгадку? — удивленно спросил Заяц.

— Конечно,— сказала Алиса.

— Так бы и сказала! — укоризненно сказал Заяц.— Надо говорить то, что думаешь!

— Я всегда так и делаю! — выпалила Алиса, а потом, чуточку подумав, честно прибавила:— Ну, во всяком случае... Во всяком случае, что я говорю, то и думаю. В общем, это ведь одно и то же!

— Ничего себе! — сказал Шляпа. — Ты бы еще сказала: «я вижу все, что ем» и «я ем все, что вижу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала,— подхватил Заяц,— «я учу то, чего не знаю» и «я знаю то, чего не учу» — это тоже одно и то же.

— Ты бы еще сказала, — неожиданно откликнулась Соня, не открывая глаз:— «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» — это тоже одно и то же...

— Ну, для тебя-то это одно и то же,— сказал Шляпа, и на этом беседа оборвалась.

Пока все молчали, Алиса лихорадочно пыталась вспомнить все, что ей было известно про пуганых ворон и письменные столы. Сведений у нее, увы, было не так много.

Шляпа тем временем достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул.

Он первым нарушил молчание.

— Какое сегодня число? — обратился он к Алисе.

Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала:

— Четвертое мая!

— Врут на два дня,— вздохнул Шляпа.— Говорил я тебе: нельзя их смазывать сливочным маслом! — добавил он, сердито глядя на Зайца.

— Да ведь... да ведь... масло было высшего сорта! — неуверенно возразил Заяц.

— Ну и что? Все равно туда могли попасть крошки! — продолжал ворчать Шляпа.— Незачем было мазать такой механизм хлебным ножом!

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул их в свою чашку. Потом он достал их оттуда и снова внимательно осмотрел. Так как починить часы ему, видимо, не удалось и ничего нового не пришло ему в голову, он повторил свои прежние слова:

— Видите ли, масло самого высшего сорта!

— Какие у вас странные часы,— сказала Алиса, с большим интересом наблюдавшая за манипуляциями Зайца. — Показывают число, а который час — не показывают!

— А с какой стати?— буркнул Шляпа.— Разве часы обязаны все показывать? У тебя часы показывают, какой год?

— Конечно, нет,— с полной готовностью ответила Алиса. — Но ведь год так долго стоит на месте, целый год!

— Именно так дело с ними и обстоит! — заявил Шляпа, и это заявление совсем сбило

бедную Алису с толку. Как она ни пыталась, она не могла отыскать в нем ни тени смысла, хотя все слова ей были совершенно понятны.

— Я вас не совсем поняла,— сказала она со всей возможной при таких обстоятельствах вежливостью.

— Соня опять заснула,— ответил Шляпа и плеснул Соне на нос чай.

Соня недовольно затрясла головой и пробормотала:

— Конечно, конечно, я сама именно это хотела сказать!

— Так ты отгадала загадку? — спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе.

— Нет, сдаюсь,— сказала Алиса.— А какой ответ?

— Понятия не имею,— сказал Шляпа.

— А я тем более,— поддержал Заяц.

Алиса тяжело вздохнула.

— Как вам не стыдно? Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадывать загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого,— сказала она разочарованно.

— Если бы ты знала Время, как я его знаю,— сказал Шляпа,— ты не говорила бы о нем в среднем роде. Оно не оно, а он. Старик Время!

— Никогда бы не подумала,— сказала Алиса.

— Понятно! — фыркнул Шляпа. — Ты о нем вообще, наверно, в жизни не думала!

— Нет, почему,— осторожно начала Алиса,— иногда, особенно на уроках музыки, я думала: хорошо бы получше провести время...

— Все понятно! — с торжеством сказал Шляпа.— Провести время. Ишь чего захотела! Его не проведешь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться — вот тогда бы твое дело было в шляпе! Старик бы для тебя что хочешь сделал! Возьми часы: предположим, сейчас девять часов утра, пора садиться за уроки, а ты бы только шепнула ему словечко — и пожалуйста, стрелки так и завертелись. Жжжжжжжжжж!.. Готово дело: полвторого, пора обедать!

— Ой, как бы хорошо было! — чуть слышно прошептал Заяц.

— Да, конечно, это было бы здорово!.. — протянула в раздумье Алиса. — Но только... ведь у меня бы тогда еще не было аппетита.

— Разве что на первых порах,— сказал Шляпа,— но ведь ты могла сколько хочешь подождать!

— А вот вы... вы все это можете? — спросила Алиса.

Шляпа уныло покачал головой.

— Ох-хо! — ответил он.— Мы со стариком поссорились! Недавно, в марте — как раз когда **этот** (он показал своей ложкой на Зайца) сбрендил. Понимаешь, у Червонной Королевы был прием, и в концерте я должен был петь романс. Этот, известный:

Крокодильчики мои,
Цветики речные,
Что глядите на меня,
Прямо, как родные?

— Припоминаешь?

— Я что-то похожее слышала,— сказала Алиса.

— Ну как же? Дальше там, помнишь,— продолжал Шляпа,—

Это кем хрустите вы
В день веселый мая?
Средь нескушанной травы
Головой качая!

Тут Соня встрепенулась и запела сквозь сон:

— ...Чая!.. Чая!.. Чая!..

Пела она до тех пор, пока не догадались ее ущипнуть. Тогда она замолчала.

— И представляешь, не успел я спеть первый куплет,— снова заговорил Шляпа,— Королева завопила: «Он у нас только время отнимает! Отрубить ему голову»!

— Какое ужасное зверство! — воскликнула Алиса.

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул их в свою чашку.

— А самое ужасное,— продолжал Шляпа трагическим тоном,— что старик почему-то обиделся! Теперь он меня знать не желает. И с тех пор у нас всегда шесть часов.

Тут Алису осенило. Она вдруг поняла.

— Ах, так вот почему у вас тут так много чайной посуды накопилось! — воскликнула она.

— Именно, именно,— сказал Шляпа со вздохом.— У нас всегда время только пить чай! Даже нет времени помыть все эти штуки.

— Значит, вам приходится все время пересаживаться, да? — спросила Алиса.

— Именно, именно,— сказал Шляпа,— по мере использования посуды.

— Ой! А что же будет, когда вы опять дойдете до начала? — не удержалась Алиса.

— Не пора ли переменить тему? — вмешался Заяц, зевая. — Мне все это уже порядком надоело! Предлагаю, чтобы наша юная гостья рассказала нам интересную сказку.

— Ой, лучше не надо! — испугалась Алиса. — Я ни одной как следует не знаю.

— Ну, тогда пускай Соня расскажет! — закричали Шляпа и Заяц. — Соня, хватит спать! Проснись!

И оба ущипнули ее. Соня с трудом открыла глаза.

— Что вы, ребята, я и не думала спать, — сказала она осипшим спросонья голосом. — Я слышала все, о чем вы тут говорили.

— Расскажи нам сказку! — скомандовал Заяц.

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляла Алиса.

— И поторапливайся, — добавил Шляпа, — а то опять уснешь, не добравшись до конца!

— В некотором царстве, в некотором государстве, — скороговоркой начала Соня, — жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

— А что же они там ели и пили? — спросила Алиса, которую всегда чрезвычайно интересовали вопросы питания.

Соня долго думала — наверно, целую минуту, а потом сказала:

— Сироп.

— Что вы! Этого не может быть, — робко запротестовала Алиса, — они бы заболели.

— Так и было, — сказала Соня, — заболели да еще как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: бедные сиротки!

Алиса попыталась себе представить, что ей самой вдруг пришлось бы вести такую странную жизнь. Но у нее что-то ничего не получалось, тогда она возобновила расспросы:

— А зачем они поселились в колодце, да еще на самом дне?

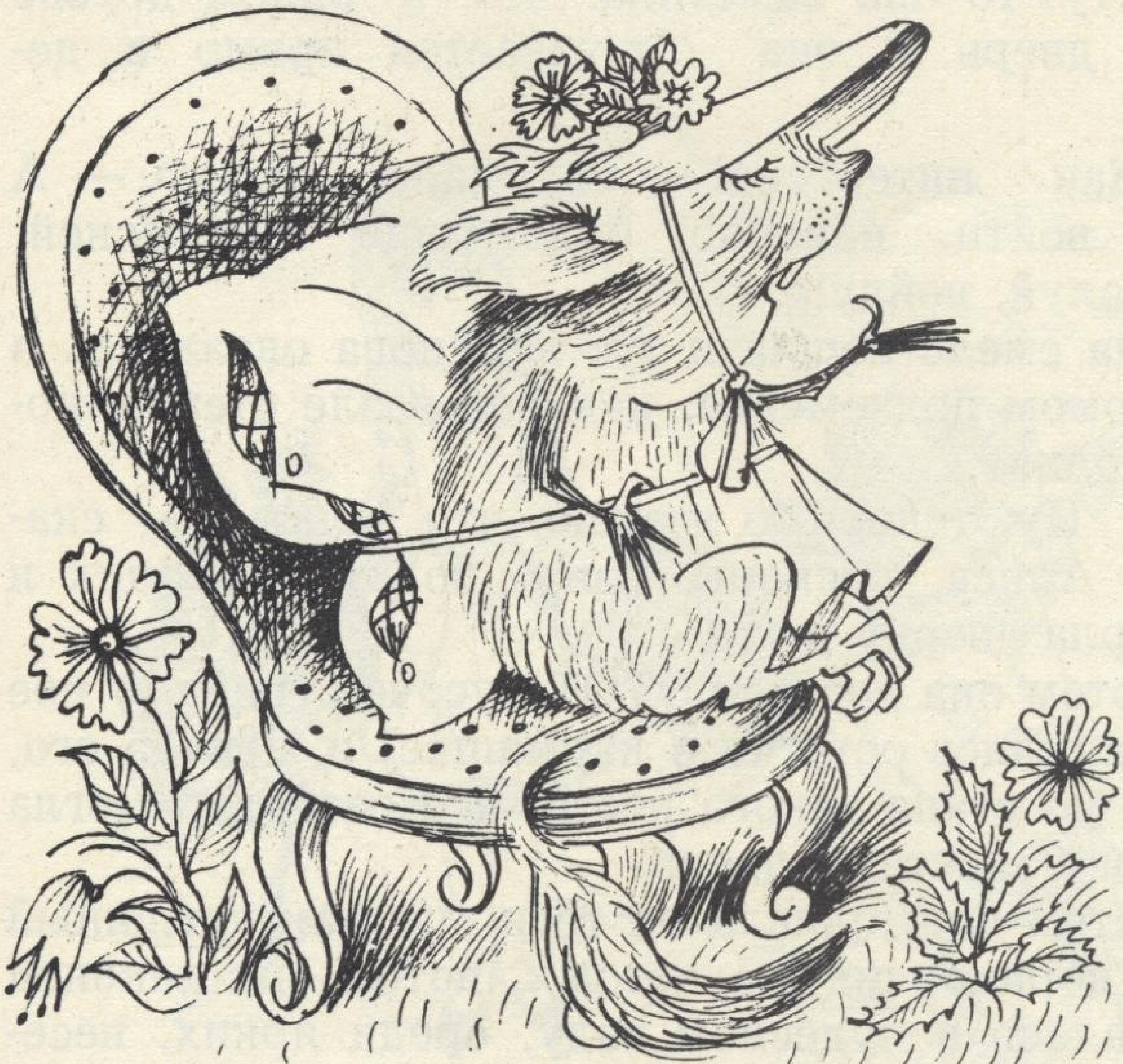
— Почему ты не пьешь больше чаю? — спросил Заяц заботливо.

— Как это я могу пить «больше»? — обиделась Алиса. — Я вообще ничего тут не пила.

Элси, Лэси и Тилли жили в колодце на самом дне.

— В некотором царстве, в некотором государстве, — скороговоркой начала Соня, — жили-были три сестрички, три бедных сиротки.

— Тем более! — сказал Шляпа. — Выпить больше чем ничего — легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше чем ничего — это был бы фокус!

— А вас никто не спрашивает! — выпалила Алиса.

— Так-с! Кто теперь делает замечания малознакомым людям? — победоносно сказал Шляпа.

Уничтожающий ответ что-то долго не приходил Алисе в голову. Так что она просто-напросто намазала себе бутерброд, налила чаю, а спустя некоторое время, обернувшись к Соне, повторила свой вопрос:

— Так зачем же они поселились на дне колодца?

Соня опять долго думала — во всяком случае, долго молчала, — а потом сказала:

— Потому что там было повидло!

— Какое повидло? — возмутилась Алиса. — Вы говорили, там был...

Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на нее, а Соня надулась и сказала:

— Не умеешь прилично вести себя, тогда досказывай сама.

— Ой, простите, пожалуйста,— взмолилась Алиса,— пожалуйста, рассказывайте, я вас больше ни разу не перебью! Вы говорили, там что-то было...— напомнила она.

— Мало ли что там было,— сказал Заяц.— Что было, то сплыло!

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — сказал Шляпа.

В его устах это заявление было, кажется, особенно неуместно!

— Так вот,— наконец возобновила свой рассказ Соня,— они таскали мармелад оттуда...

— Откуда мармелад? — начала было Алиса, забыв о своем обещании, и тут же осеклась. Но Соня, казалось, ничего не заметила.

— Это был мармеладный колодец,— объяснила она.

— Мне нужна чистая чашка,— прервал ее Шляпа.— Давайте подвинемся!

Он тут же пересел на соседний стул; Соня села на его место, Заяц — на место Сони, а Алиса без особой охоты пересела на стул Зайца.

Алиса увидела только, что они пытаются запихнуть Соню в чайник.

От всех этих перемещений выиграл только Шляпа, а Алиса, наоборот, сильно прогадала, так как Заяц только что опрокинул молочник.

— Я не понимаю,— очень робко, боясь опять рассердить Соню, начала Алиса,— как же они таскали мармелад?

— Из обыкновенного колодца таскают воду,— сказал Шляпа,— а из мармеладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что, совсем дурочка?

— Я говорю, как они могли таскать мармелад оттуда? Ведь они там жили,—сказала Алиса, решив пропустить мимо ушей последние слова Шляпы.

— Не только жили! — сказала Соня.— Они жили-были!

Этот ответ настолько ошеломил бедную Алису, что она позволила Соне некоторое время продолжать рассказ без вынужденных остановок. Это было весьма кстати, так как рассказчица отчаянно зевала и усиленно терла глаза.

— Так вот,— продолжала Соня,— этот самый мармелад они ели или пили — делали, что хотели...

Тут Алиса опять не выдержала.

— Как же это они пили мармелад?! — закричала она.— Этого не может быть!

— А кто сказал, что они пили? — спросила Соня.

— Как кто? Вы сами сказали.

— Я сказала, они его ели! — ответила Соня.— Ели и лепили! Лепили из него все, что хотели, все, что начинается на букву «М»,— продолжала она, позевывая.

— Почему на букву «М»? — только и могла спросить Алиса.

— А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад на «М», — мелькнуло у нее в голове.

Соня к этому времени успела закрыть глаза и основательно задремать, но Шляпа снова ущипнул ее, и она с легким писком пробудилась и продолжала рассказ:

— ...на букву «М» — мышеловки, и морковки, и мартышек, и мальчишек, и мнения, и менее, и даже мурашки. Ты видала мурашки хотя бы на картинках?

— Кажется, да,— начала Алиса неуверенно,— хотя, не знаю...

— А не знаешь, так помалкивай в тряпочку,— перебил ее Шляпа.

Алиса вынесла за этот день немало грубостей, но это было уж слишком! Не сказав ни слова, она, возмущенная до предела, встала и гордо удалилась.

На хозяев ее уход не произвел, увы, особого впечатления; Соня немедленно заснула, а остальные двое, по всей видимости, вообще ничего не заметили, хотя Алиса несколько раз оборачивалась, втайне надеясь, что они одумаются и будут упрашивать ее вернуться. Но, обернувшись напоследок, она увидела только, что они пытаются запихнуть Соню в чайник.

— Ни за что на свете сюда больше не вернусь! — повторяла Алиса, пробираясь между деревьями.— Ни за какие коврижки! Никогда с такими дураками чаю не пила.

И тут-то она заметила, что в одном дереве есть дверь и она открывается прямо в дерево.

«Как интересно! — подумала Алиса.— А если войти, наверно, будет еще интересней. Пожалуй, войду!»

Она смело вошла и тут же снова оказалась в знакомом подземелье, как раз возле стеклянного столика.

— Ну, теперь-то я знаю, что делать! — сказала Алиса, поскорее взяла золотой ключик и отперла дверцу в сад.

Потом она достала ЭТОТ кусочек гриба (у нее сохранились остатки в кармашке) и жевала его, пока не стала такого роста, что свободно могла войти в заветную дверь.

Потом она прошла по тесному, как крысиный лаз, коридорчику, а потом... потом она наконец оказалась в чудесном саду, среди ярких, веселых цветов и прохладных фонтанов.

ГЛАВА VIII, в которой играют в крокет у Королевы

У самого входа в сад рос высокий цветущий розовый куст. Розы на нем были белые, но возле куста суетились трое садовников и деловито красили их красной краской. Алиса не поверила своим глазам и решила подойти поближе, надеясь понять, что же там такое творится на самом деле.

— Эй, ты, Шестерка, осторожнее! Ты меня опять всего краской обляпал! — услышала она еще издалека.

— А что я сделаю, — мрачно отвечал Шестерка, — меня вон Семерка под руку толкает!

Семерка покосился на него и сказал:

— Молодец ты у нас! Правильно делаешь! Всегда вали с больной головы на здоровую!

— Насчет головы ты бы лучше помалкивал, — сказал Шестерка. — Я сам слыхал, Королева вчера говорила: по твоей голове давно топор плачет!

— А за что? — спросил первый садовник, тот, который начал разговор.

— Тебе-то, Двойка, какое дело? — сказал Семерка. —Тебя уж это никак не касается!

— Нет, это всех касается, — сказал Шестерка. — Зачем правду скрывать? Не ты, что ли, принес на господскую кухню хрен заместо редьки?

Семерка бросил свою кисть на землю и только было начал:

— Ну, знаешь, слыхал я напраслину, но такой... — Вдруг его взгляд упал на Алису, которая стояла рядом и внимательно их слушала.

Он тут же замолчал; остальные тоже оглянулись на нее, и вся троица низко поклонилась.

— Скажите, пожалуйста, — несмело начала Алиса, — а почему вы красите эти розы?

Шестерка с Семеркой переглянулись и, как по команде, поглядели на Двойку.

— Тут, барышня, такая история вышла, — понизив голос, начал Двойка. — Велено нам было посадить розы, тут полагаются у нас красные, а мы, значит, маху дали — белые выросли. Понятное дело, если про это ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО проведают — пропали, значит, тогда наши головушки. Вот мы, это, и стараемся, значит, грех свой прикрыть, пока она не пришла, а то...

В это время Шестерка, то и дело тревожно озиравшийся, закричал:

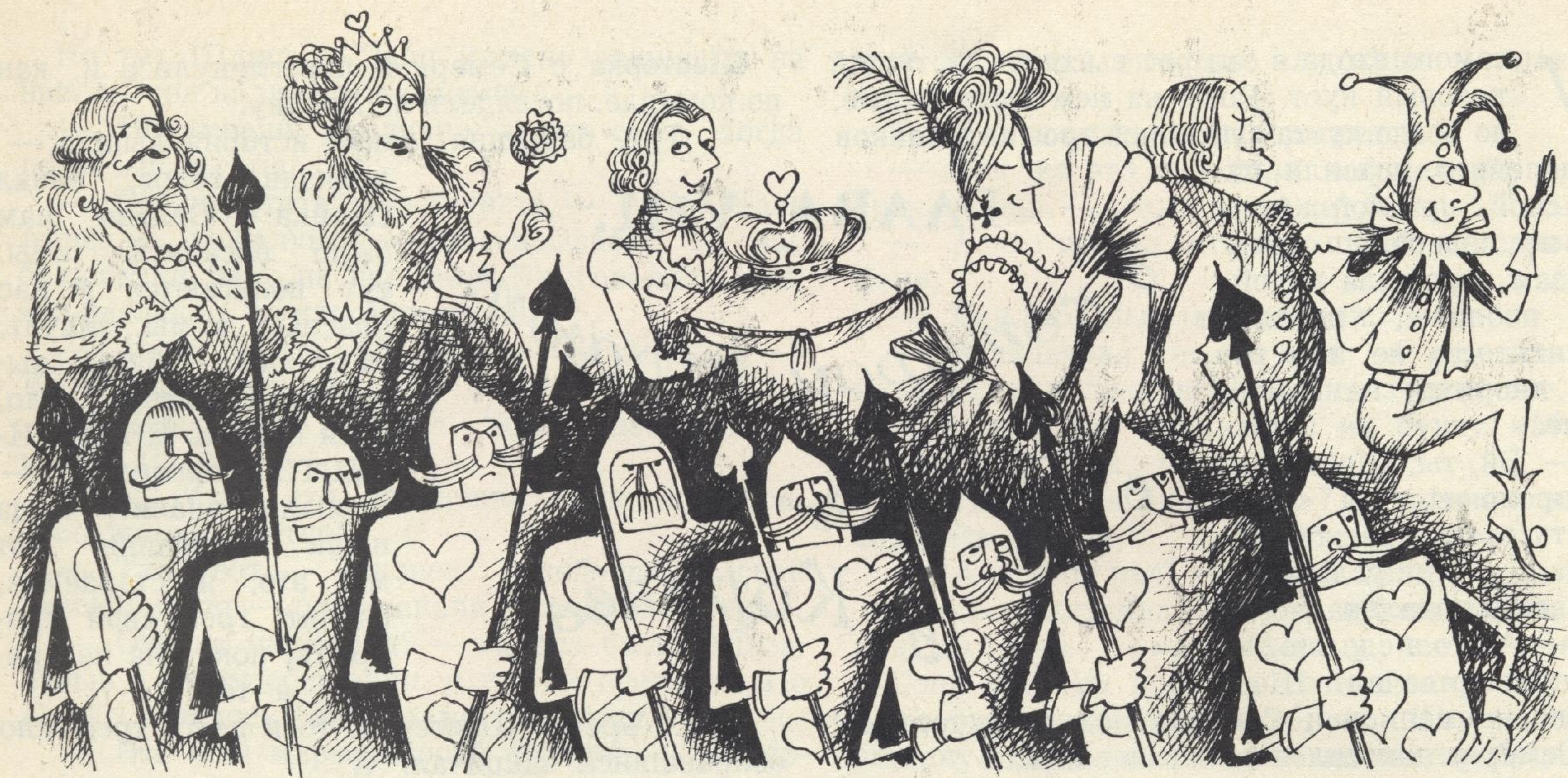
— Королева! Королева! — и все трое пали ниц, то есть повалились на землю лицом вниз. Послышался мерный топот большой процессии, и Алиса тоже оглянулась: ей, конечно, ужасно захотелось поглядеть на Королеву.

Вскоре показалось шествие. Впереди по двое маршировали десять солдат с пиками; все они были очень похожи на садовников — такие же плоские и прямоугольные, руки и ноги у них росли по углам. За ними, тоже парами, шли придворные в пышных одеяниях; среди них было видно немало тузов, были и шуты с бубенчиками, но все выступали прямо-таки козырем; за ними вприпрыжку бежали, резвясь (но тоже парами) малютки принцы и принцессы в костюмах, расшитых червонным золотом; далее следовали гости — все больше Короли и Дамы разных мастей, среди них Алиса узнала Белого Кролика, хотя его было просто не узнать: он улыбался всем и каждому, суетился и что-то без умолку тараторил; Алису Кролик не заметил.

Далее шел Червонный Валет — он нес на алой

— Скажите, пожалуйста, а почему вы красите эти розы?

И процессия двинулась дальше, за исключением трех солдат, оставшихся, чтобы выполнить королевский приказ.

бархатной подушке королевскую корону, и, наконец, замыкали это грандиозное шествие Червонный Король и ЧЕРВОННАЯ КОРОЛЕВА.

У Алисы возникли некоторые сомнения: не нужно ли и ей по примеру садовников пасть ниц; но что-то никаких таких правил поведения во время шествий вспомнить она не могла.

«Да и вообще,— подумала она,— кому тогда будут нужны шествия, если все кругом будут лежать лицом вниз и ничего не увидят».

И она решила просто постоять на месте.

Когда процессия поравнялась с ней, все вдруг остановились и с любопытством поглядели на Алису.

— Кто такая? — сердито спросила Королева у Червонного Валета. Валет вместо ответа поклонился и улыбнулся.

— Болван! — бросила Королева, нетерпеливо тряхнув головой.

— Твое имя, девочка? — обратилась она к Алисе.

— Алиса, с позволения Вашего Величества! — весьма учтиво отвечала Алиса, а про себя сказала: «Подумаешь! Какая-то карточная королева! Нечего ее бояться!»

— А это кто такие? — спросила Королева, подбородком указав на трех садовников, которые все так и валялись под кустом. Ведь, как вы помните, они лежали лицевой стороной вниз, а рисунок рубашки был у них один и тот же — как и у всей колоды! — и, значит, Королева не могла сейчас их отличить ни от Придворных Тузов, ни даже от своих собственных детей — Принцев и Принцесс.

— Откуда я знаю! — в тон Королеве ответила Алиса, в душе удивляясь собственной отваге. — Это не мое дело!

Королева побагровела от ярости; несколько секунд она, не в силах выговорить ни слова, только бросала на Алису испепеляющие взгляды, а потом завизжала во все горло:

— Отрубить ей голову! Отрубить ей!

— Глупости! — очень громко и решительно ответила Алиса, и Королева прикусила язычок.

Король робко взял ее за руку и сказал:

— Одумайся, дорогая, это ведь просто маленькая девочка!

Королева с раздражением отвернулась от него.

— Перевернуть их! — приказала она Валету.

Валет осторожно, носком ноги, перевернул лежавших.

— Встать! — пронзительным голосом приказала Королева.

Садовники немедленно вскочили и принялись кланяться Королю, Королеве, Принцам, Принцессам, вообще всем и каждому.

— Прекратить поклоны! — завизжала Королева. — У меня голова кружится!

Тут ее взгляд упал на розовый куст.

— Отвечайте, что вы тут делали? — спросила она.

— С дозволения Вашего Величества,— начал Двойка смиренно, опустившись на колени,— мы, значит, старались...

— Ясно! — закричала Королева, которая в это время внимательно рассматривала розы. — Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, за исключением трех солдат, оставшихся, чтобы выполнить королевский приказ.

Злосчастные садовники кинулись, умоляя о спасении, к кому бы вы думали? Да, да, именно к Алисе!

— Никто вас не тронет! — сказала Алиса. Она легко подняла всех троих и посадила их в большую цветочную вазу, стоявшую поблизости.

Солдаты поискали, поискали обреченных и, никого не обнаружив, преспокойно вернулись на свои места в первых рядах процессии.

— Покончили с ними? — крикнула солдатам Королева.

— Так точно! И следа не осталось, Ваше Величество! — как один человек, гаркнули бравые солдаты.

— Молодцы! — крикнула Королева. — В крокет играть умеем?

Так как солдаты молчали и дружно уставились на Алису, вопрос Ее Величества, видимо, относился к ней.

— Умеем! — откликнулась Алиса.

— Тогда пошли! — рявкнула Королева.

И Алиса тоже присоединилась к шествию и, шагая среди гостей, с большим интересом ожидала дальнейшего развития событий.

— Чудесный... Чудесный денек сегодня, не правда ли? — произнес чей-то робкий голосок.

Алиса обернулась: рядом с ней трусил Белый Кролик, заискивающе заглядывая ей в лицо.

— Очень чудесный, — согласилась Алиса. — А где же Герцогиня?

— Тсс! Тсс! — зашикал на нее Кролик. Он испуганно, тревожно оглянулся кругом, а потом, поднявшись на цыпочки, прошептал ей в самое ухо:

— Приговорена к смертной казни!

— Как так? — удивилась Алиса.

— Вы сказали «как жаль»? — испуганно переспросил Кролик.

— Да нет, — сказала Алиса, — особенно жалеть не о чем. Я хотела сказать: «За что?»

— Она дала Королеве по уху, — начал Кролик.

Алиса так и прыснула.

— Тише! — снова опасливо шикнул на нее Кролик. — Королева может услышать! Понимаете, она опоздала, а Королева сказала...

— По местам! — раздался громовой голос Королевы, и все начали, как безумные, носиться взад и вперед, поминутно натыкаясь друг на друга и кувыркаясь.

Тем не менее не прошло и пяти минут, как все оказались на своих местах и игра началась.

«Ну и ну, — подумала Алиса вскоре, — они как-то странно играют тут в крокет!»

Действительно, площадка была вся в буграх и рытвинах, кочках и ямках, вместо шаров были живые ежи, вместо молотков — живые фламинго, а солдаты, встав на четвереньки и изогнувшись дугой, выполняли обязанности крокетных ворот.

Алисе всего труднее давалось искусство управляться со своими фламинго; ей, правда, удалось довольно удобно взять птицу под мышку, так, чтобы длинные ноги не мешали, но едва она успевала аккуратно выпрямить фламингину шею и собиралась стукнуть его носом в шар (то бишь ежика), как он обязательно оборачивался и заглядывал ей в глаза с таким забавным удивлением, что ей оставалось только покатиться со смеху.

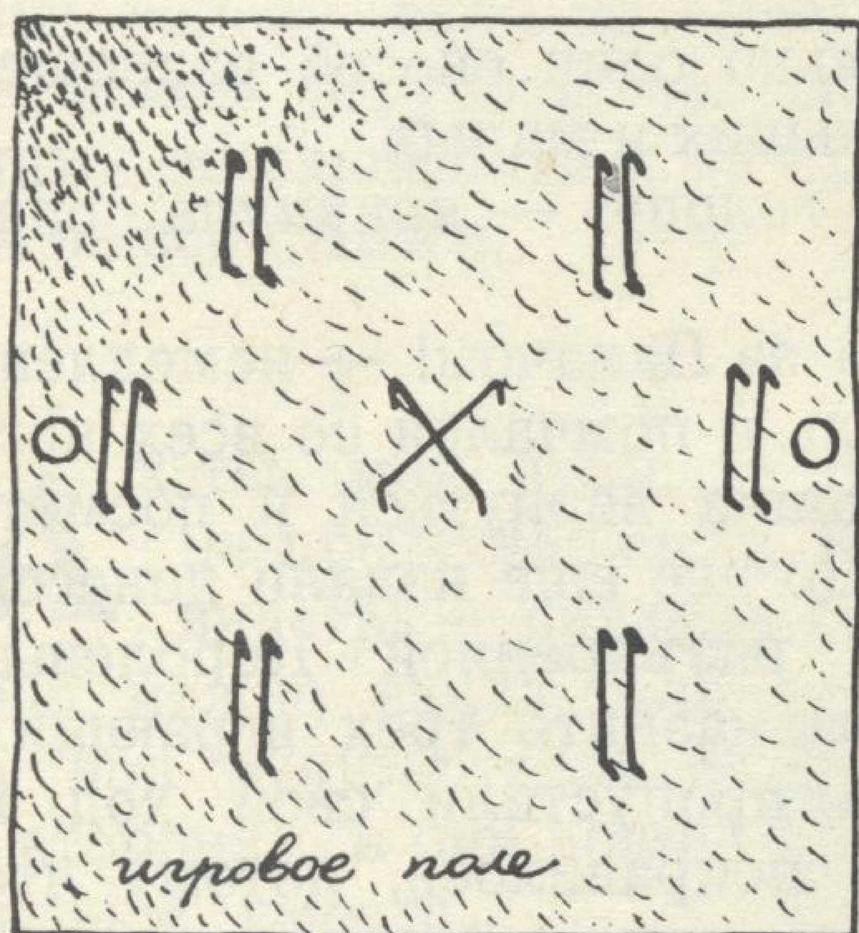
Алисе всего труднее доставалось искусство управляться со своим фламинго.

С большим трудом она умудрялась заставить фламинго снова опустить голову, но тут оказывалось, что ежик уже развернулся и удрал; это было уж вот до чего обидно!

Мало того, обычно как раз там, куда она собиралась направить ежа, был на дороге бугор или ямка.

И сверх всего этого солдаты, служившие воротами, то и дело поднимались и разгуливали по площадке, чтобы поразмяться.

Словом, можно согласиться с Алисой: играть в крокет здесь было трудновато!

Если вам не приходилось играть в крокет, мне вас очень жаль! Это очень, очень веселая летняя игра! Мне особенно нравится, что можно просто выиграть, а можно стать РАЗБОЙНИКОМ и сбивать чужие шары с позиций. (Кому очень захочется узнать как по настоящему играют в крокет - пусть напишет нам и мы тогда напечатаем правила игры.)

Игроки били по шарам все сразу, никто не соблюдал очереди хода, зато все непрерывно скандалили и спорили, а то и прямо дрались изза ежей; игра только началась, а Королева была уже в безумной ярости и вопила: «Отрубить ему голову!» (или «Отрубить ей голову!») — не реже чем ежеминутно.

Алиса порядком струхнула; правда, пока что она ни разу не навлекала на себя гнева Ее Величества, но была уверена, что взрыв не заставит себя долго ждать.

«А что же тогда со мной будет? — думала она. — Ведь это ужас, как они тут любят рубить людям головы; прямо чудо, что кто-то из них еще в живых остался!»

Она начала подумывать, как бы незаметно улизнуть подобру-поздорову. И, осматриваясь, она вдруг заметила в воздухе какое-то странное явление. Сначала Алиса не могла понять, что это такое, но, понаблюдав некоторое время, догадалась, что это просто улыбка.

Тут она заметила, что Королева стоит за ее спиной и внимательно прислушивается.

«Ура! — подумала. — Это Чеширский Кот; теперь хоть будет с кем поговорить».

— Ну, как успехи? — спросил Чеширский Кот, как только рот его достаточно проявился, чтобы говорить.

Алиса обождала, пока появятся глаза, и тогда молча кивнула.

«Говорить с ним еще рано, — думала она, — надо подождать ушей. Или хоть одного уха».

Не прошло и минуты, как голова появилась целиком; Алиса поставила своего фламинго на землю и очень довольная, что наконец нашла слушателя, приступила к отчету о ходе игры.

Кот, по-видимому, решил, что проявил себя достаточно, и на этом остановился: остальные его части так и не появились.

— По-моему, они вообще неправильно играют, — начала Алиса довольно жалобным тоном, — и они все так жутко ссорятся, что сама себя не слышишь; и они, наверно, никаких правил не знают, а если и знают, то не выполняют! И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые! Например, я должна была пройти эти ворота, а они вон где, видите, на том конце площадки! А вот сейчас я могла крокировать королевиного ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...

— Как тебе нравится Королева? — понизив голос, спросил Кот.

— Никак не нравится! — сказала Алиса. — Она так ужасно...

Тут она заметила, что Королева стоит за ее спиной и внимательно прислушивается, и продолжала так:

— ...сильно играет, что прямо хоть сразу сдавайся!

Королева польщенно улыбнулась и прошла мимо.

— С кем ты говоришь, девочка? — спросил Король. Он незаметно подошел к Алисе и разглядывал Кота с большим интересом.

— Это мой друг, Чеширский Кот, — сказала Алиса, — разрешите вас познакомить.

— У него нерасполагающая внешность, — сказал Король, — впрочем, он может поцеловать мне руку, если хочет.

— Спасибо, обойдусь, — сказал Чеширский Кот.

— Не говори дерзостей, — сказал Король. — И не смотри на меня так! — закричал он и спрятался за спину Алисы.

— А кошкам разрешается смотреть на королей, — сказала Алиса. — Я читала об этом в одной книжке, только не помню в какой.

— Все равно этого надо убрать! — сказал убежденно Король и закричал проходившей неподалеку Королеве: — Дорогая, я просил бы, чтобы ты приказала убрать этого кота.

Королева знала только один способ разрешения всех проблем, больших и малых.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не обернувшись.

— Я лично сбегаю за Палачом! — немедленно откликнулся Король и помчался со всех ног.

Алиса все-таки решила вернуться и посмотреть, как идет игра. До нее еще издали донесся голос, вернее, визг разъяренной Королевы. Королева приказывала казнить трех играющих сразу за то, что они пропустили свой ход, и Алисе это крайне не понравилось, потому что игра так запуталась, что сама Алиса давно не имела никакого понятия о том, когда ее ход. Она поскорее отправилась на поиски своего ежика, а когда она его наконец разыскала, он как раз вступал в сражение с каким-то другим ежом. Алиса обрадовалась такой блестящей возможности крокировать хоть одного ежа, но затруднение было в том, что ее фламинго тем временем удалился в другой конец сада и там — Алиса видела — как раз делал беспомощные попытки взлететь на дерево.

Когда же она изловила фламинго и притащила его на место, сражение уже кончилось и оба его участника скрылись.

— Она в тюрьме,— сказала Королева Палачу.— Доставьте ее сюда!

«Ну ладно, не беда, — подумала Алиса, — все равно и ворота все поразбежались».

Она устроила фламинго у себя под мышкой поудобнее, чтобы он опять не удрал, и отправилась продолжать беседу с Котом.

К ее удивлению, там собралась целая толпа народу. Между Палачом, Королем и Королевой шел жаркий спор; все трое говорили одновременно и все трое громко; зато все остальные подавленно молчали.

Едва показалась Алиса, как трое спорщиков бросились к ней и потребовали, чтобы она рассудила их спор. Они дружно принялись повторять ей свои доводы, но так как они по-прежнему говорили все сразу, ей было нелегко понять, кто что утверждает.

Кажется, Палач утверждал, что нельзя отрубить голову, если не имеется тела, от которого ее можно отрубить, что он никогда такими вещами не занимался и на старости лет заниматься не собирается!

Король утверждал, что лишь бы была голова, а отрубить ее можно, и нечего болтать чепуху!

А Королева утверждала, что если все не будет исполнено сию секунду и даже значительно раньше, она велит отрубить головы всем без исключения!

(Именно это последнее заявление и привело всех присутствующих в такое похоронное настроение.)

— Ведь он Герцогинин, — сказала Алиса, — вы бы лучше спросили у нее! — Это было все, что пришло ей в голову.

— Она в тюрьме, — сказала Королева Палачу. — Доставить ее сюда!

Палач полетел стрелой.

Но в ту же минуту голова Кота начала бледнеть и таять, а к тому времени, как Палач возвратился с Герцогиней, исчезла совсем.

Король и Палач, как угорелые, кинулись искать Кота, а все остальные возобновили игру.

● ●

ГЛАВА IX, из которой мы узнаем историю Деликатеса

Ах ты, моя душечка-дорогушечка, ты себе не представляешь, как я рада снова тебя видеть! — сказала Герцогиня с чувством. Она нежно взяла Алису под руку, отвела ее в сторонку, и они пошли дальше вместе.

Алиса была тоже очень рада видеть Герцогиню в таком милом настроении и подумала, что, наверно, это от перца в кухне та была такая злющая.

«Когда я стану Герцогиней, — сказала она себе (правда, без особой уверенности), — у меня на кухне вообще не будет перцу! Зачем он нужен? Суп и так можно есть! Ой, вообще, наверно, это от перцу люди делаются вспыльчивые, — продолжала она, очень довольная, что сама обнаружила вроде как новый закон природы, — а от уксуса делаются кислые... а от хрена — сердитые... а от... а от... а вот от конфет-то дети становятся — ну, прямо прелесть! Потому их все так и любят! Вот хорошо бы, все это узнали, тогда бы не ворчали так из-за этого, а, наоборот, просто...»

К этому времени она совершенно позабыла про Герцогиню и даже слегка вздрогнула, услыхав ее голос над самым ухом:

— Ты о чем-то задумалась, дорогая, и поза-

была, что нужно поддерживать беседу. А какая отсюда мораль, я сейчас не могу тебе сказать, но скоро вспомню.

— А может быть, никакая, — отважилась сказать Алиса.

— Что ты, что ты, деточка, — сказала Герцогиня. — Во всем есть мораль, только надо уметь ее найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе еще теснее.

Это Алисе не особенно понравилось — вопервых, потому, что Герцогиня была уж чересчур некрасивая, а во-вторых, она была как раз такого роста, что подбородок ее пришелся Алисе на плечо, а подбородочек у Герцогини был нестерпимо острый.

Но Алиса не хотела быть грубой и поэтому смолчала.

— Игра как будто повеселей пошла, — сказала она просто так, чтобы немного поддержать разговор.

— Верно, моя душечка! — сказала Герцогиня, а отсюда мораль: «И вот на чем вертится свет!»

— Недавно кто-то говорил, — шепнула Алиса, — свет вертится оттого, что некоторые люди не суют нос в чужие дела.

Герцогиня услышала, но нисколько не смутилась.

— Ах, душечка, — сказала она, — это одно и то же. И она добавила, поглубже вонзив свой подбородочек в Алисино плечо: — Отсюда мораль: «Не смеши языком, смеши делом!»

«Почему некоторые люди так любят везде искать мораль?» — подумала Алиса.

— Ты, душечка, наверно, задумалась над тем, почему я тебя не обнимаю, — сказала Герцогиня немного спустя, — но дело в том, что мне внушает сомнения характер твоего фламинго. Или рискнуть, как ты думаешь?

— Он ведь может ущипнуть! — предостерегающе сказала Алиса, совершенно незаинтересованная в том, чтобы Герцогиня так рисковала.

— Совершенно верно! — сказала Герцогиня. — Фламинго щиплются не хуже горчицы. Отсюда мораль: «Видно птицу по полету»... Ну, и так далее.

— А горчица-то не птица! — сказала Алиса.

— Ты права, как всегда! — сказала Герцогиня. — И как ты, душечка, во всем так хорошо разбираешься?

— Горчица — это, кажется, минерал, — продолжала размышлять вслух Алиса.

— Вот именно, минерал! — подхватила Герцогиня. Она, по-видимому, готова была согласиться со всем, что бы Алиса ни сказала. — Тут неподалеку что-то минировали горчичными минами, совсем на днях. А отсюда мораль: «Чему быть — того не миновать!»

— Ой, вспомнила! — закричала Алиса (последние слова Герцогини ее м и н о в а л и). — Это фрукт! Она на вид не похожа, но она фрукт!

— И еще какой фрукт! — радостно согласилась Герцогиня. — А отсюда мораль: «Будь

— Вернемся к игре! — сказала Королева.

таким, каким хочешь казаться» — или, если хочешь, еще проще: «Ни в коем случае не представляй себе, что ты можешь быть или представляться другим иным, чем, как тебе представляется, ты являешься или можешь являться по их представлению, дабы в ином случае не стать или не представиться другим таким, каким ты ни в коем случае не желал бы ни являться, ни представляться».

— Наверно, я бы лучше поняла, — сказала Алиса чрезвычайно учтиво, — если бы это было написано на бумажке, а так я как-то не уследила за вами.

— Это еще пустяки по сравнению с тем, что могу сказать, если захочу! — сказала Герцогиня, явно очень довольная собой.

— Спасибо, не надо, не надо, — сказала Алиса, — не беспокойтесь, пожалуйста!

— Какое тут беспокойство, душечка, — сказала Герцогиня. — Я только рада, что могу сделать тебе маленький подарок — все, что я могу сказать!

«Хорошенький подарочек, большое спасибо! — подумала Алиса. — Хорошо, что на рожденье таких не приносят!»

Но вслух она этого, естественно, не произнесла.

— Мы опять задумались? — сладким голоском спросила Герцогиня, еще глубже вонзив свой подбородочек в плечо Алисы.

— Разве мне запрещено думать? — ответила Алиса, пожалуй, резковато. Правда, ее терпение было уже на исходе.

— Нет, душечка, — сказала Герцогиня, — и поросятам не запрещено летать, а Мор...

Тут, к большому удивлению Алисы, голос Герцогини замер — замер посередине ее любимого слова, и рука, вцепившаяся в руку Алисы, задрожала.

Прямо перед ними, скрестив руки на груди, стояла Червонная Королева, хмурая и зловещая, как грозовая туча.

— Прекрасный денек, Ваше Величество,— начала было Герцогиня еле слышным голосом.

— По доброте своей предупреждаю,— крикнула Королева, топнув ногой,— или тебя, или твоей головы здесь не будет — и не сию минуту, а в сто раз быстрее! Выбирай!

Герцогиня выбрала — исчезла, причем точно в назначенное время.

— Вернемся к игре! — сказала Королева Алисе. Алиса была так напугана, что не произнесла ни слова и молча поплелась за Королевой на крокетную площадку.

Остальные игроки, воспользовавшись отсутствием Ее Величества, расположились на отдых в тени, но едва она показалась, как они немедленно возобновили игру. Промедление было смерти подобно. Королева мимоходом заметила, что кто хоть чуточку опоздает, будет казнен без опоздания.

Игра пошла по-прежнему: Королева не переставала со всеми спорить, скандалить и кричать: «Отрубить (соответственно ему или ей) голову!»

Солдаты брали под стражу приговоренных; разумеется, для этого им приходилось покидать свои посты (в качестве ворот), и в результате не прошло и получаса, как ворот вообще не осталось, а все, кто пришел повеселиться, были арестованы и ожидали казни.

Тут Королева наконец решила передохнуть (она порядком запыхалась) и сказала Алисе:

— Уже видела Рыбного Деликатеса?

— Нет,— сказала Алиса.— Даже не слышала про такого!

— Из него готовят рыбацкую уху и многое другое,— объяснила Королева.

— Впервые слышу,— ответила Алиса.

— Тогда идем,— сказала Королева,— он сам все расскажет.

Уходя, Алиса успела услышать, как Король тихонько сказал, обращаясь ко всему обществу сразу:

— Вы помилованы.

«Ну вот, это совсем другое дело!» — радостно подумала она. Все эти бесчисленные смертные приговоры сильно ее огорчали.

Вскоре они с Королевой наткнулись на Грифона, крепко спавшего на самом солнцепеке. (Если вы не знаете, кто такой Грифон, поглядите на картинку.)

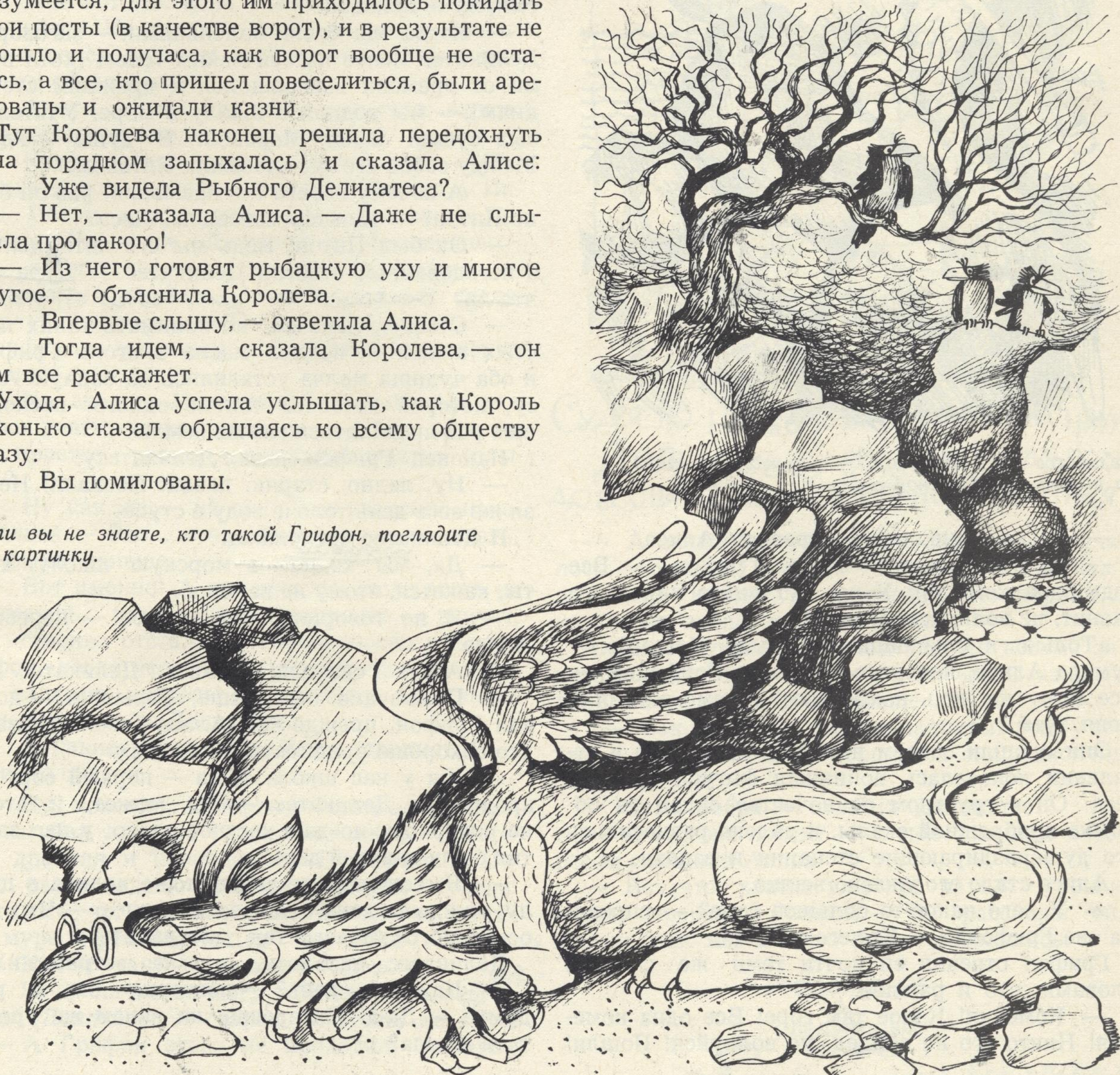
— Вставай, ленивая тварь,— сказала Королева,— отведи юную леди к Деликатесу. Пусть он ей расскажет свою историю. А мне надо вернуться и присмотреть за домашними делами. Я там распорядилась кое-кого казнить.

Она ушла, и Алиса осталась наедине с Грифоном.

Хотя наружность чудища не слишком пришлась Алисе по душе, она подумала, что его общество ничуть не опаснее, чем общество кровожадной Королевы. И она решила подождать.

Грифон приподнялся, сел и протер глаза; он долго смотрел вслед Королеве, а когда она окончательно скрылась из виду, фыркнул.

— Комедия! — сказал он то ли про себя, то ли обращаясь к Алисе.

Если вы не знаете, кто такой Грифон, поглядите на картинку.

Деликатес в грустном одиночестве сидел на обломке прибрежной скалы.

— Какая комедия? — спросила Алиса.

— Да вон пошла! — сказал Грифон. — Все ведь одна комедия! У нас тут никто никого не казнит, не волнуйся. Пошли!

«Только и слышишь: «Пошли! Пошли!» — думала Алиса, неохотно следуя за Грифоном. — Все кому не лень командуют! Прямо загоняли меня тут».

Они прошли совсем немного, и вот уже в отдалении показалась поникшая фигура Деликатеса. Он в грустном одиночестве сидел на обломке прибрежной скалы, и далеко разносились его душераздирающие стенания и вздохи.

Алисе стало его ужасно жалко.

— У него какое-то большое горе? — спросила она Грифона. — Кто его обидел?

Грифон отвечал ей почти теми же самыми словами, что и раньше:

— Комедия! Какое там горе! Все одна комедия! Никто его не обидел, не волнуйся! Пошли!

И они подошли к Деликатесу, который только посмотрел на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

— Слушай, старик, — сказал Грифон, — тут вот молодая леди хочет узнать твою историю. До зарезу.

— Я все поведаю, не тая, — сказал Деликатес протяжно и уныло.

— Садитесь оба и молчите оба, пока я не окончу свой рассказ. — Гости сели, и несколько минут никто не произносил ни слова.

«Не понимаю, как он может когда-нибудь окончить, раз он и не собирается начинать», — успела подумать Алиса. Но она продолжала терпеливо ждать.

— Был некогда я рыбой, — сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом. — Настоящей.

За сим последовало долгое-долгое молчание — его нарушали лишь редкие восклицания Грифона (приблизительно: «Гжхкррх!»), а также беспрерывные вздохи и стоны Деликатеса.

Алиса уже не раз хотела встать и сказать: «Большое спасибо за ваш интересный рассказ», — но она все-таки немножко надеялась, что продолжение следует, и крепилась: сидела смирно и молчала.

— Когда мы были маленькими, — заговорил Деликатес менее патетическим тоном (хотя время от времени возвращался к прежним стенаниям), — мы ходили в школу в море. Учителем был сущий Змей Морской! В душе — Удав! Между собой его мы называли Питоном.

— А почему вы его так называли, раз он был не Питон? — заинтересовалась Алиса.

— Он был Питон! Ведь мы его питомцы! — с негодованием ответил Деликатес. — ~~Дура ты, что ли?~~ Поистине, ты умственно отстала!

— Стыдно, лапочка, не понимать таких простых вещей! — подлил масла в огонь Грифон, и оба чудища молча уставились на бедную Алису, которой хотелось только одного: поскорее еще раз провалиться сквозь землю.

Наконец Грифон сказал Деликатесу:

— Ну, ладно, старик, давай! Поехали! Нельзя же весь день толочь воду в ступе.

И Деликатес продолжал:

— Да, мы хо~~дили в~~ морскую школу, хоть ты, кажется, этому не веришь...

— Я не говорила «не верю»! — перебила Алиса.

— А вот и сказала! — сказал Деликатес.

— Помолчала бы лучше, барышня, — добавил Грифон, прежде чем Алиса успела сказать, что нехорошо придираться к словам.

— Уж у нас школа была — первый сорт! — продолжал Деликатес. — Ты, может, и этому не поверишь, но даю честное слово: у нас занятия были каждый день!

— Я, если хотите знать, тоже ходила в школу каждый день, — сказала Алиса. — Что тут особенного? Нечего так уж хвалиться!

Деликатес, казалось, слегка встревожился.

— Каждый день? — повторил он в раздумье. — Да-а! Интересно, на каком же уровне твоя школа?

— Простите, я не понимаю, — сказала Алиса, — что значит на каком уровне?

— На каком уровне она стоит! — пояснил Деликатес. — Ну, от поверхности моря, поняла?

— Там моря нет, — сообщила Алиса. — Она стоит в городе. Но я думаю, все-таки выше моря, конечно, над водой!

— Выше? Над водой? — переспросил Деликатес. — Ты серьезно?

Алиса молча кивнула.

— Ну, тогда это несерьезно! — с облегчением сказал Деликатес. — Какое же тогда может быть сравнение с нашей школой? Это... это верхоглядство, а не образование, вот что это такое.

Грифон фыркнул.

— Да уж, воображаю, какие вы там получаете поверхностные знания! — сказал он. — У нас мальков, и тех учат гораздо глубже! А уж кто захочет по-настоящему углубиться в науку — тот должен добраться до самого дна! Это и называется — Законченное Низшее Образование! Но, конечно, — покачал он головой, — это не каждому дано!..

— Мне вот так и не удалось по-настоящему углупиться! Не хватило меня на это, — сказал Деликатес со вздохом. — Так я и остался при высшем образовании...

— А что же вы учили? — спросила Алиса.

Деликатес неожиданно оживился.

— Кучу всяких наук! — начал он. — Ну, первым делом, конечно, учились Чихать и Пихать. Потом арифметика — вся насквозь: Почитание, Уважение, Давление и Искажение.

— «Почитание» — понимаю, «уважение» — понимаю, «давление» — понимаю, а вот «искажение»? Что это такое? — сказала Алиса.

Грифон с деланным удивлением всплеснул лапами.

— Не знаешь Искажения? И чему вас там только учат! — ужаснулся он. — Ну, хоть такое простое слово — «раставрировать» слыхала?

— Ну как же, — не слишком уверенно начала Алиса. — Это... это... По-моему, это делать, как было раньше.

— Вот именно! А уж если ты после этого не понимаешь, что такое Искажение, — значит, ты умственно отстала! — победоносно объявил Грифон, после чего Алисе совершенно расхотелось задавать вопросы на эту тему. Она вновь переключилась на Деликатеса.

— А какие у вас еще были предметы? — спросила она.

— Ну, конечно, Истерия, — отвечал Деликатес, загибая лучи на своих плавниках. — Истерия, древняя и новейшая, с Биографией. Потом... раз в неделю приходила старая Мурена. Считалось, что она нас учит Рисковать и прочей муре — Лживописи и Верчению Тушею.

— Как это так? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе это показать, — сказал Деликатес, — старею, суставы не гнутся. — А Грифон этого не проходил, кажется.

— Времени не хватало, — сказал Грифон. — Я увлекался Литературой, изучал классиков. Помнишь нашего словесника? Порядочный был Жук, ничего не скажешь!

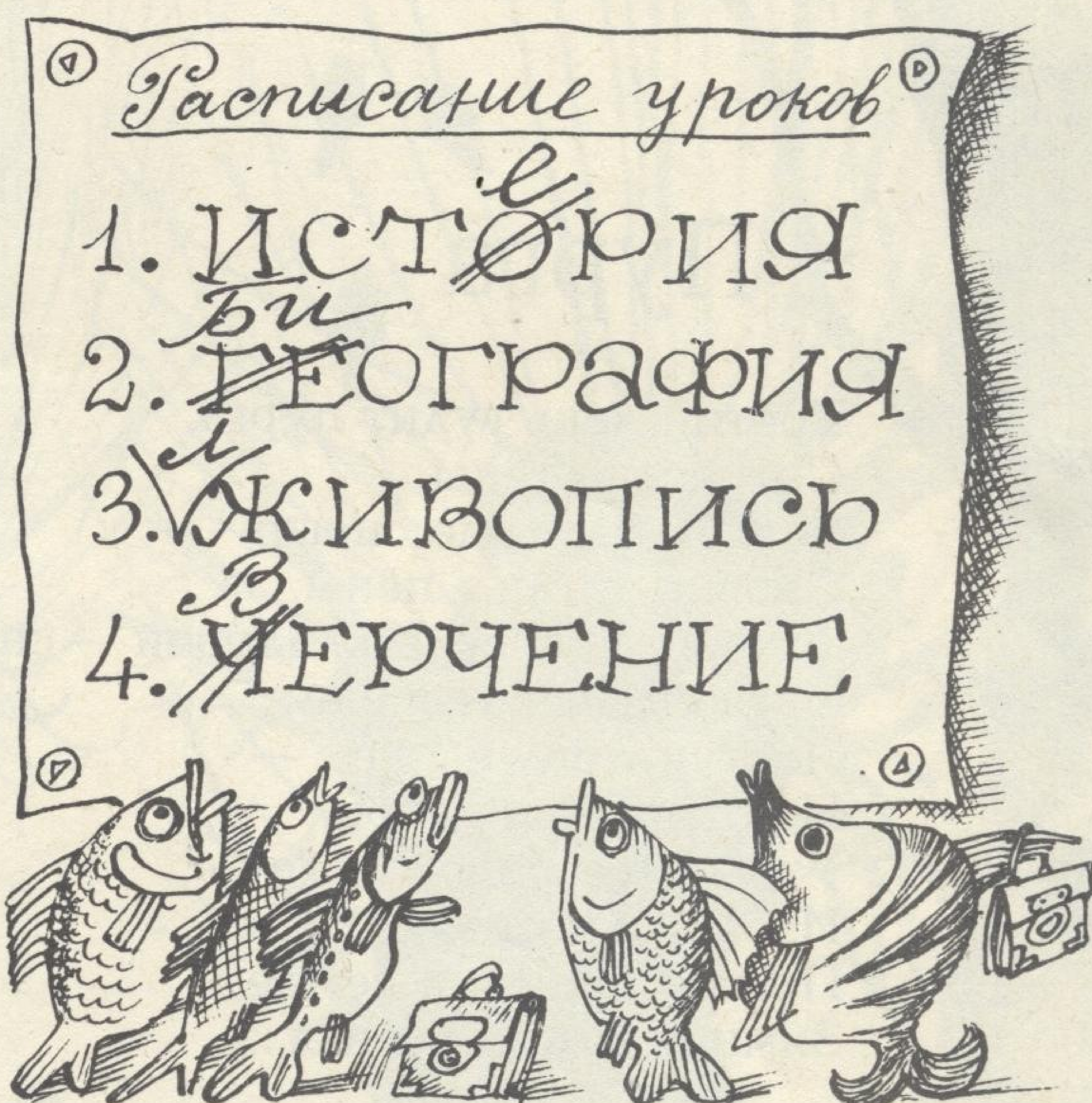
— Я его не слушал, я только о нем слышал, — со вздохом сказал Деликатес. — Он, говорят, прожужжал вам все уши своей поэзией. И даже самих заставлял делать смехотворные переводы, как ребята это называли.

— Да, было время, было время! — в свою очередь, вздыхал, подтверждая, Грифон, и оба чудища умолкли и закрыли лица лапами.

— А сколько у вас в день было уроков? — спросила Алиса: ей хотелось поскорее отвлечь собеседников от печальных мыслей.

— В первый день — десять уроков, — сказал Деликатес, — на следующий — девять, и так далее.

— Какое смешное расписание! — воскликнула Алиса, быть может, не без зависти.

Судя по названиям всех этих наук, Деликатесу все-таки удалось довольно основательно углупиться!

— А с нашими учителями иначе не получалось, — сказал Грифон. — Текучий состав: каждый день кто-нибудь пропадал. Потому их и называют пропадаватели, кстати.

Алиса слушала его краем уха: ее весьма заинтересовала сама мысль о том, чтобы каждый день заниматься на час меньше.

— Так, выходит, на одиннадцатый день у вас уже были каникулы? — спросила она, закончив подсчеты.

— Само собой! — ответил Деликатес.

— А как же потом? — с еще большим интересом спросила Алиса.

— Вот что: хватит уже про науки! — решительно прервал Грифон. — Ты расскажи ей, старик, как мы в наше время веселились.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Тимофей
БЕЛОЗЕРОВ

ЗИМУШКА-ЗИМА

Родина

Окажись я в теплой стороне —
Пусть ничто другое мне не снится!
Только б слышать теньканье
синицы
На седой, заснеженной сосне.
Только б видеть дымные столбы,
Ото льда хрустальную плотину,
С ягодами тонкую рябину
Под окном бревенчатой избы.

Снегири

За селом горит полоска алой,
Тихой, остывающей зари.
На скирде соломы обветшалой
Обновляют перья снегири.
Подставляют радостные грудки
Алому,
сходящему с небес...
До бровей завьюженный и
чуткий,
Их встречая, молодеет лес.

Пурга

Третий день гудит пурга,
Сотрясая стены.
Ветром взбитые снега —
Словно хлопья пены.
В сенях — снег, в кладовой — снег,
Стужей дышат щели;
Постучится человек —
Не откроешь двери.
Утонули в белой мгле
Избы и деревья,
Прижимаются к земле
Зимних птиц кочевья...

Бурундуки

Стихли ветры и метели,
Солнцем полнятся деньки.
На широких ветках ели
Верещат бурундуки.
Я им — вроде истукана:
Смотрят, весело свистя,
Залезают мне в карманы,
По ремню — на ствол ружья.
Шерсткой уши мне щекочут
И о чем-то о своем
Верещат — видать, хохочут
Надо мной
И над ружьем.

Поздний ужин

Свет луны. Над крышей — дым
кругами.
Палисадник в синем серебре...
Ах, как вкусно пахнет пирогами
На родном заснеженном дворе!
Распрягу я лошадь, рассупоню,
Дам корове свежего сенца.
Ткнется мне в шершавые ладони
Белая от инея овца.
Прошмыгнет мышонок под ногами,
Курица заквохчет на ларе...
Ах, как сытно пахнет пирогами
На родном заснеженном дворе!

Пимы

В черной бане, стар и сед,
Мне пимы катает дед.
Гнется глянцевая плаха,
Минул день — синё в окне.
Взмокла дедова рубаха,
Потемнела на спине.
Я бы рад ему помочь —
Дед на это неохоч.
Говорит он:
— Есть примета —
Семь потов вложи в пимы,
Чтоб потом весны и лета
Не канючить у зимы!

Костер на снегу

Далеко-далеко, у заснеженных гор,
Красным маком расцвел на опушке костер.
Кто-то там, на снегу, с хворостиной в руке
Хвойный чай кипятит в золотом котелке,
Режет сало и хлеб на прикладе ружья...
В теплом доме ему так завидую я!

Рисунки П. БАГИНА.

Соль

Перед солью
на колени
Стали лоси и олени.
Для зверей в лесу и в поле
Нет главней на свете соли,
Соли-государыни,
Белолицей
Барыни!

Колдун

Живет под крыльцом одинокий колдун —
Седой, молчаливый, тяжелый колун.
Он может, умывшись древесною пеной,
Пройти сквозь корявое, в сучьях полено,
Снять тяжесть с души и заботу с лица,
В мороз до рубашки
Раздеть молодца!

Подснежники

Плакала Снегурочка,
Зиму провожая.
Шла за ней печальная,
Всем в лесу чужая.
Там, где шла и плакала,
Трогая березы,
Выросли подснежники —
Снегурочкины
Слезы.

О почтовых марках и увлекательных

МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Сегодня океан неспокоен, и серые волны разломали залив. Вот он вдали — один из множества островков, на котором стоит статуя Свободы.

Я впервые в Соединенных Штатах Америки. Вместе с Валентином Петровичем Катаевым, Фридой Лурье и нашим «гидом» Митчеллом Уилсоном стоим на берегу Гудзона. Подходит пароходик-паром, и, танцуя на волнах, мы катим к статуе — ближе, ближе. Она все растет, растет...

Странное чувство охватывает меня. Когда-то в двадцатые годы, учась в школе в Костроме, мы с моим другом Кириллом Воскресенским покупали один на двоих лотерейный билет Осоавиахима с целью выиграть самый крупный выигрыш — кругосветное путешествие. Дух захватывало от полета нашего воображения!

Не желавшие поехать могли взять стоимость путешествия деньгами, кажется, шестьсот или восемьсот рублей, по нашей тогдашней бедности сумма, равная миллиону или миллиарду, абсолютно все равно. Но

Марки рассказывают о многом. Одна посвящена первому пионерскому слету, рядом — марка, выпущенная в честь объединения республик в единый Союз. Ты, наверное, слышал о венгерском коммунисте Бела Куне. В год его восьмидесятилетия была выпущена вот эта марка. Рассматривая другие марки, ты совершишь путешествие по Польше, Лаосу, Испании, Португалии, Америке.

В. РОЗОВ

путешествиях

я помню, как мы с Кириллом смеялись над жалкими обывателями, которые берут деньгами путешествие вокруг света. С какими деньгами можно сравнить возможность видеть мир своими глазами! Пешком, на лошадях, в трюме, в товарном вагоне, питаться корками, кореньями — только бы видеть. Нет, если выиграем, никаких денег! Тянуть жребий, кому ехать, и все. Один едет, а потом рассказывает другому. Рассказ очевидца другу — он тоже подороже этих всяких паршивых денег.

Но заветный выигрыш так и не достался нам. А пока... мы с Кириллом собирали марки. И знаменитую статую Свободы, к которой я подплываю сейчас, я впервые увидел именно тогда, в Костроме, на раздобытой почтовой миниатюре Соединенных Штатов Америки. Мы с любопытством смотрели на эту маленькую марку достоинством в пятнадцать центов с изображением неведомого нам монумента. Мне и в голову не могло прийти, что когда-либо я своими глазами увижу то, что нарисовано на этом крошечном знаке почтовой оплаты. Кстати, эта марка, именно эта, и по сей день хранится в коллекции Кирилла. Окончив школу, разъезжаясь в разные стороны учиться: Кирилл — в Свердловск, я — в Москву,— мы поделили нашу детскую коллекцию на две части. Я увез свою долю с собой и в первый же год учения в театральной школе при Московском театре Революции проел эти марки, продав их в филателистический магазин. Что поделаешь, жил крайне бедно. Кирилл же, несмотря на то, что из Свердловска их институт перевели в Ленинград, потом в Москву, далее судьба швырнула моего друга на остров Сахалин, в 1945-м он успел повоевать с японцами, потом поселился во Львове, а оттуда вернулся вновь в Ленинград, где обитает и сейчас,— Кирилл сумел сохранить свою часть нашей детской коллекции полностью, в том числе и эту марку — серую, в пятнадцать центов.

Марки! Какой вихрь чувств поднимали они в наших отроческих душах! Искать, найти, тащить домой, бережно положив в тетрадь или учебник, а потом наслаждаться, разглядывая ее рисунок, узнавать, с чем он связан — с великой ли битвой, с гениальным открытием, путешествием...

Знаменитая серия марок 1893 года, посвященная четырехсотлетию открытия Колумбом Америки, из шестнадцати штук, и на каждой эпизод из этой великой человеческой эпопеи. Мы никогда не имели все шестнадцать, они и тогда были редкостью. Но по рисункам каталога мы знали ее целиком и, честное слово, проплыли вместе с Колумбом часть этого пути.

А индеец с перьями на головном уборе — синяя марка. Я не видел живых индейцев. Они живут в резервациях, мы туда не ездили. Но перед зданием музея живописи и ваяния в Бостоне отлитый из бронзы обнаженный индеец сидит на бронзовом коне. Он распростер, размахнул вширь руки, поднял лицо к солнцу. Очень мне нравится эта скульптура, я счастлив, что видел этого бронзового сына когда-то свободной, ничьей земли.

А знаменитый собор в Кельне? Как это ни наивно и даже, может быть, странно, но когда я поднимался по ступеням этого чуда рук человеческих, я припомнил маленькую зелено-оливковую марочку из нашего детского альбома, на которой этот собор был изображен. Я уже знал о нем, я ждал встречи с ним и вот говорю ему: «Здравствуй, наконец-то мы встретились с тобой...»

Разглядываю корону венгерского короля в соборе Святого Иштвана в Будапеште. Была, была у нас эта марочка с изображением вот этой самой короны, на которую я смотрю сейчас. Здравствуй и ты, корона...

Сколько я ездил по свету и сколько старых знакомых встречал!

Знаменитый венгерский революционер Бела Кун. Не так давно его дочь Агнесса подарила мне марку с изображением отца, марку, выпущенную в Венгерской Народной Республике в 1966 году.

Собирайте марки, ребята. Путешествуйте, пусть пока только в вашем воображении. Авось, потом вы вытянете счастливый билет Осоавиахима!

А сейчас я увлечен марками Советского Союза. Целая история страны. Особенно люблю марки периода первых лет — марки РСФСР. Интереснейшее было время. Люблю поиск. Вот, например, слыхал я от кого-то из филателистов, что была подготовлена к печати году в 1921-м или 1922-м марка с портретом Анатолия Васильевича Луначарского. Марка так и не вышла, но мне посчастливилось, и совсем недавно, заполучить пробный ее оттиск. Очень я был доволен. Говорят, существовала подобная марка и с портретом Владимира Ильича Ленина, которую хотели издать еще при жизни Владимира Ильича, но Ленин запротестовал, сказал, что это и нескромно и ни к чему. И марка не вышла. Но пробный оттиск где-то существует, может быть, уцелел, хорошо бы его раздобыть.

Что такое для меня филателия? Прежде всего увлечение. Увлечение и отдых. Отдых и познание. Познание и поиск. А где поиск, там и страсть и здоровый азарт. А с такими чувствами жить интереснее.

Катерок

Сергей КОЗЛОВ

Рисунки Г. ЛАРИОНОВОЙ.

Белый катер,
Белый катер,
Катер,
Белый катерок,
Катит катер,
Будто
Скатерть
Гладит белый утюжок.
На корме дрожит флажок,
Над водой висит дымок,
А на мостике высоком,
Повернувшись к морю боком,
Небо гладит головой
Невысокий рулевой.

*

Вот пронесся мимо нас,
Словно взмыленный, баркас,
Просмоленный,
Задымленный,
С белой пеной на губах.
Тот баркас рыболовецкий,
С той командой мировецкой,
Все в огромных сапогах,
Трубки гнутые в зубах.
Трубки эти,
Как улитки,
Примостились в бородах.

Пронеслись они,
Не глядя,
Только
Самый молодой
Покивал нам бородой.

Веет легкий ветерок,
Мчится дальше катерок,
А на курсе,
Словно суслик,
Встал голубенький дымок.
Постепенно он подрос,
Вроде
Лапками оброс,
И матрос
Впередсмотрящий
Крикнул:
— Датский лесовоз!
В Копенгаген-городок
Наши доски поволок!

На далеком горизонте,
Как верблюжие горбы,
Показались две трубы.
А потом дымок растаял:
Суслик, видимо, прилег
На трубу, как на пенек.

*

Веет легкий ветерок,
Мчится белый катерок,
Над волною
За кормою
Синий стелется дымок.

Подкрутив усохший ус,
На волне
Сидит
Арбуз.
Цело пузо
У арбуза,
На спине —
Червонный туз:
Кто-то, видимо, надрезал
И попробовал на вкус.

Вот сидит он на волне
С красной меткой на спине.
Посидит,
Потом качнется,
На спину перевернется —
В сонном море,
В тишине
Отдыхает на спине.
А прозрачная медуза
Постоит в тени арбуза,
Постоит и поплывет,
Двух подружек позовет.
Улыбнувшись, скажет просто:
«Я открыла новый остров,
Полосатый весь такой,
С темно-красною
Прекрасною
Пещерой
Под водой!»

*

Веет легкий ветерок,
Мчится дальше катерок.
Повстречался нам буксирчик,
Черный,
Словно уголек.

На буксирчике усатом
В полотняном
Полосатом
Легком креслице таком
Кок с огромным животом
Возле камбуза сидит,
Молча
Пальцами босыми
В полудреме шевелит.

А усатый флотский кот
Молча лопает компот.
Ездил он за океан,
Повидал шестнадцать стран,
В двадцати шести морях
Он стоял на якорях.
В Ливерпуле и в Марселе
Фоксы просто свирепели,
Чуть завидев у борта
Среднерусского кота.

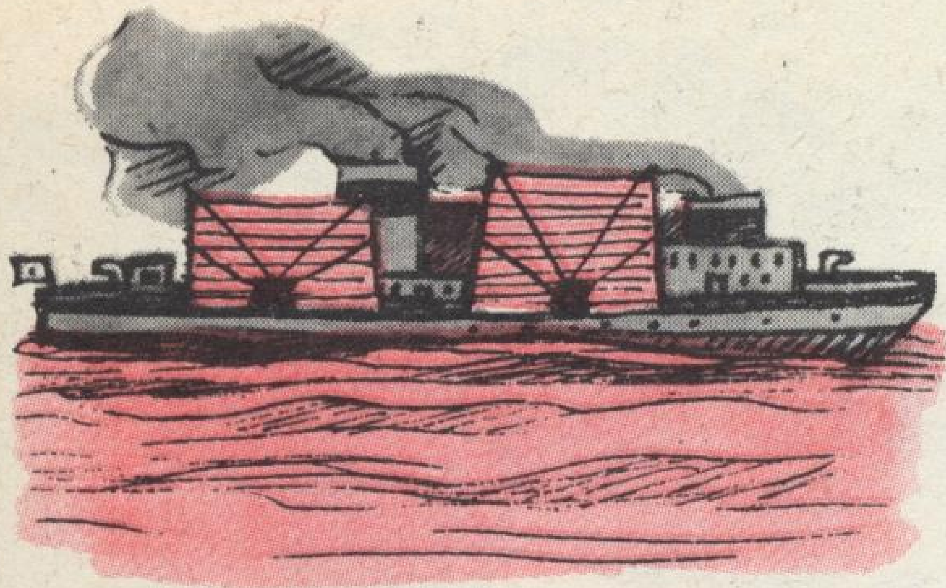
За годами шли года
И состарили кота;
И состарившийся кот
Перешел в буксирный флот.
Кот седой,
Как морж, усатый,
Весь в тельняшке полосатой,
Корабельный,
Флотский кот
Представляет нынче важный,
Очень нужный
И отважный
Каботажный
Малый
Флот.

Кот нам лапой помахал,
А потом
Вдали пропал:
Черный
Маленький буксирчик
С коком,
Камбузом,
Трубой
Скрылся
В дымке голубой.

*

Веет легкий ветерок,
Мчится белый катерок.
В синем небе самолетик
Вьется, словно мотылек.

Он тихонько пожужжит,
Над волнами покружит,
Желтые
Опустит лапки
И по волнам,
Как по грядкам,
Как утенок,
Побежит.
На волне,
Слегка качаясь,
Словно чайка,
Посидит.

Солнце за море садится,
Машет рыжей головой.
В синем море по границе
Ходит важный часовой —
Темно-серый,
Аккуратный
Катерок сторожевой.
Пушки, будто бы игрушки,
На борту его стоят,
Друг на дружку
Не глядят...

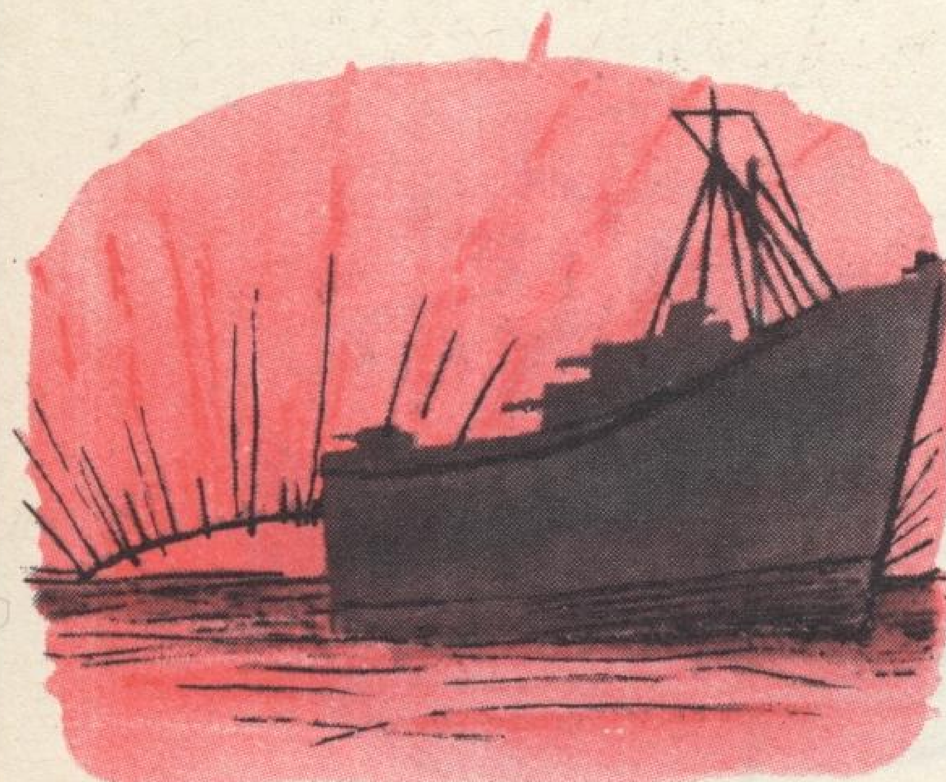
Если надо будет очень,
Черной ночью,
Белым днем
К пушкам
Выскочит
Наводчик,
К пулеметам —
Пулеметчик.
Море вспенится
Огнем...

Хорошо, когда лягушки
Тараторят без конца;
Хорошо, когда старушки
Соберутся у крыльца —
Повздыхают,
Поболтают,
Пусть
Друг дружку побранят...
Горе людям,
Если пушки
На земле заговорят.
Пусть подольше помолчат.

Солнце село на волну,
Золотой
Копной
Соломы
Медленно
Пошло ко дну.

Проплывает золотая
Туча
С выводком тучат.
Солнце в море утопает —
Лишь соломинки торчат.

...Только что мы повстречались,
Поздоровались гудком
И гудками попрощались
С пограничным катерком.

Ночь...
Теперь пора прощаться,
«До свиданья!» говорить,
Умываться,
Раздеваться,
Спать ложиться,
Свет гасить.
Под щеками кулаки —
Спят в баркасе рыбаки.
Трубки тоже не дымят,
Подогнув коленки, спят.

Датский легкий лесовозик,
Словно детский паровозик,
Где-то по морю бежит,
Еле слышная машина
Глубоко внутри дрожит.

Спит усатый,
Полосатый
Краснофлотский
Серый кот,
А во сне по Гибралтару
С коком рядышком идет.

И седой матрос угрюмый
Спит на палубе у трюма,
И давно волну клюет
Не в глуши аэродромной —
В тихой заводи укромной
Спящий
Гидросамолет...

А вдали маяк мигает,
Будто кто на берегу
В спешке спички зажигает,
Сам же гасит на бегу.
Нету в мире моряка,
Что прошел бы,
Не заметив,
Ночью
Мимо маяка.

Рулевой — веселый малый —
Правит прямо на маяк.
Сразу видно:
У штурвала
Очень правильный моряк.

И уже в кромешной мгле
Мы приблизились к земле.
Летний слабый ветерок
Овевает катерок;
Он уткнулся носом в берег
И прилег на правый бок.

Впереди
Путь далек —
Отдыхает катерок.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Это случилось, когда я учился в пятом классе. Однажды весной я сидел дома у раскрытого окна и читал «Всадника без головы». Увлекся так, что не услышал, как щелкнул ключ, скрипнула входная дверь и в комнату вошла мама.

— Обедал? — спросила мама, выкладывая из сумки на стол какую-то книжку в сером переплете. — Смотри-ка, что я тебе принесла! «Чапаева»!

Я посмотрел на обложку. Имя автора — Дмитрий Фурманов — мне ничего не говорило. Я о нем не слыхал. По совести сказать, смутно представлял себе и кто такой Чапаев.

— Начинай читать сегодня же, — предложила мама. — Мне эту книгу дали всего на три дня!

Я поморщился. Уж очень не хотелось отрываться от «Всадника без головы»! От мустангов, от свистящих лассо, от выстрелов и бешеных скачек. Но все-таки взял книгу, открыл ее и... уже не положил, пока не дочитал до конца.

Откровенно говоря, не хотелось отдавать книгу, когда пришла пора возвращать ее.

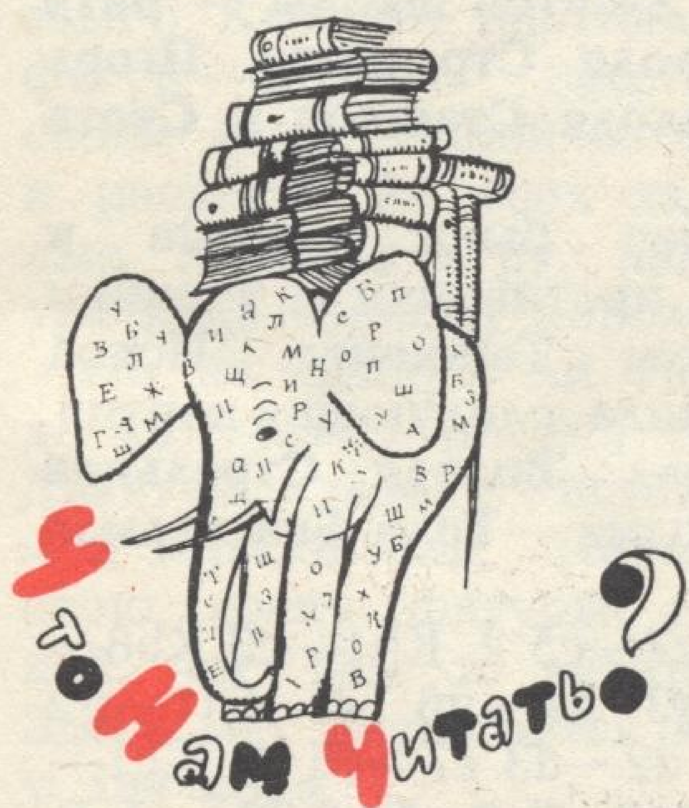
Так вот кто он такой — Чапаев! Не мифические мексиканские охотники, а самые настоящие люди, такие, как те, кто окружает меня, действовали в книге! На нашей земле, до которой, если захочешь, можно доехать на поезде из Москвы! Да как действовали — куда до них героям Майн Рида! И было в «Чапаеве» все: бешеные скачки, блеск сабель, гром выстрелов, необыкновенные приключения...

Ради «Чапаева» я записался в библиотеку имени Сурикова, что была тогда на Сущевской улице, и снова прочитал книгу от корки до корки. И стала она с тех пор одной из моих самых любимых книг.

Вл. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

*

В книгах, обложки которых мы здесь поместили, тоже есть и гром выстрелов и необыкновенные приключения. Прочтите их и «Чапаева» обязательно прочтите, если еще не читали.

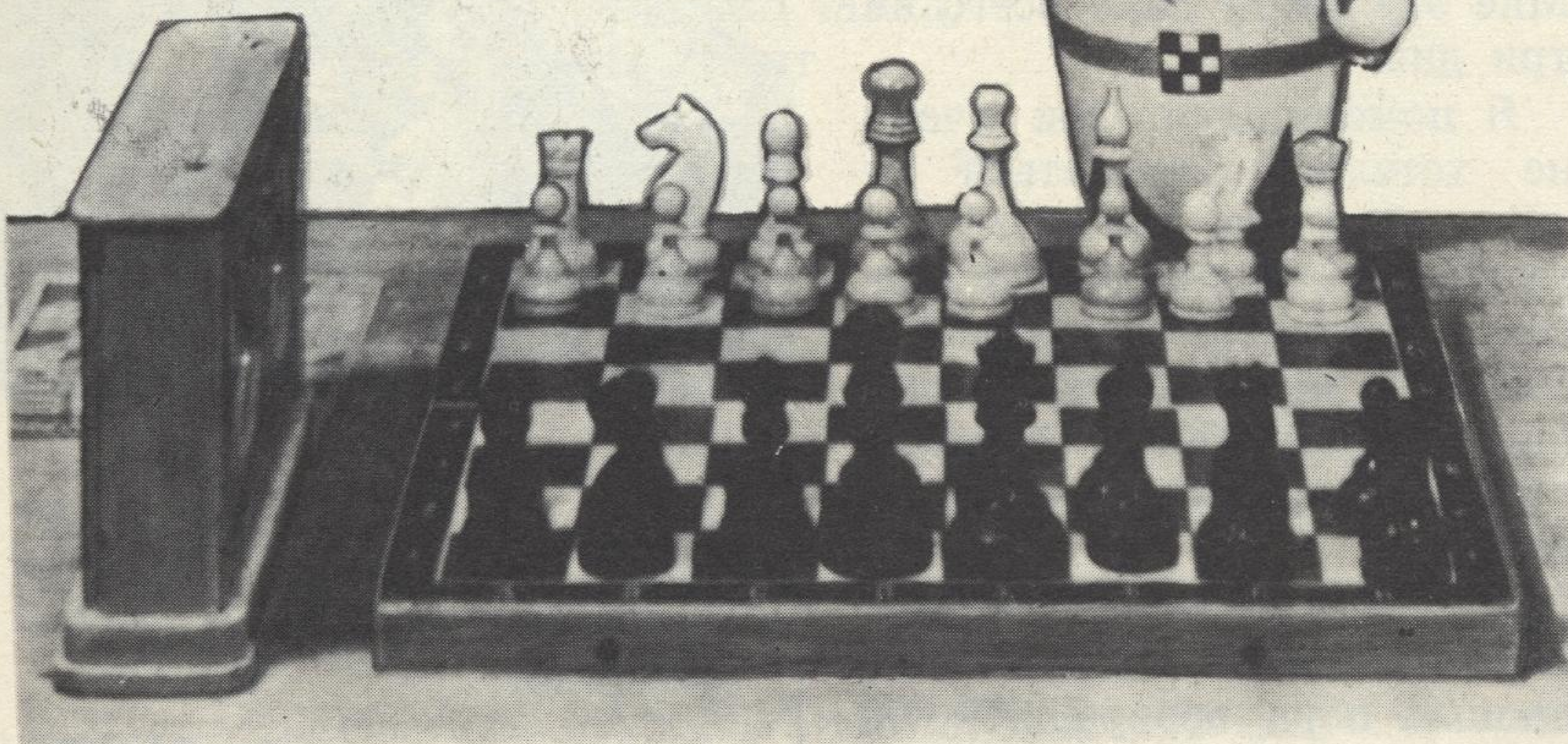

Вот какой приз — ладью привезла команда-победительница «Белой ладьи».

Слон, король, ладья

Горячий крымский ветер напряг паруса «Белой ладьи», и она мягко ткнулась носом в песочный берег. Артек. Финал!

Это было летом. А в октябре победители «Белой ладьи» пришли в московский Дворец пионеров. И, конечно, Пешкин тоже был здесь. Познакомились они просто. Вторая московская физико-математическая школа участвует в турнире «Белой ладьи» уже третий год. И все три раза...

— Мы привозили награды. Слон, король, а теперь ладья,— говорит капитан команды. Как полагается капитану, Володя Мешков сдержан, немножко суров и немногословен.

— Почему именно вы стали победителями? — спросил Пешкин.

— Так получилось,— ответил капитан.

И тогда вмешался Даня. Даня Михельман — серьезный шахматист и серьезный человек.

— У нас во второй школе играют в шахматы все... почти все. Играют на переменах, после уроков, перед уроками...

— На уроках...— не удержался Пешкин.

— Ну что вы...— Даня смущен.— К шахматам у нас относятся очень серьезно. Скоро будет общешкольный турнир. Примет участие почти вся школа. Наверное, поэтому мы и победили в «Белой ладье».

— В прошлом году,—говорит Володя Штивельбанд,— «Белую ладью» увезли ребята из Кишинева, а в этот раз они заняли девятое место. Почему? Потому что поменялся состав команды и новички не были подготовлены. Мне кажется, у нас такого не будет. Те, кто придет в команду в этом году, будут играть не хуже.

У Ани Ахшарумовой, единственной в команде девочки, самая длинная коса из всех участниц «Белой ладьи» и наибольшее количество очков.

— Аня,— сказал ей Пешкин,— иногда мальчишки говорят, что шахматы — это мужское занятие.

— Пусть говорят. Мне это играть не мешает, да и другим девочкам, наверное, тоже.

«Белая ладья» благополучно добралась до берега и уже снова снаряжается в путь.

А это сама команда-победительница. В центре капитан Володя Мешков.

Так играли в Артеке

Много интересных партий было сыграно в Артеке на финальных соревнованиях клуба «Белая ладья».

Вы уже познакомились с командой москвичей, занявшей первое место.

На вторую ступеньку пьедестала почета поднялись ялтинские пионеры из десятой школы — **Витя Банков, Володя Стрельцов, Игорь Горохов, Володя Сташков и Света Савельева.**

У ялтинцев были смелые и упорные противники — ученики 160-й школы Ташкента. Исход борьбы решила следующая партия. Белыми играл **Володя Стрельцов** (Ялта), черными —**Толя Бейгельман** (Ташкент).

1. e2—e4 c7—c5 2. Kb1—c3 Kb8—c6 3. g2—g3 g7—g6 4. Cf1—g2 Cf8—g7 5. d2—d3 e7—e6 6. Cc1—e3 Kg8—e7? 7. Ce3:c5 Фd8—a5 8. d3—d4 b7—b6 9. Cc5:e7 Cg7·d4 10 Kg1—e2! Cd4 : c3 + 11. Ke2 : c3 Kpe 8 : e7 12. 0—0 Cc8—a6 13. Лf1—e1 Фa5—e5 14. Kc3—d5+ Kpe7—d8 15. Kd5—f6! Фe5:f6 16. e4—e5 Kc6:e5? 17. Cg2:a8 Kpd8—e7 18. Ca8—g2 Лh8—c8 19. b2—b3 h7—h5 20. c2—c4 b6—b5? 21. Фd1—e2! Ke5—g4 22. h2—h3 b5:c4 23. h3:g4 c4:b3 24. Фe2:a6 Лc8—c2 25. Фa6:a7 b3—b2 26. Лa1—d1— **черные сдались.**

Пешкин советует всем разобрать эту партию на занятиях школьного шахматного кружка и ответить на такие вопросы:

а) Как черным надо было играть вместо 6...Ке7?

б) Выгодно ли для белых продолжение 10. Cd6 (вместо 10. Ке2!)?

в) Как надо было защищаться вместо 16...К:е5?

Конкурс Пешкина

После выхода первого номера журнала в редакцию стали звонить шахматисты.

— Здравствуй, Пешкин! — кричали они.— Ты не забыл о конкурсе?

— Извините, друзья,— смущенно отвечал Пешкин,— на этот раз мне хотелось придумать для вас какую-нибудь задачу поинтереснее. И я ее придумал! С нее мы и начнем наш конкурс.

Вот она, эта задача.

— Такой позиции не может быть!— скажете вы.

— Очень даже может быть! — возразит вам Пешкин.— На диаграмме не одна, а целых девять задач! Каждый вертикальный ряд фигур — задача. Расставьте на своей доске любой из этих рядов и решайте. Во всех задачах белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю.

Но не ошибся ли Пешкин? На доске только восемь вертикалей. Девятую задачу ищите на седьмой горизонтали. Перенесите на свою доску фигуры, стоящие на ней, вот вам и девятая задача. Здесь мат достигается не в три, а в два хода.

Все, кто справится с этой задачей, сразу пройдут половину конкурсной дистанции; получат пять зачетных очков!

Зеленый сигнал

В стране шаха на всех перекрестках висят светофоры. Перед одними ребятами то и дело вспыхивает желтый и красный цвет. Для тех, кто по-настоящему любит шахматы, часто горит зеленый. Путь вперед открыт.

Только как идти шахматисту, не сворачивая в сторону, не попадая в тупики, так, чтобы реже загорался перед ним желтый или красный свет?

Об этом Пешкин спросил у заслуженного мастера спорта Людмилы Владимировны Руденко, экс-чемпионки мира среди женщин.

— Прежде всего не трусить, верить в свои силы,— сказала Людмила Владимировна.— Я познакомилась с шахматами, когда училась в институте. У нас многие хорошо играли и легко расправлялись со мной.

— Ты и на шахматной доске плаваешь,— подшучивали они надо мной. (Я тогда плавала неплохо, была чемпионом Украины на дистанции 400 метров стилем брасс.) Зло меня взяло. Не думайте, не на тех, кто побеждал меня, на себя я разозлилась.

Засела я за книги о шахматах, стала разбирать партии, изучала теорию.

Через полгода снова пришла в клуб.

— Ну что, поплыли?— сказал мне, улыбаясь, один из любителей шахмат.

И мы стали играть. Проиграл он мне раз, другой и перестал шутить...

— Вот и приплыли,— сказала я ему...

С той поры я стала серьезно заниматься шахматами.

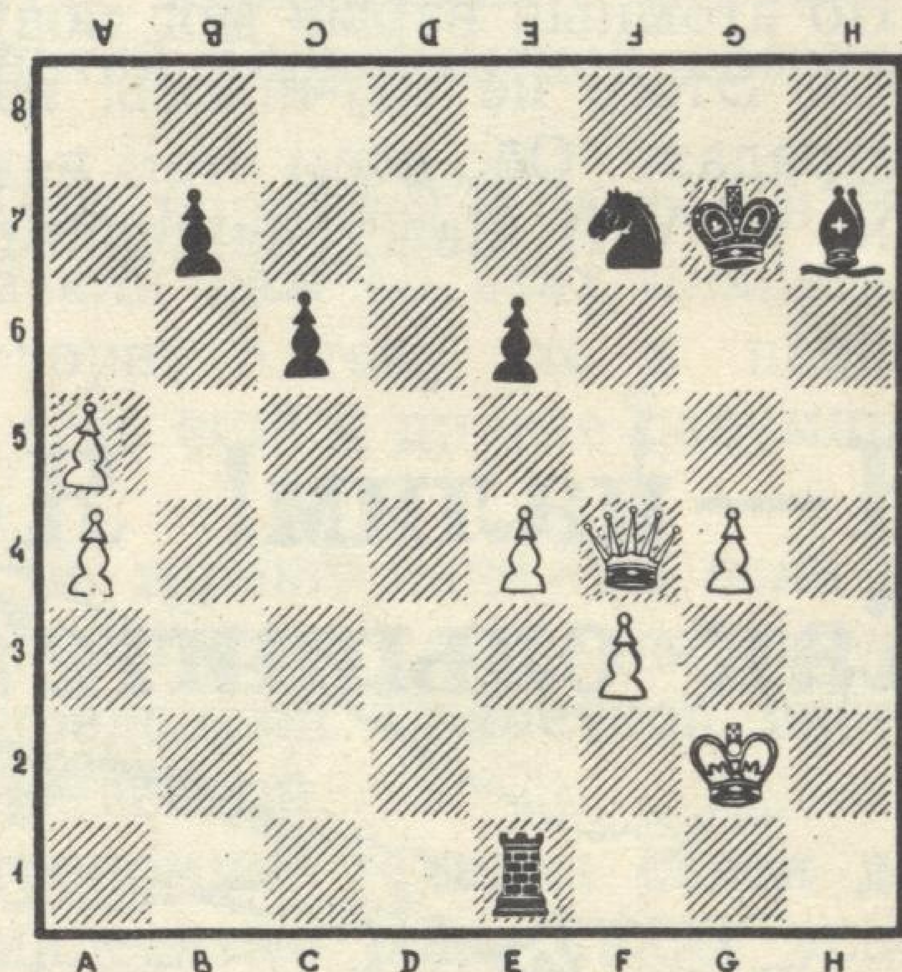
Людмила Владимировна Руденко участвовала во многих соревнованиях, бывали у нее неудачи, но она с еще большим упорством продолжала играть. Она, первая из советских шахматисток, в 1950 году завоевала звание чемпионки мира.

Пешкин попросил Людмилу Владимировну показать ребятам какую-нибудь из своих партий.

— Я уважаю твою фамилию,

Пешкин, поэтому покажу позицию, в которой все зависело от положения пешек,— сказала Людмила Владимировна.

— Это положение из моей партии с итальянской шахматисткой Кларичей Бенини. Она играла черными. Если бы у черных пешка е6 стояла на е5, у них все было бы в порядке. Но был ход белых, и я увела ферзя на d2. Тут-то и выяснилось, что черная ладья заблудилась в пешечном лесу. Черные не могли спасти ладью и признали себя побежденными.

Проверьте все варианты. Они несложные, но, мне кажется, анализ позиции полезен для тех, кто хочет научиться хорошо играть.

Недавно я была главным судьей шахматного первенства СССР, на котором чемпионкой страны стала семнадцатилетняя студентка Ирина Левитина. Ира совсем недавно еще играла в школьных турнирах, занималась в шахматной секции ленинградского Дворца пионеров. Она разбирала много партий мастеров, училась на этих партиях, не боялась встреч с сильными противниками. Ирина может служить примером для всех ребят, и для девочек-шахматисток особенно.

Пусть для вас всегда горит в Стране шаха зеленый огонек светофора.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Нефти будет еще больше!

ВЕСТИ С КОНГРЕССОВ

Нет открытий полезных и вредных. Все дело в том, как их используют — на благо людям или во вред. Атомный взрыв может уничтожить город. И он же может помочь людям добывать нефть.

Обычно нефтяники кончают разрабатывать месторождение вовсе не потому, что в земле не осталось горючего. Просто при существующей технике очень трудно добыть эти остатки из-под земли. А остается их там порядочно. Сегодня есть только один способ освободить нефть — мощный взрыв.

Советские нефтяники попытались сделать это при помощи ядерного взрыва. Они уже провели опыты на двух месторождениях. На первом, совсем уже иссякающем (его к тому времени в пору было закрывать), добыча нефти сразу возросла на треть! А на другом — увеличилась примерно в полтора раза. Мало того: в течение года после взрыва поток нефти не только не иссякал, но становился все больше.

Что же произошло под землей? Ядерный взрыв сжал породу, разрушил преграды между пластами, сломал каменные мешки и как бы выдавил нефть из пласта.

Но атомный взрыв мог повредить и буровые вышки и трубопроводы. Этого не случилось: взрыв был точно рассчитан, ничто не пострадало. Обо всем этом недавно докладывали советские нефтяники на VIII Международном нефтяном конгрессе в Москве.

Я — налим! Я — налим! Как слышите? Прием!

ВНИМАНИЕ! ИДЕТ ОПЫТ

Видишь, как двигался налим в устье реки. Точкой обозначено место, где его выпустили в реку. Налиму прикрепили на спину крохотный радиопередатчик, и он превратился в плавающую радиостанцию.

«Научный телеграф» уже сообщал, как крохотный радиопередатчик, укрепленный на спине голубя, помог узнать, как ведет себя птица в полете: как часто дышит, какая у нее температура, какой пульс.

Недавно подобный опыт был поставлен на рыбах. В небольшой речке Согоже близ Рыбинского водохранилища ученые-ихтиологи поймали несколько налимов и прикрепили к их спинам ультразвуковые передатчики, каждый весом в 25 граммов. Налимов выпустили в воду, а ученые на моторной лодке стали принимать сигналы. Уже удалось узнать, как налимы ищут добычу, какими маршрутами плавают. На этой схеме хорошо видно, как точно и строго налим придерживается русла реки — самых глубоких ее частей. Попав на мелководье, рыба беспорядочно кружилась, стараясь выбрать нужное направление. Видимо, рыбы способны довольно точно определять, где большая глубина (если они от этих мест не дальше чем на сто метров).

ПРИДУМАЛИ НОВЫЙ ПРИБОР

В час по чайной ложке

Прибор для распыления порошков делает свою работу очень медленно, зато равномерно и точно: за час распыляется всего миллиграмм порошка!

А нужно это вот для чего. Во-первых, для выращивания кристаллов. Набирающему рост кристаллу необходимо долго и равномерно подавать ничтожные порции вещества. И, во-вторых, для распыления лекарств. Побудешь в комнате, наполненной тончайшими частицами лекарства, и не надо укола делать. Такой способ особенно удобен на птицефермах — как иначе сделаешь прививку тысячам цыплят?

Родился прибор в Москве, в Научно - исследовательском физико-химическом институте имени Л. Я. Карпова.

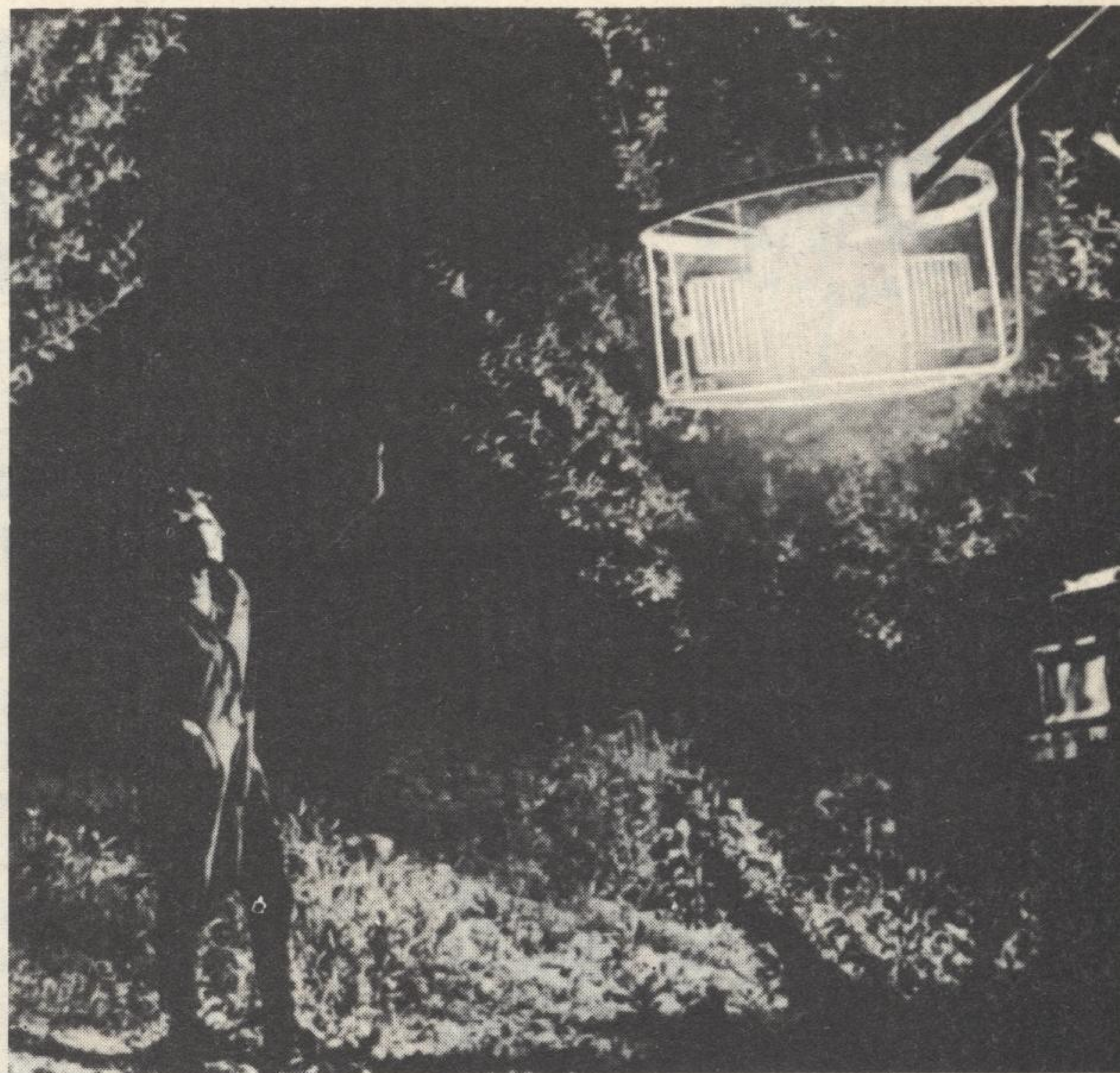
На автомобиле по битому стеклу

Мы привыкли, что стекло — враг автомобильных шин. Оказывается, не всегда. Инженеры сейчас испытывают дорожное покрытие из смеси асфальта, извести и мелко размолотого стекла (его в смеси две трети). Так одним махом удается убить двух зайцев: построить дешевую дорогу и использовать битое стекло.

Первая дорога с таким покрытием уже есть, правда, всего в двести метров длиной.

Световой сачок

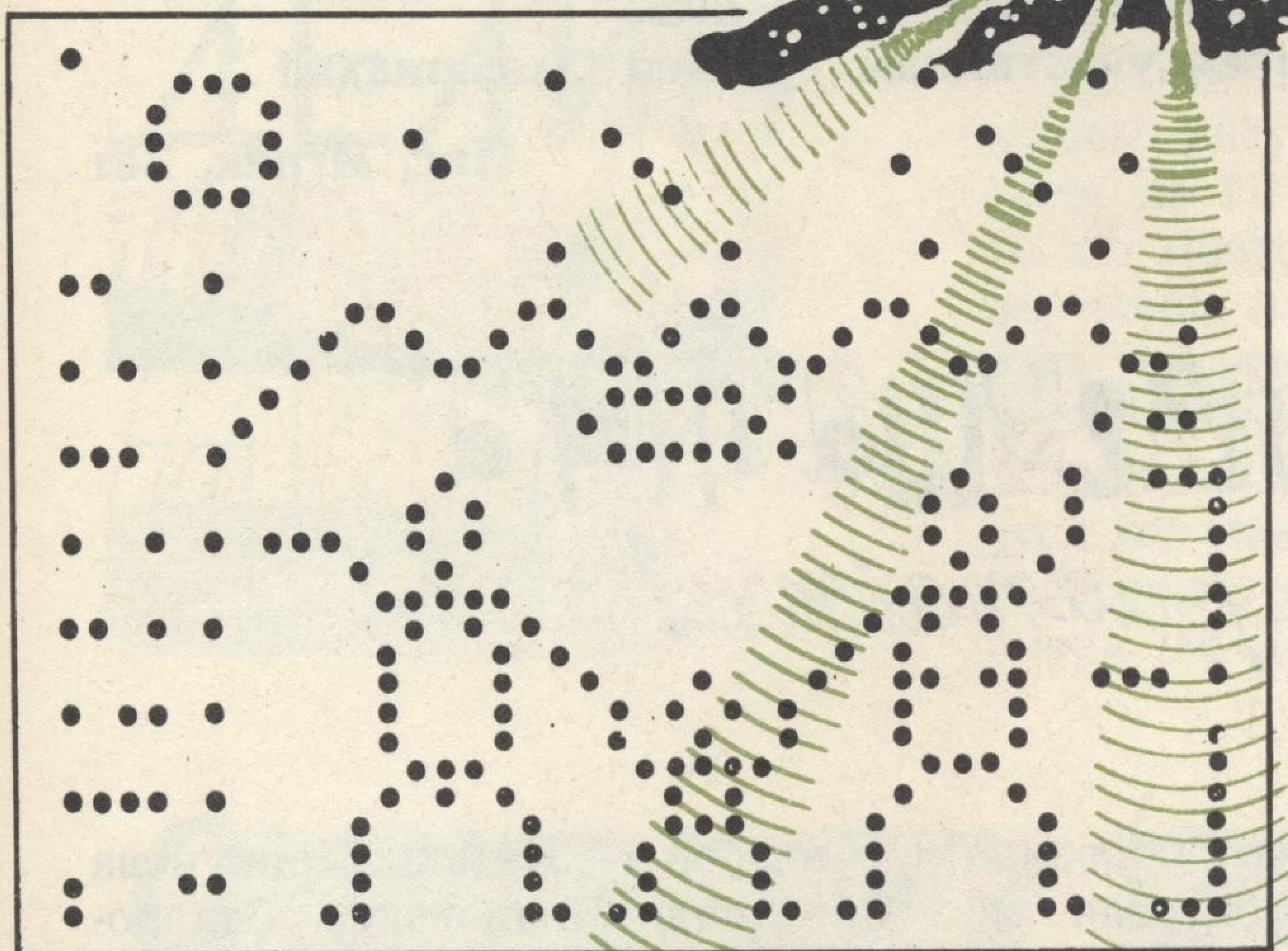

На снимке — самоходная электрическая светоловушка. Насекомые летят к этой мощной люстре, наталкиваются на металлическую решетку, через которую пропущен ток, и гибнут. Ловушка не спеша разъезжает вечером по саду и, подобно большому сачку, вылавливает вредителей.

Светоловушку придумали молдавские ученые из Института прикладной физики.

Обитатели Вселенной, отзовитесь!

ВЕСТИ С КОНГРЕССОВ

Какими будут первые космические послания? Этого еще никто не знает. Вот почему ученые пока сами придумывают письма от инопланетян и сами учатся их расшифровывать. Американский астроном Дрейк предложил участникам одной научной конференции вот такое письмо. Посмотри, как много мы, земляне, можем узнать из него о жизни на другой планете:

ее обитатели похожи на нас и живут семьями (три фигуры внизу рисунка);

вокруг их Солнца (окружность в левом углу) вращаются восемь планет (точки, идущие вниз от светила), а авторы послания живут на четвертой планете (рука левой фигуры указывает на четвертую точку).

«Послание» мы взяли из книги И. С. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум».

«Связь с внеземными цивилизациями» — так назывался симпозиум, проходивший осенью в Армении, в знаменитой Бюраканской обсерватории.

Полеты космических кораблей к Марсу и Венере многое рассказали нам об этих планетах. Пока ничто не говорит о том, что в нашей Солнечной системе есть еще и другие разумные обитатели.

Но люди все же не теряют надежды если не встретиться, то хотя бы узнать, есть ли разумные существа **за пределами Солнечной системы** — в огромной Вселенной.

Кибернетика, астрономия, техника связи достигли в наши семидесятые годы таких успехов, что впервые появилась реальная возможность установить связи с разумной жизнью из других миров при условии, если такие цивилизации существуют.

В Бюракане ученые обсудили, как вести поиск сигналов других разумных миров, что делать, если в конце концов найдем в космосе собратьев по разуму, как объясняться, на каком языке, о чем говорить.

Но прежде всего эти миры надо обнаружить. Конечно, не на звездах — как ты понимаешь, никакой жизни на раскаленной звезде вроде нашего Солнца быть не может. А до недавнего времени никто не мог сказать, у каких еще звезд есть спутники-планеты.

Сейчас такое светило известно: это звезда Барнарда, одна из ближайших к нам. Телескопы обнаружили ничтожные отклонения в движении звезды — можно предположить, что это вызвано наличием спутников. Планет около этой звезды две, а может быть, три.

Но есть ли на этих планетах разумная жизнь? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо строить новые радиотелескопы и сверхмощные передатчики и день за днем, год за годом посылать в пространство радиосигналы с нашей планеты.

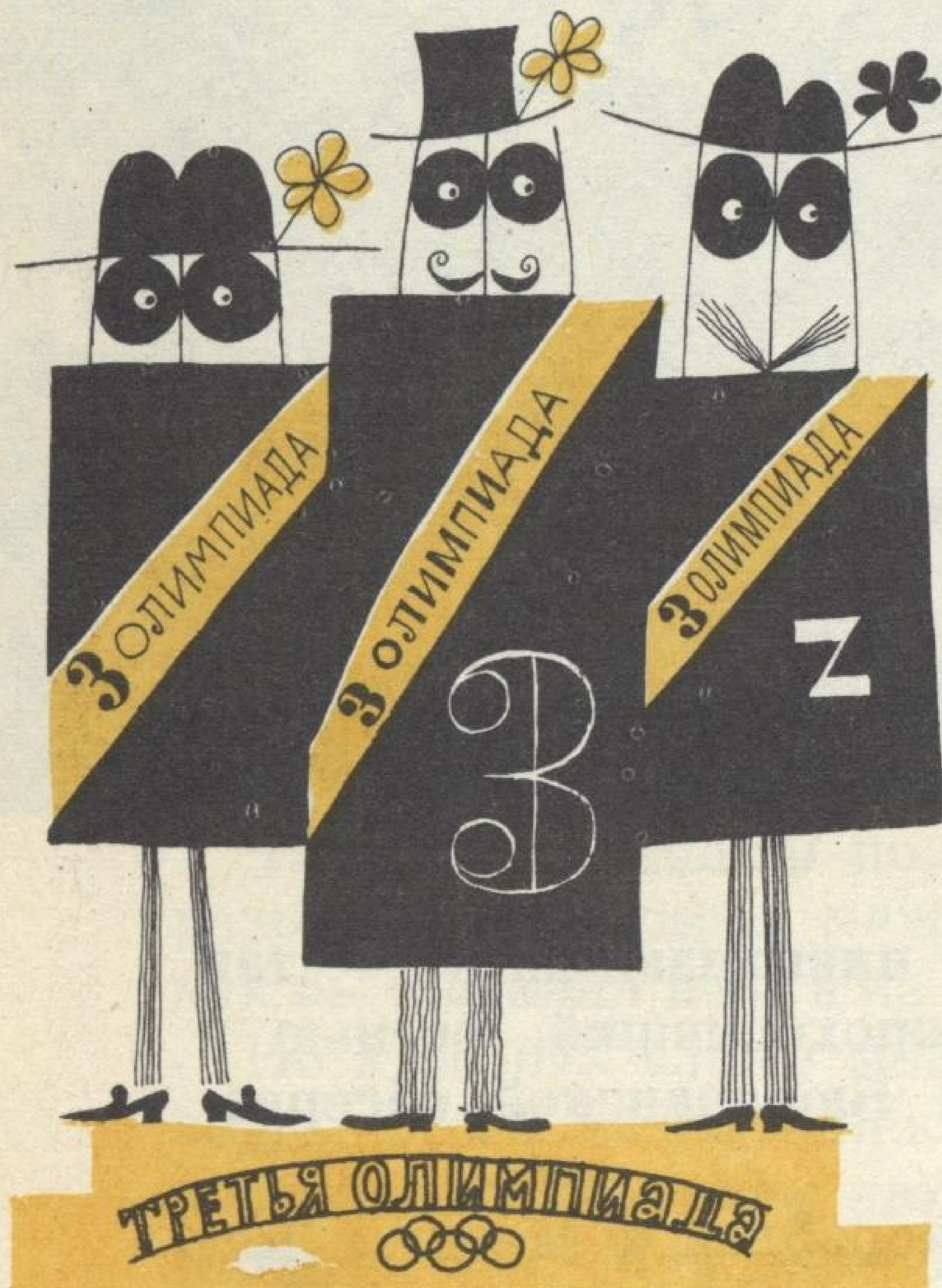
Земля выходит на связь...

О. ЛИБКИН.
М. ГУРЕВИЧ.

Рисунки А. СОПИНА.

Третья олимпиада Трех Неизвестных

Перед вами — шестнадцать задач. Шесть из них вошли в Олимпиаду «Лягушатника», десять — в Олимпиаду Трех Неизвестных. Учитывая ваши письма, жюри объявляет на этот раз СВОБОДНЫЙ ВЫБОР. Пусть каждый сам решит (независимо от возраста), в какой Олимпиаде он будет участвовать. Приглашаем «лягушат» решать задачи для старших!

Мы — за отвагу, смекалку и настойчивость. Как уже знают многие ребята, ничего другого и не требуется для решения наших задач.

НЕ ЗАБУДЬТЕ:

отправить ответы не позже 30 марта;

на конверте пометить «Олимпиада «Лягушатника» или «Олимпиада Трех Неизвестных»;

фамилию, имя, адрес, класс написать обязательно и разборчиво;

еще одно сделать обязательно: подробно рассказать, как получен ответ. Это и вам полезно и для жюри важно.

КАК И РАНЬШЕ:

победителей ждут награды Трех Неизвестных.

Особые премии получат те, кто справился с самыми трудными задачами, и те, кто даст самые красивые решения.

Итак, удачи, успехов всем участникам Третьей Олимпиады!

Икс, Игрек, Зет

Олимпиада „Лягушатника"

А ну-ка, побарахтайтесь!

Сбежали цифры

Определите, какие цифры «сбежали» из этих примеров, и поставьте их вместо звездочек. Сколькими способами можно это сделать?

Первый пример прислала Лена Космодемьянская из Комсомольска - на - Амуре,

```
 7**0 | **
-*6*  |---
 ---  | *4
  *8*
 -3**
  ---
    0
```

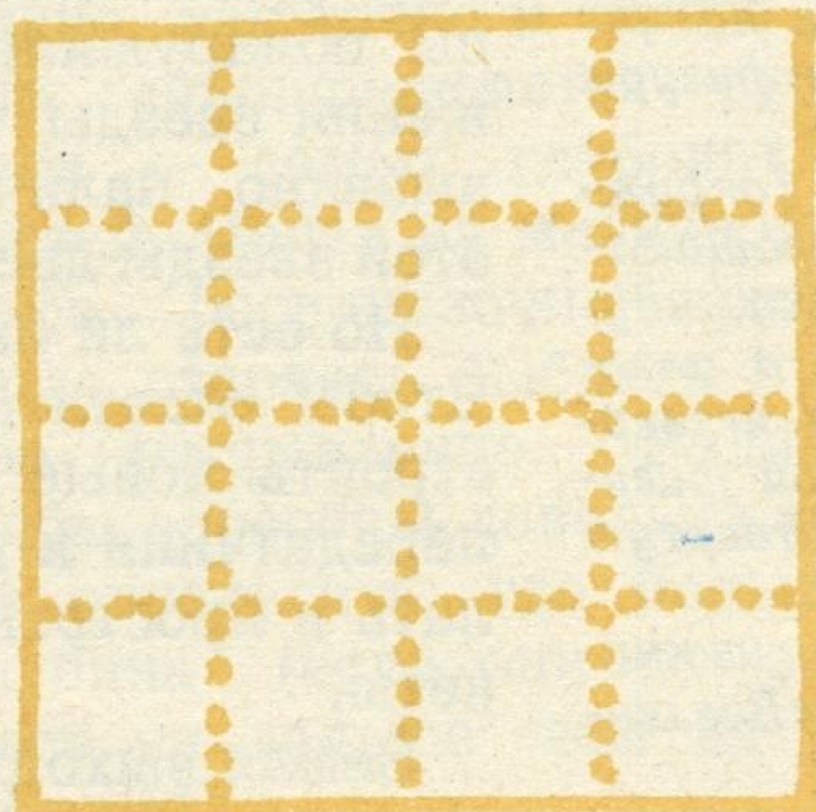
второй — Наташа Хрипунова из села Ивановское, Ставропольского края.

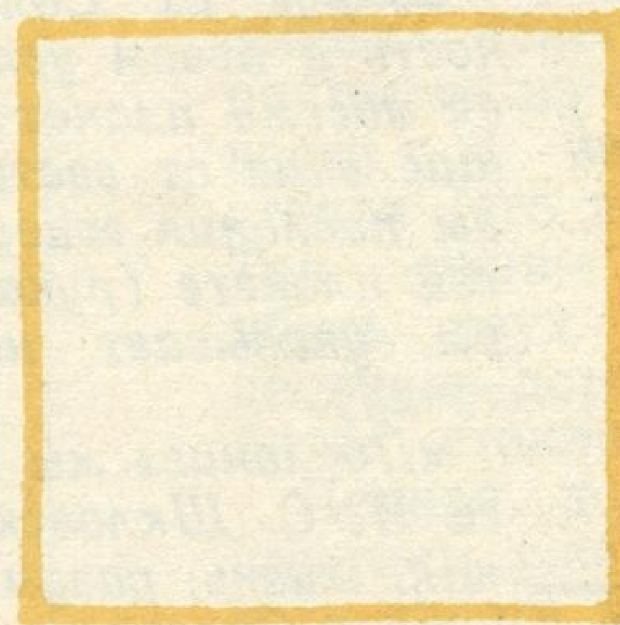
```
 **** | *7
-**5  |---
 ---  | **
   **
  -*1
   --
    0
```

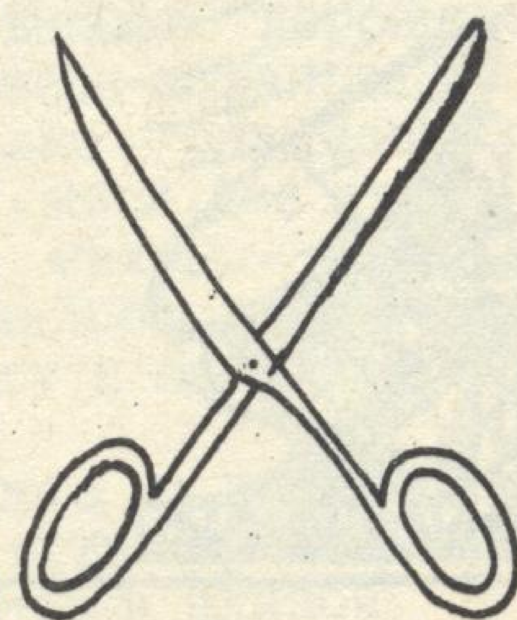
Из двух один

Эту задачу прислал нам Н. К. Антонович, учитель математики из Новосибирска.

Нарисуйте два таких же квадрата. Потом разрежьте большой квадрат на три части (по пунктирным линиям). Из трех частей и из второго квадрата сложите новый квадрат.

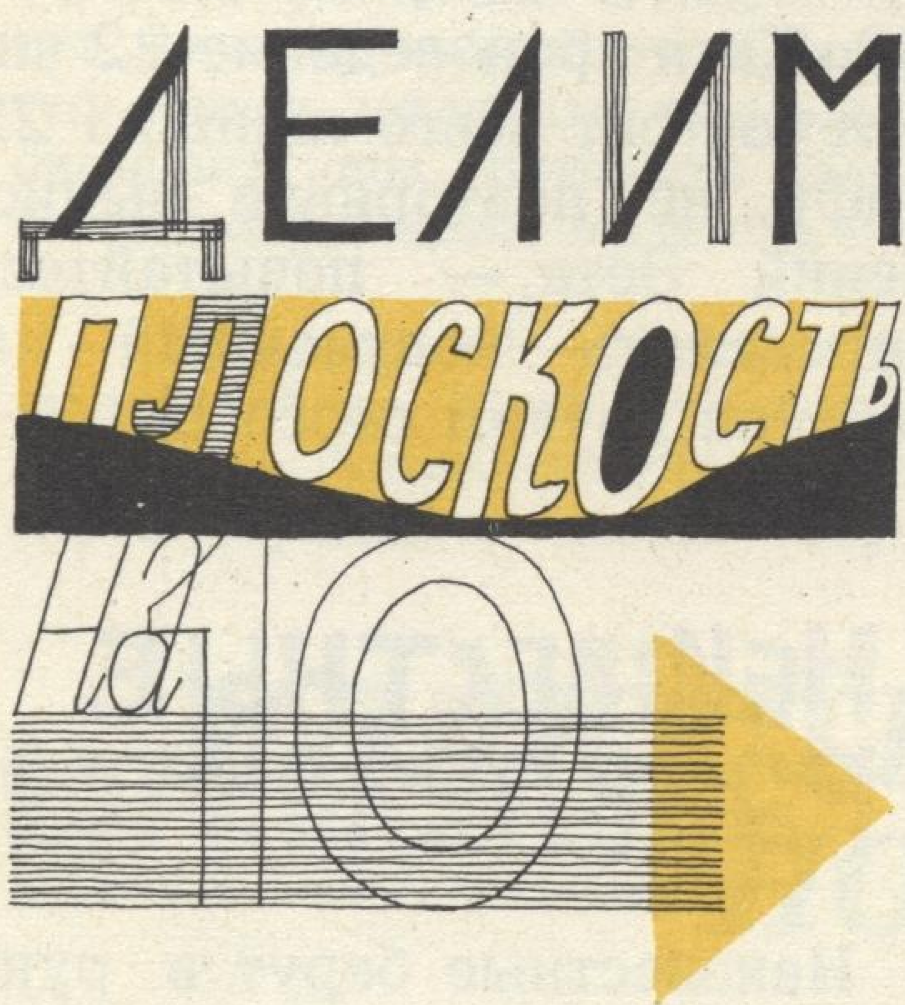
Что на конце?

Нашли произведение 666 множителей, каждый из которых равен 777. Какая цифра будет последней в этом числе?

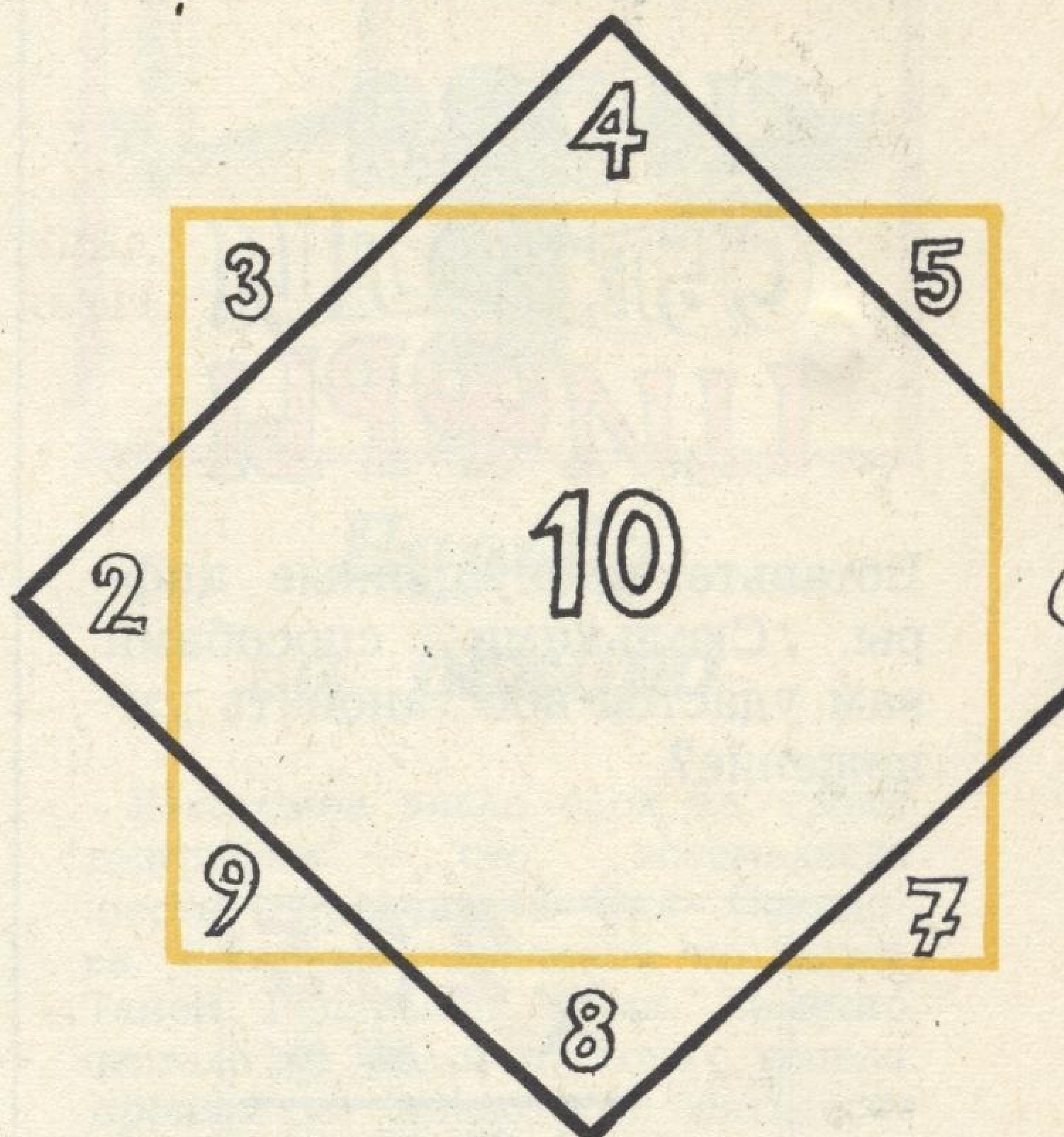
Как добыть молоко?

Как обычно, здесь разные цифры заменены разными буквами, одинаковые — одинаковыми. Исключение сделано только для «а» и «т» — ими зашифрована одна и та же цифра. Восстановите сложение.

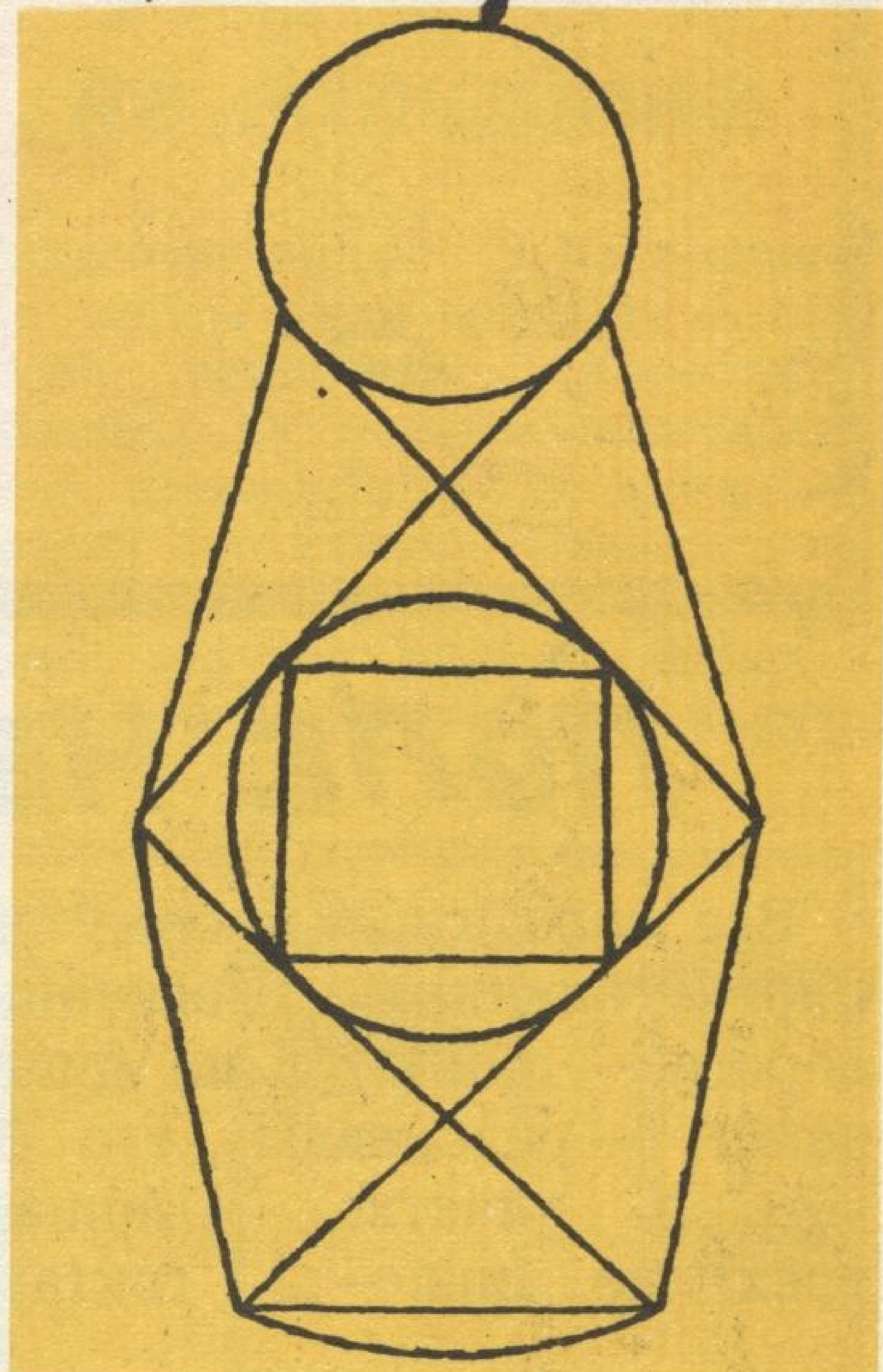

Два четырехугольника на нашем рисунке делят плоскость на 10 частей. Подберите два таких четырехугольника, чтобы плоскость разделилась на возможно большее число частей. Как вы помните, четырехугольник образуется ломаной линией, себя не пересекающей (смотрите «Пионер» № 11 за 1971 год).

Не отрывая пера от бумаги

и не проводя ни по какой линии дважды, нарисуйте эту фигуру. Покажите стрелками, как двигалась рука, а каждый отдельный участок фигуры последовательно обозначьте цифрой.

Олимпиада трех неизвестных

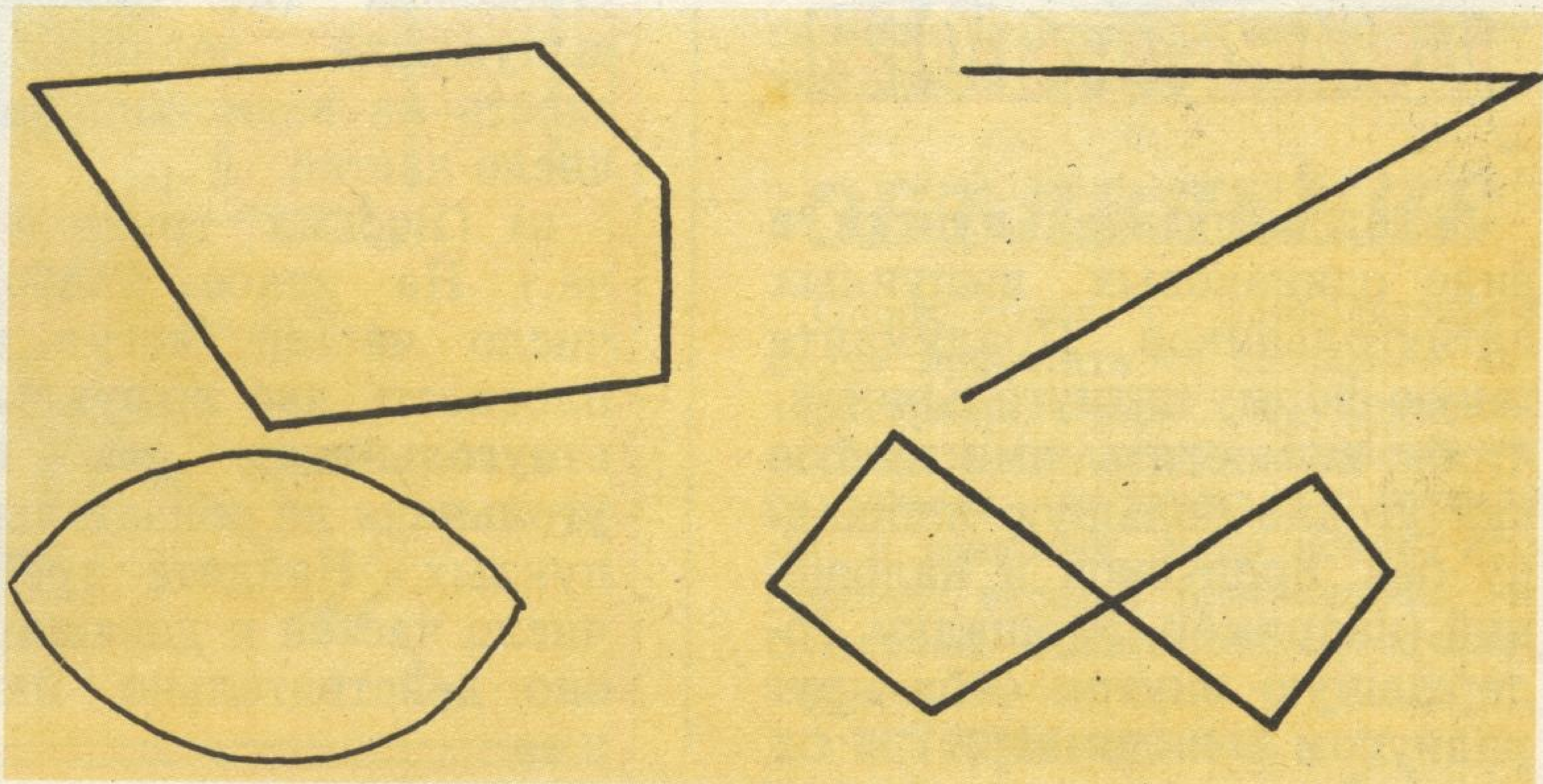
Кто найдет «буер»?

БЕ × РУ × 4 = БУЕР

Какие числа здесь зашифрованы? (Одинаковые цифры заменены одной и той же буквой, разные — разными.)

Что общего?

Каким свойством обладают все нарисованные здесь фигуры и не обладают никакие другие?

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ПОЛЕ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Все поле имеет форму четырехугольника. Шоссейные дороги — они идут по диагоналям — разбивают его на четыре участка. Площади трех из них — 2 гектара, 4 гектара, 6 гектаров. Какой может быть площадь четвертого? Эту задачу прислал В. М. Розентуллер, ленинградский учитель математики.

СНОВА СБЕЖАЛИ ЦИФРЫ

Вставьте пропущенные цифры. Сколькими способами вам удастся восстановить умножение?

```
      2 3 5
  ×     * *
  ---------
    * * * *
  * * * *
  ---------
  * * 5 6 *
```

Прислал задачу Евгений Трунин из Егорьевска.

ПОМОГИТЕ ДИРЕКТОРУ

Завод выпускает плитки в виде одинаковых выпуклых пятиугольников. Придумайте такую форму пятиугольников, чтобы вымостить ими любую как угодно большую площадку без пропусков и наложений (например, площадку, содержащую внутри себя круг радиусом 1 километр).

МНОГО ЛИ ИХ?

Найдите все многоугольники, обладающие следующим свойством: какую бы точку внутри многоугольника мы ни взяли, основание перпендикуляра, опущенного из нее на любую сторону, лежит на этой стороне (а не на ее продолжении).

РАЗДЕЛИ И ДОКАЖИ

Посмотрите задачу «Делим плоскость» в Олимпиаде «Лягушатника». А теперь:

а) Начертите два правильных шестиугольника, делящих плоскость на возможно большее число частей.

б) Начертите два шестиугольника (не обязательно выпуклых), делящих плоскость на возможно большее число частей.

в) (Весьма трудная задача.) На какое наибольшее число частей могут делить плоскость **два выпуклых шестиугольника; два шестиугольника** не обязательно выпуклых. Найдите требуемое число частей и докажите, что оно действительно наибольшее.

ТИХО КАПАЕТ ВОДА

Капает она из водопроводного крана, рядом с которым стоят две бутыли. В одну входит 12 литров, во вторую — 17. Под краном — раковина, куда можно сливать воду. Кто быстрее принесет нам 6 литров воды?

ЧТО ОСТАНЕТСЯ У ЗЕТА?

Зет перемножил 22 последовательных натуральных числа от 1 до 22, а полученное произведение разделил на 23. Хотя произведение 22 чисел состоит всего лишь из 22 цифр, не повторяйте вычислений Зета, — попытайтесь определить полученный им остаток другим способом.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Неизвестные берут в руки по кругу и расходятся в разные стороны. Каждый круг разделен на 12 секторов, пронумерованных по часовой стрелке числами от 1 до 12. Икс выбирает несколько секторов с нечетными номерами и заштриховывает их на своем круге. Игрек так же поступает с четными секторами. Затем Неизвестные встречаются и переносят штриховку на один круг. Иксу засчитывается столько очков, сколько оказалось незаштрихованных областей. (Считается, что одну область образует группа незаштрихованных секторов, расположенных рядом.) Посоветуйте Иксу, как ему играть, чтобы набрать не меньше 3 очков при любой игре Игрека. А может ли он набрать 4 очка? Сыграйте несколько партий с товарищами.

Репортаж с заседания ведет Вадим ЛЕВИН

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

— Уважаемые члены клуба!..

— Клубов,— подсказала Ира Дробаченко.

— Да-да,— продолжала бабушка Белобока.— Уважаемые члены клубов! Совместное заседание Литературного клуба харьковского Дворца пионеров и клуба «Сорок сорок» объявляю открытым.

Ребята захлопали в ладоши и тут же пожалели об этом, потому что сороки захлопали крыльями и оказались под потолком зала, а Непонимайка даже вылетела в окно.

— Продолжаем!— спокойно сказала Белобока, когда шум утих.— Заседание Литературного клуба и клуба «Тридцать девять сорок» объявляю открытым. И прошу вас, ребята, без аплодисментов... Сами понимаете, почему.

— Не будем больше! Может, закрыть окно?

— Мы получаем много веселых писем из Харькова,— продолжала Белобока,— и нам захотелось посмотреть на вас. Сережа Курганов, Жора Лоткин, Юля Крутько здесь?

— Здесь, здесь!— отозвались из разных концов зала Сережа, Жора, Юля.

— Прекрасно! Вы прислали нам смешные сообщения из своих школьных стенгазет. Давайте познакомим с ними всех присутствующих!

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ НОВОСТИ

Все о чемпионах

Грише Трубочкину не повезло

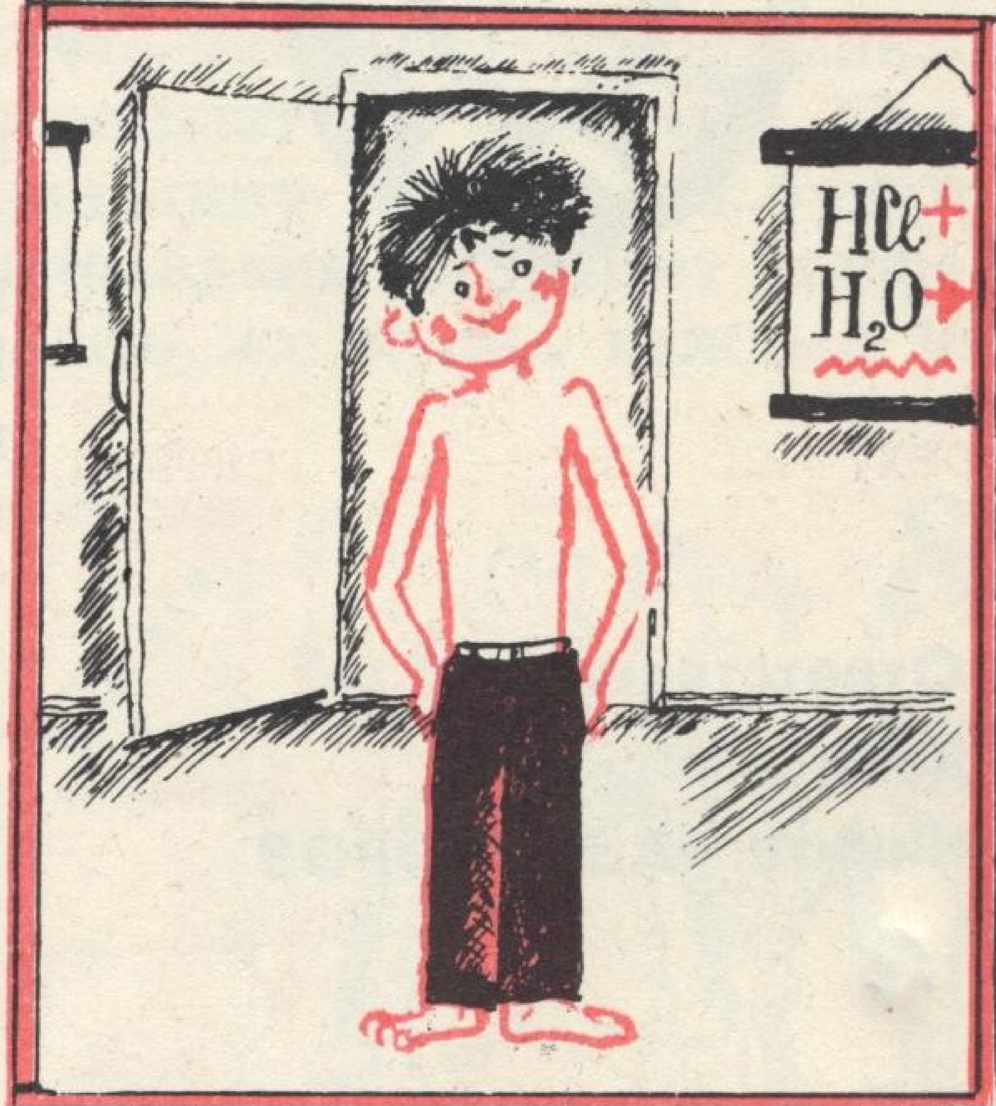
В прошлый вторник шестиклассник Г. Трубочкин пришел в школу за полчаса до начала занятий. В беседе с корреспондентом школьной стенгазеты Гриша так объяснил это удивительное событие:

— Как вы помните, еще в пятом классе я установил рекорд по опозданиям: 10 часов 24 минуты 33 секунды. Я пришел в школу спустя 4 часа 54 минуты 33 секунды после звонка с шестого урока. Как всякий спортсмен, я мечтал улучшить свой рекорд. И вот я опоздал в понедельник на 23 часа 30 минут, считая с начала занятий. Но все решили, что это я во вторник пришел в школу на полчаса раньше положенного. Это несправедливо.

Еще один результат не засчитан

Многочисленные болельщики уже готовы были признать А. Морозова чемпионом скоростного одевания: он первым переоделся после физкультуры и даже не опоздал на химию. Однако учитель химии опротестовал это решение, так как Морозов забыл в раздевалке свою рубашку и туфли.

Борьба за рекорд

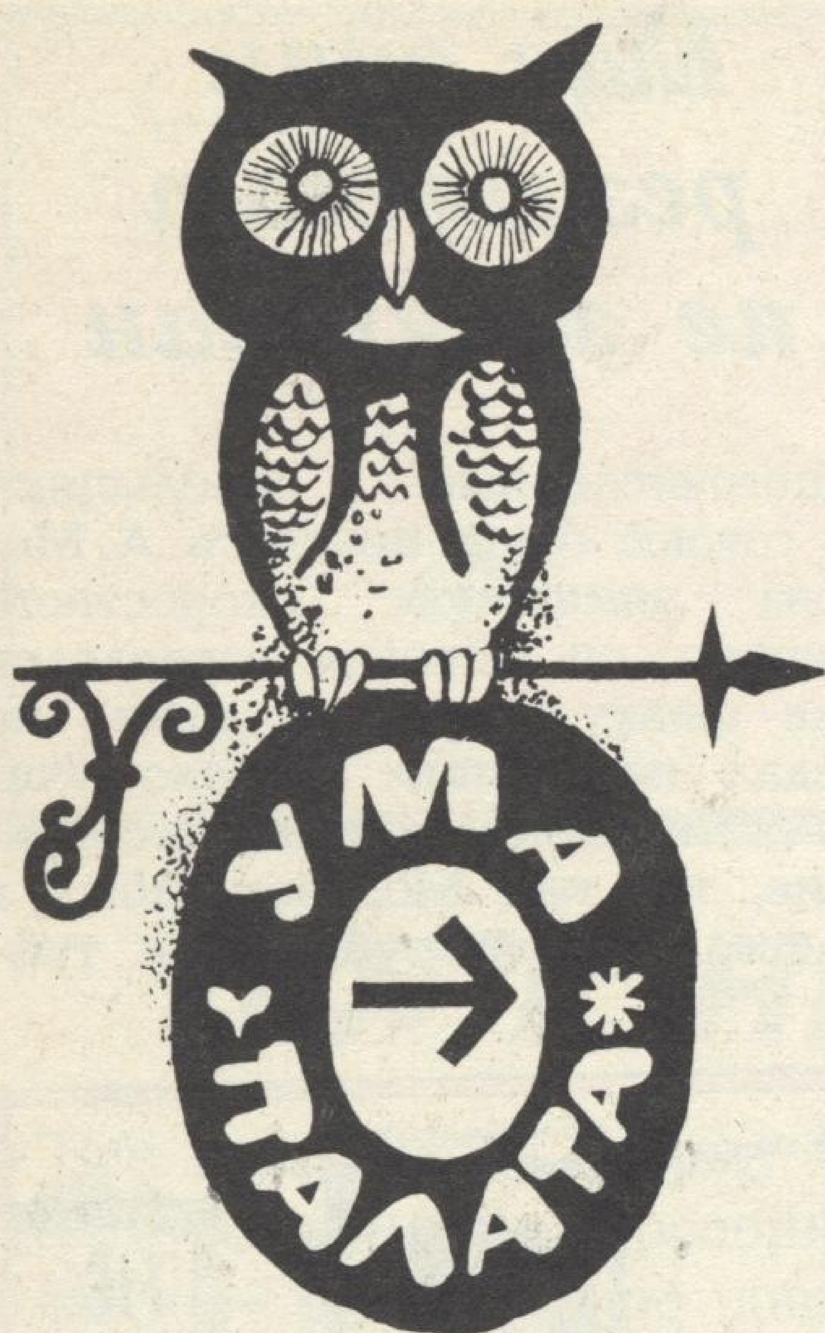
Рекордное число слов на уроке географии — сто восемьдесят шесть — произнесла Оля Соколова, беседуя с соседкой по парте Таней Реперьяш. Таня заметно отстала от подруги: она успела произнести только сто пятьдесят четыре слова, из которых пятнадцать («замолчи!») относились к Гене Недвиге, сидевшему сзади и пытавшемуся вклиниться в беседу. Все попытки этого претендента оказались безуспешными, и ему пришлось довольствоваться третьим местом — шестьдесят пять слов за урок.

— Молодцы, ребята! Вы так весело высмеиваете недостатки,— сказала Белобока.— Жаль, что срок нашей командировки истекает и я должна закрыть наше заседание. Но прежде чем мы полетим домой, я хочу сделать

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Сорок сорок с удовольствием будут прилетать на заседания литературных студий и кружков, посещать редакции стенных и радиогазет, встречаться с отрядами и звеньями и со всеми, кто пришлет веселое приглашение и смешинки собственного сочинения для Несмеяны.

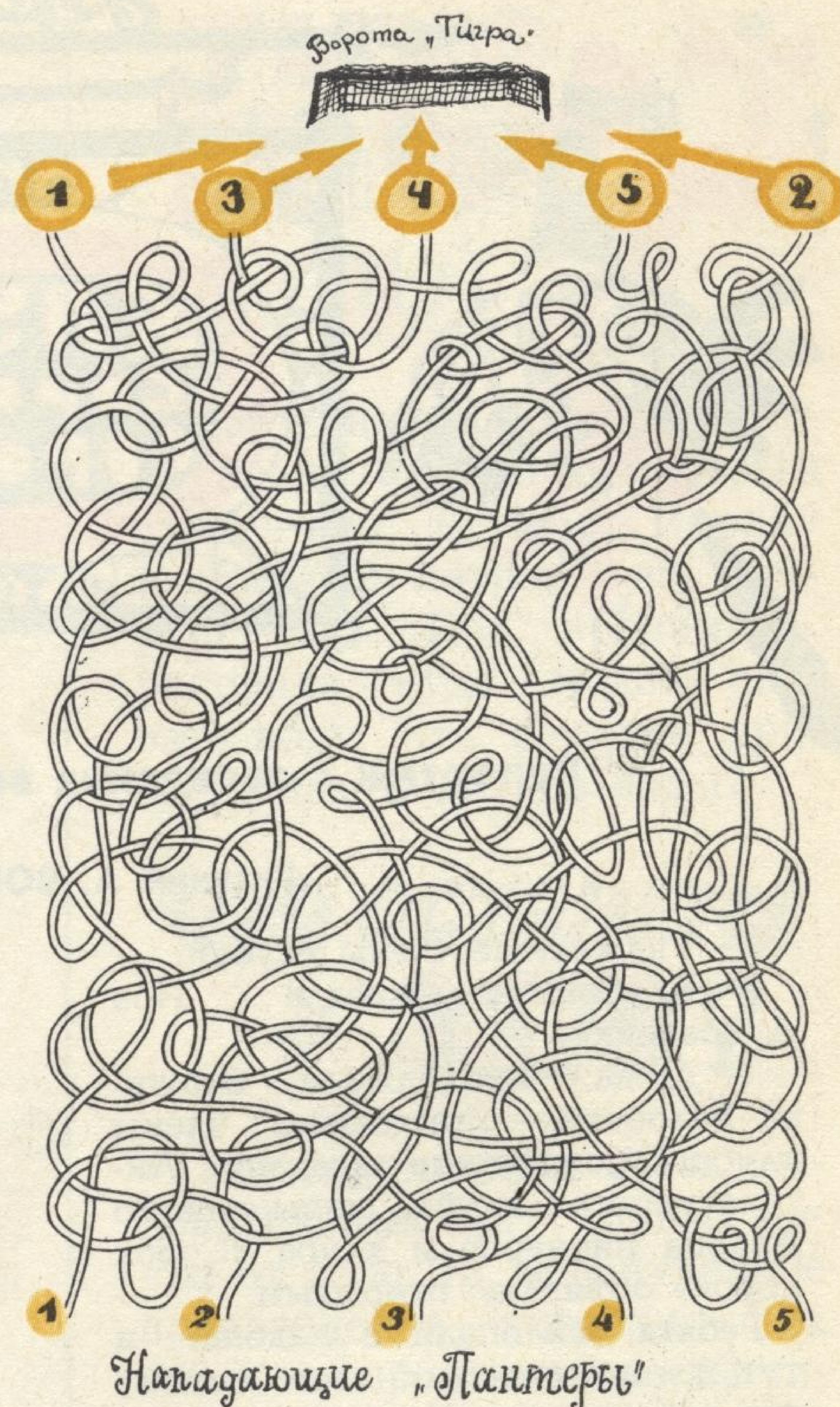
ДО ВСТРЕЧИ, ДРУЗЬЯ!

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

5:0 в пользу «ПАНТЕРЫ»

В очередном хоккейном матче между командами «Тигр» и «Пантера» победили пантеровцы со счетом 5:0. На нашей схеме вы видите, из каких положений были забиты все пять шайб. Скажите, кто из нападающих «Пантеры» какую забил шайбу. Сложный и извилистый путь пришлось им проделать, обводя игроков «Тигра»!

Карандаши и резинки

Записки капитана Перо-86

Нешуточное дело

1. Из библиотеки резинок исчезла драгоценная «Книга шуток и веселых историй». Под подозрением сразу же оказались два синих карандаша. Они были очень похожи друг на друга и оба коллекционировали юмористические издания.

— Видите ли,— заявил один из них капитану Перо-86,— юмор меня больше не интересует, я увлекаюсь теперь гастрономией.

2. — Книга шуток? — сказал второй.— Что вы, последнее время я увлекаюсь только живописью.

3. Вот снимок, который был сделан скрытым фотоаппаратом, вмонтированным в стену напротив дверей библиотеки. Может быть, он поможет вам найти виновного?

4. Теперь-то я знаю, кто похитил «Книгу шуток»! А вы догадываетесь?

Отыщите хвастунишку

**Не хочу держать в секрете,
Прямо вам скажу, друзья,
Что умнее всех на свете
Я! Я! Я!**

Кто сочинил эту хвастливую песенку?! Найдите его среди тех, кто нарисован на нашей картинке. Если бы этот хвастунишка перепрыгнул или перелетел через двух своих соседей, расположенных прямо над ним, то слева на картинке оказался бы его брат (он другого цвета). А если бы хвастунишка перескочил через двух своих соседей справа, то прямо под ним оказался бы другой его брат такого же цвета. Кто же он? Кот, цыпленок, утенок или кролик?

В нашем буфете

Четыре друга Булкин, Конфеткин, Шоколадкин и Пирожков, сидя в буфете «Ума палаты», решили подкрепиться булкой, конфетой, шоколадкой и пирожком. Каждый из друзей решил купить что-нибудь одно, но никто из них не любит того, что напоминает его фамилию. Кроме того, Конфеткину и Шоколадкину не хочется булки, Булкин не ест пирожки, а Шоколадкин не грызет конфеты. Не могли бы вы сказать, что же купил каждый из них в буфете?

	Булки	Конфетки	Шоколадки	Пирожки
Булкин	НЕТ			
Конфеткин		НЕТ		
Шоколадкин			НЕТ	
Пирожков				НЕТ

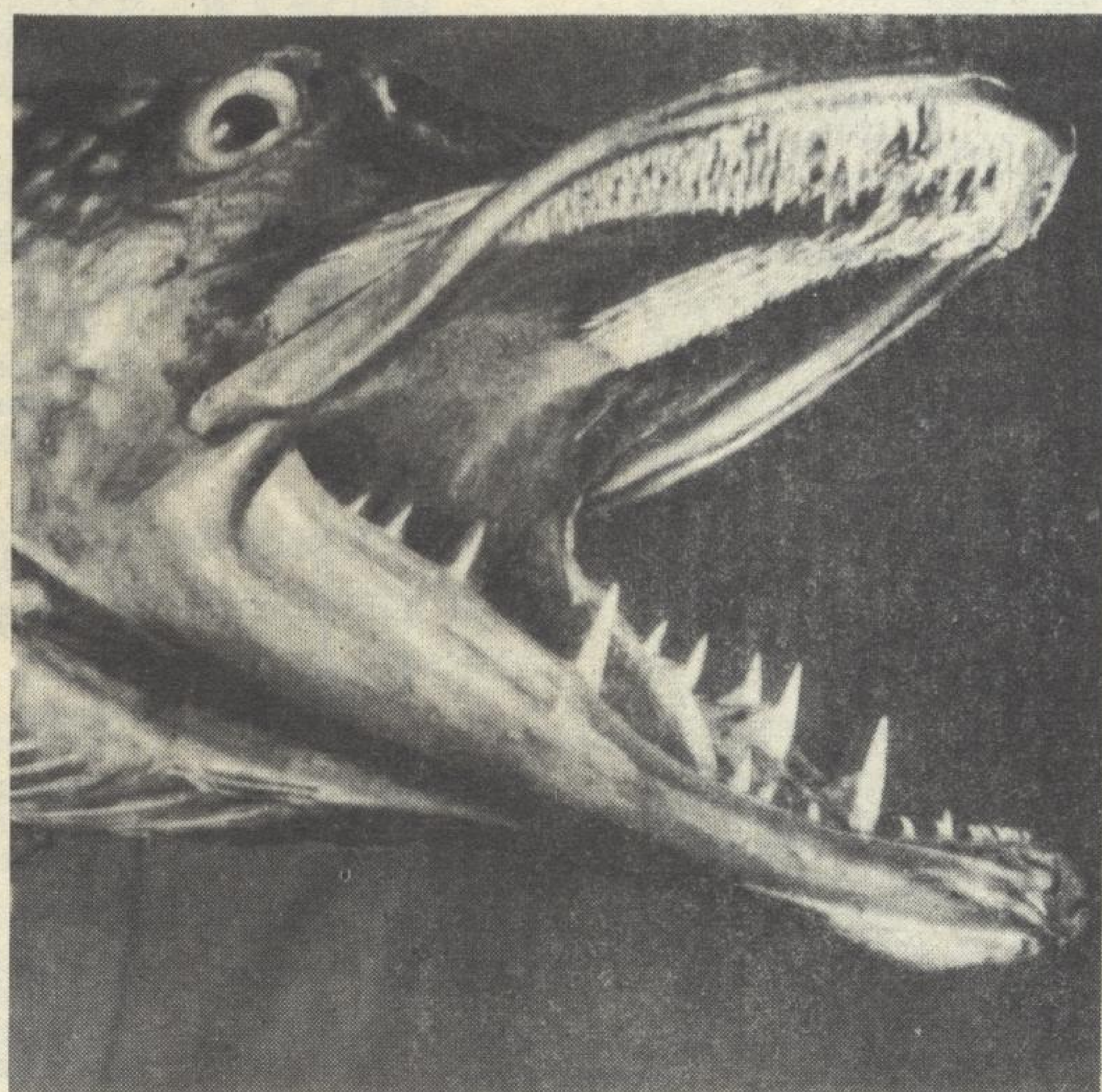

Ни пуха ни пера

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Прошлым воскресеньем я удил рыбу на озере. Из моей лунки несколько раз высовывалась голова огромной щуки. Я не поймал ее, но зато успел сфотографировать.

Попалось мне несколько рыб поменьше. Хотите знать, какие это были рыбы? Названия их составьте из букв в квадратиках лунки. Буквы могут следовать друг за другом в любом порядке, берите их из каждого соседнего квадратика — сверху, снизу, по диагонали. Одна и та же буква может быть использована дважды. Удачливый рыболов добудет из лунки семь рыб и даже восемь, если поймает зубастую щуку. Ни пуха ни пера!

Ответы на задачи из № 1

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ

Капитан Перо-86 — наблюдательный человек. Он сразу обратил внимание на «дворники», которые были повернуты на машине в другую сторону. Значит, пока резинка читала газету, кто-то воспользовался машиной и успел выполнить задание.

НА ЗАДАЧИ

«Ночлег в кроссворде», «Дракон Зуб-Зуб» и «Забейте гол» мы не даем ответов. Надеемся, что вы были внимательны и терпеливы и эти задачи решили сами.

ЭТОТ ОДНОКЛАССНИК... Я

Совсем недавно я стала замечать, что ребята в классе с каким-то недоверием относятся ко мне. Я долго думала, отчего это происходит. Однажды все-таки поняла...

Иногда кто-то из ребят приходит в школу в плохом настроении. Сидит грустный, расстроенный... Может, дома у него неприятности, может, с другом поссорился, может, физику или историю запустил. А один из его одноклассников этого не замечает. Начинает от нечего делать приставать к нему с дурацкими вопросами, смеется, пытается шутить.

Разве можно такому однокласснику рассказать о неприятностях, доверить тайну, попросить помощи? На него просто стараются не обращать внимания.

И вот таким одноклассником — человеком, который никогда не бывает серьезным, занят только собой, невнимателен к друзьям,— я увидела однажды себя.

Не знаю, часто ли я бывала такой. Но скорее всего часто. Ведь ребята сейчас почти не воспринимают меня всерьез. Действительно, помочь я никому не помогла, в беде никого не поддержала, все только посмеиваюсь...

Наверное, теперь мне трудно будет доказать ребятам, что я могу быть совсем другой.

Галя ЛАМТЕВА

п. Заводской, Целиноградская обл.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру . . . 1
Гвозди.— Рассказ В. Крапивина. Рисунки Е. Медведева . . . 2
Солдат. Возвращение отца. Провожаем ребят в армию.— Стихи Ю. Луцкевича. Рисунок Н. Доброхотовой . . . 14
Операция «Живое серебро» продолжается . . . 15
Школа умелых хозяев. Рисунки А. Борисова . . . 16
О твоей пионерской организации говорит Н. К. Крупская . . . 21
Начдив.— А. Гольдин. Фото С. Васина. Рисунок И. Урманче . . . 22
Земля в колосьях. Продолжение.— Ю. Черниченко. Фото А. Гериnаса, В. Постникова . . . 24
Костер дружбы.— И. Голубева. Рисунки Б. Гуревича . . . 28
Я, Арина, Байрамчик и верблюжье молоко.— Главы из повести З. Журавлевой. Рисунки М. Яшковой . . . 31
Безбилетные пассажиры.— Б. Орлов. . . . 45
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . . 46
Алиса в Стране Чудес. Продолжение.— Пересказал Борис Заходер. Рисунки В. Чижикова . . . 48
Зимушка-зима.— Стихи Т. Белозерова. Рисунки П. Багина . . . 62
Моя коллекция.
О почтовых марках и увлекательных путешествиях.— В. Розов . . . 64
Катерок.— Поэма С. Козлова. Рисунки Т. Ларионовой . . . 66
Что нам читать? . . . 69
В стране шаха—владыки черных и белых полей.—Международный мастер спорта М. Юдович . . . 70
Научный телеграф.— М. Гуревич, О. Либкин. Рисунки А. Сопина 72
Встречи с Тремя Неизвестными.— А. Орлов, А. Розенталь. Рисунки Б. Кыштымова . . . 74
Клуб «Сорок сорок».— В. Левин. Рисунки А. Вовиковой . . . 77
«Ума палата».— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . . 78
На обложке: Лоси выходят на асфальт.— В. Созинов, фото автора. **Идет игра «Зарница».** Рисунок А. Борисова

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Макет **К. М. ВЫСОЦКОЙ.**

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 30/XI 1971 г. А 00851.
Подписано к печати 3/I 1972 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 213.
Заказ № 2226.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Лоси выходят на асфальт

Лосиха настороженно пробиралась по небольшим рощицам и паркам. Испуганно шарахалась от ярких огней самосвалов, обходила шумные кварталы новостроек.

Долго шла по насыпи, потом спустилась к Москве-реке. Вечерние огни города отражались в воде и пугали зверя. Но инстинкт пересилил страх, лосиха вошла в воду. Переплыла реку и оказалась в роще, расположенной между двумя станциями метро — Кутузовской и Фили. Длинный забор отгораживал рощу от домов. Впереди мерцала река. Было пустынно и тихо.

Лосиха успокоилась и шагнула в тень...

А наутро их было уже трое — у лосихи родились два голенастых лосенка. Филевские мальчишки разнесли эту новость по окрестным дворам.

Через несколько часов приехали опытные охотоведы-лосятники. С ними был старейший московский охотовед Иван Иванович Новиченков. Они тщательно осмотрели все вокруг, хотя лосиха никого не подпускала близко. Ничто не угрожало малышам, а для лосихи было пока достаточно пищи и воды.

О лосихе и новорожденных заботились самые разные люди. Рабочие соседнего завода несли сторожевую вахту; школьники подкармливали лосиху; даже машинисты поездов метро — здесь поезда выходят на поверхность земли — слегка снижали скорость, стараясь не беспокоить животных...

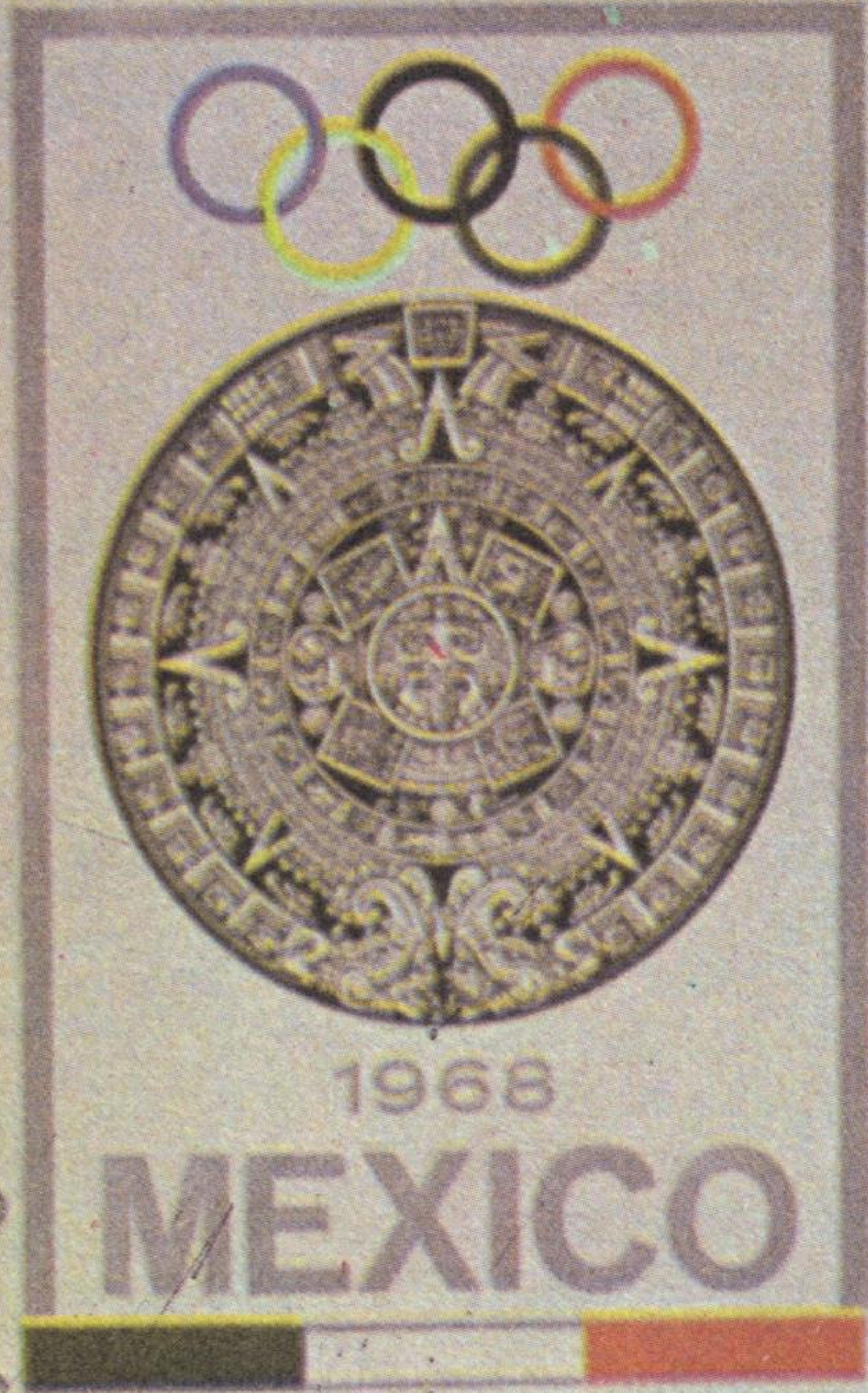
Ученые ждали, когда лосята подрастут. Тогда надо будет увезти семейство из города, а это совсем непросто сделать.

...Сначала лосиха легко уходила от загонщиков. Ни на шаг не отставали от нее и легконогие малыши. Им уже исполнился месяц. Но вот раздался сухой щелчок выстрела, шприц, наполненный снотворным, вонзился в бедро лосихи. Прошло немного времени, и заснувшую лосиху бережно погрузили в машину. Тут же пристроили лосят.

Когда на спидометре появилась цифра «50», грузовик остановился. По обеим сторонам дороги тянулся лес. Вокруг было тихо. Люди дождались, пока лосиное семейство в полном составе удалилось в чащу, и уехали.

В. СОЗИНОВ.
Фото автора.

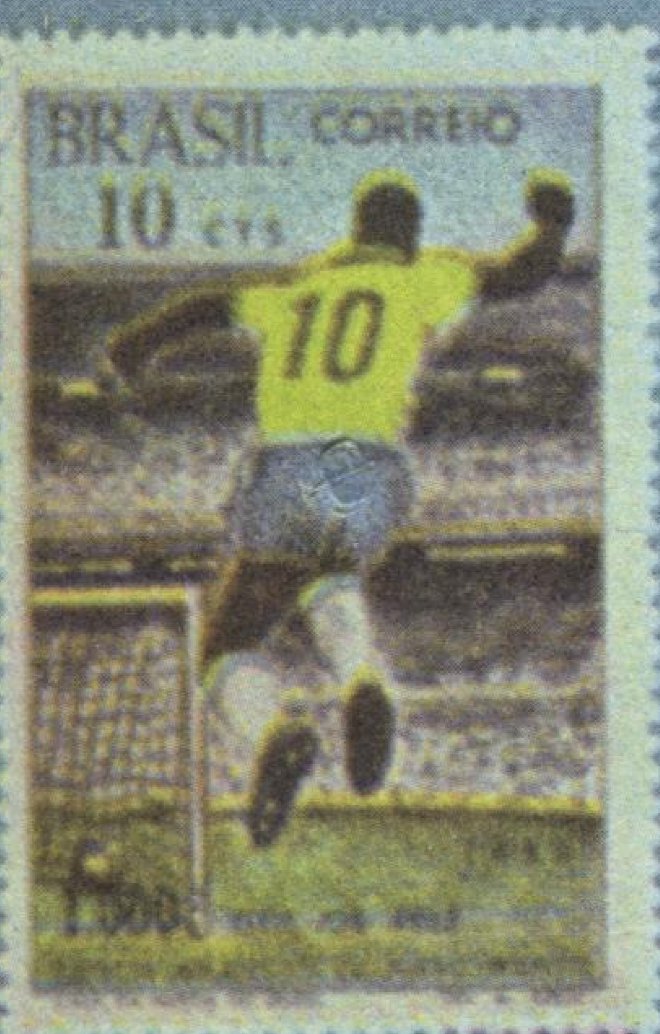

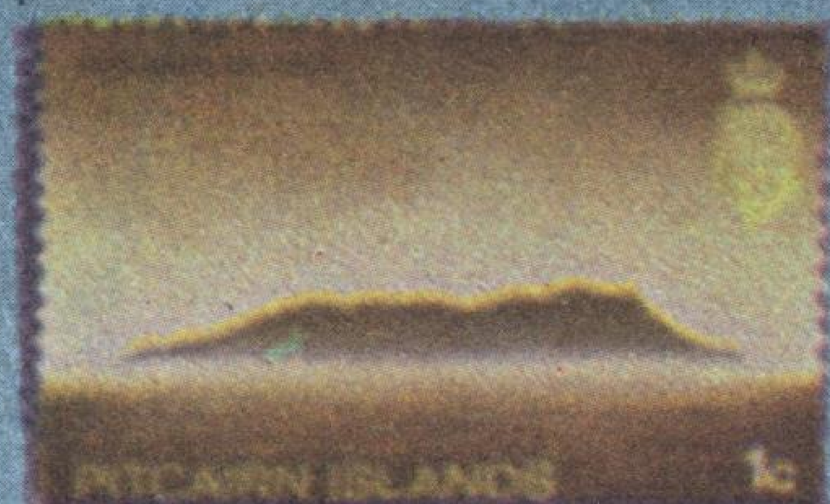

nederlandse antillen

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Слева, внизу, еще одна редкость. В 1971 году бастовали почтовые работники Англии. Правительство разрешило частную почту — это ее конверт.

Знакомимся с коллекцией писателя Виктора Розова. Конверт в честь Олимпиады в Мексике. Пеле забивает свой тысячный гол. Портрет Фиделя Кастро. Экзотический остров Питкерн. Репродукция с картины французского художника Жана Клуэ. Дивные птицы Мали. Этот детский рисунок получил приз в Англии. Здание Моссовета — одно из красивейших в Москве. Марка в честь 1-го Всесоюзного слета пионеров.

